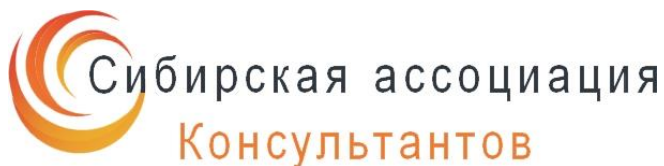

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И
СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Часть I

НОВОСИБИРСК,
2010 Г.

УДК 159.9.015+159.923

ББК 88.37+88.5

Л 66

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор, зав кафедрой психологии
личности и специальной психологии, НГПУ

Н.В. Дмитриева

кандидат психологических наук, доцент, НГПУ

Н.Р. Гулина

Л 66 Личность и общество: проблемы современной психологии:

материалы международной заочной научно-практической
конференции. Часть I. (1 февраля 2010 г.) – Новосибирск: Изд.
ЭНСКЕ, 2010. – 143 с.

ISBN 978-5-91711-012-7 (1)

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Личность и общество: проблемы современной психологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной психологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической психологии и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной психологии.

ББК 88.37+88.5

ISBN 978-5-91711-012-7 (1)

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2010 г.

Оглавление:

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ Аветисян А.А.	7
К ВОПРОСУ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ Алексеева Н.В.	14
ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЕННОСТИ И ЕЕ КООРДИНАТЫ В БИЗНЕС-ГРУППЕ Алёхина Е.В.	21
СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ВООБРЕЖЕНИЯ Анищенкова А.В.	29
ПРИСУТСТВИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН, ПРОЯВЛЯЮЩИЙСЯ В ОТНОШЕНИЯХ «ЧЕЛОВЕК-МИР» Барсукова С.А.	32
ЛИДЕРСТВО КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТЫКЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИЙ Ворсина О.Я.	35
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДИСКУРС- АНАЛИЗА СООБЩЕНИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ Георгадзе М.С.	40
К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АССЕРТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ Гуляева К.Ю.	45

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СУБЪЕКТИВНУЮ ОЦЕНКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРЕССОРОВ	50
Дементьева Л.В.	
РЕАЛЬНЫЙ МИР, ЖИЗНЕННЫЙ МИР, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР: СООТНОШЕНИЕ И РАЗВИТИЕ	55
Демидова И.Ф.	
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ РЕВНОСТИ	59
Дмитриева Н.В.	
ПСИХОЛОГИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ И ИНТИМНОСТИ	67
Дмитриева Н.В.	
ТИПОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	80
Дмитриева Н.В.	
РЕФЛЕКСИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ	88
Дмитриева Н.В.	
Дроздова С.А.	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОРРЕКЦИИ АДДИКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ	96
Дмитриева Н.В.	
Фридгант Д.Л.	
ЖЕСТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА ПСИХОЛОГА КАК СРЕДСТВА ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ	107

Довженок Т.Г.	
ПРОЯВЛЕНИЕ АРХЕТИПОВ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МИФАХ	112
Каяшева О.И.	
НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОДАРЕННОСТИ	115
Кисенова Р.Х.	
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛЖИ И ОБРАЗА ЛЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА	119
Комарова А.В.	
ГЕНДЕРНАЯ ФЛЮИДНОСТЬ	125
Короленко Ц.П.	
Дмитриева Н.В.	
ПОНЯТИЕ ВОЛИ КАК ВЕДУЩЕГО ПСИХИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ КОНЦА XIX НАЧАЛА XX ВЕКА	132
Курносова М.Г.	
СИСТЕМА КОМПЛЕКСНОГО ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ	137
Лифинцева А.А.	
ВОСПИТАНИЕ ЭТИЧЕСКИ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА	140
Маланичева А.В.	

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аветисян А.А.

Аспирант, АГПУ, г. Ереван

E-mail: ahaykuhi@yandex.ru

В психологии считается общепринятым положение о том, что зрелость психического развития личности является основой ее социальной зрелости. Конечно же, на первый взгляд, это положение представляется достаточно очевидным и не вызывающим сомнений. Однако, в таком нераскрытом виде это положение является сугубо теоретическим. Вполне естественно возникает вопрос о том, а как можно понимать психическую зрелость, на основе каких показателей мы можем судить о разных уровнях зрелости личности? Если мы ориентируемся на поведение личности в социуме, если поведение личности соответствует нормам социального взаимодействия данного общества, то мы естественно делаем вывод о том, что личность проявляет необходимый уровень социальной зрелости. И именно в этой интерпретации социальной зрелости нас ждет много непонятого и противоречивого. Во-первых, поведение личности, то есть внешний аспект психосоциальной деятельности, является стандартным феноменом, то есть большинство людей демонстрируют такое нормативное поведение, которое принято в конкретном обществе. Общепринятость какой-либо модели поведения не говорит о социальной зрелости индивида и общества. Учитывая тот очевидный факт, что ценности общества могут быть по своему характеру и направленности антисоциальными, то тогда, конечно же, мы не можем говорить о позитивной стороне социальной зрелости. Мы не можем говорить о социальной зрелости вообще в данном контексте. Из этого следует, что некое усредненное, стереотипное поведение индивидов не может служить критерием ее социальной зрелости. Часто выводы могут быть прямо противоположными. На территории бывшего СССР, в большинстве республик, получивших независимость, сложились многочисленные социальные сообщества, нормы поведения, которые далеки не только от социальной зрелости, но даже от критериев социального поведения вообще. И если мы принимаем тот общеизвестный в психологии факт, что зрелость является следствием развития самосознания и рефлексии, то мы можем допустить, что многочисленные социальные общности пока еще не отличаются развитием именно этих показателей. Моральные требования социальной общности, социальные запреты, функционирующие в

конкретном обществе, могут прекрасно характеризовать уровень его социального развития. О социальном уровне развития общества можно судить, хотя бы, по существующим в нем запретам. Если, к примеру, в лифтах вывешиваются предупреждения о запрете курить, плевать, ломать и поджигать, то мы вполне можем понять, какие в данном обществе модели являются общепринятыми со стороны большинства членов данного общества. Отношение общества к различным сферам социальной жизни ясно прослеживается в поведении ее членов. Общепринятые модели поведения, таким образом, не могут служить показателем социальной зрелости членов этого общества. Более того, общепринятые модели поведения часто просто маскируют реальные уровни психической и социальной зрелости членов общества. Часто в ситуациях экстремального характера можно видеть эту роль маскировки. Именно в экстремальных ситуациях прослеживается истинный уровень психической и социальной зрелости индивида. Если мы станем судить о социальной зрелости индивида по его соответствию социальным нормам, то тем самым мы должны признать его полностью социальным. Даже в тех парадоксальных случаях, когда жизнедеятельность общества в целом антисоциальна, даже в этом случае, следуя данному критерию, мы должны определить поведение личности как социально зрелое. В этом и заключается парадокс теоретизирования. Но, с другой стороны, психическая зрелость личности практически и не может быть определена вне контекста ее социального поведения. Таким образом, мы должны искать иные критерии для определения социальной зрелости личности. Выходом в данной ситуации становится, так называемая, критериальная сетка социальных ценностей, которые становятся для личности доминирующими. Таким образом, не следование социальным нормам общества становится критерием социальной зрелости личности, а ее шкала ценностных ориентаций. Главным становится не то, что человек делает, а какая мотивация лежит в основе его действий. Проще и рельефнее всего эта мотивация проявляется в ситуациях реализации личностью своих интересов, при этом как раз и выступает на передний план специфика ее защитной стратегии. Разграничивая два понятия - понятия психической и социальной зрелости, некоторые ученые рассматривают фактор социациальной фобии как критерий несформированной социальной зрелости личности, при наличии сформированной психической зрелости. Так, к примеру, известный социальный психолог Mersch P.P, считает, что творческая личность, безусловно, считается психически зрелой, тем не менее, плохо адаптированной к нормам социального

окружения. Социальная зрелость предполагает, согласно этому исследователю, способность легко адаптироваться к существующим нормам, проявлять активность. Между тем, творческие люди чаще всего интроверты, и не ориентированы на внешнюю активность, чувствуют себя не в своей тарелке в социальном окружении. Безусловно, творческая личность может считаться психически зрелой, так как одним из критериев зрелости является способность к рефлексии, однако, мы считаем, что активная внешняя деятельность не может считаться критерием социальной зрелости и речь в этом случае не может идти о социальных фобиях, а скорее всего тут мы имеем дело с направленностью интересов [1].

Практически ту же мысль высказывает и Ost L-G, сводящий социальную зрелость к отсутствию у личности тревожности в ее межличностных отношениях [2].

Несмотря на то, что разграничение понятий социальной и психологической зрелости является несколько спорным, тем не менее, в психологии вводят такие понятия как «маскируемая и немаскируемая зрелость». Эти понятия относятся, как правило к проявлениям социальной зрелости. То есть речь идет о том, что психическая зрелость личности часто сочетается с социальной незрелостью, или маскируемой зрелостью. Очевидная способность личности к рефлексии часто не становится гарантом ее социальной зрелости. Однако при этом, определяя понятие «социальная зрелость» большинство ученых, в частности, социальных психологов, исходят из того, что социально зрелой является личность, принимающая социальные нормы, следующая им, то есть реализующая эти нормы в своем поведении. О некоторой ущербности такого понимания мы уже писали. В этом смысле, религиозные фанаты ислама, уничтожая людей, должны считаться полноценно зрелыми личностями, так как в их социальном окружении такие нормы являются ценностными. Но именно в этом контексте рассмотрения проблемы, мы спокойно можем вывести соотношение между защитной стратегией личности с уровнем ее психической зрелости. Как раз в этом случае мы имеем дело с агрессией, которая является примитивным механизмом защиты и поэтому не может входить в структуру поведения зрелой личности. Это означает, что с понятием социальной зрелости необходимо связывать ценностный компонент. Ценности в жизни зрелого человека должны быть позитивными, они должны быть направлены на развитие толерантности в межличностных отношениях, они должны стимулировать развитие социальных ценностей, таких как культура и искусство, наука и экология. То есть речь может идти только о

гуманистических ценностях. Формирование социально-психологической зрелости личности, как правило связывается с ее развитием, с ее социализацией. А так как социализация является процессом, начало которого мы фиксируем в семейных отношениях, то вполне логично постулировать соотношение между защитной стратегией личности и уровнем ее социально-психологической зрелости. В психологии, в связи с исследованием процесса формирования социально-психологической зрелости, закономерно формируется проблема, суть которой состоит в следующем: в какой последовательности или причинной следственной связи мы можем рассматривать два фундаментальных феномена - «взрослости» и «зрелости». Мы можем рассматривать зрелость как следствие взрослости и наоборот - взрослость как следствие зрелости. В отношении первого варианта мы уже высказали свое мнение, мы считаем, что взрослость не может считаться синонимом зрелости. Это означает, что став взрослым человек не обязательно становится зрелым. Критерием взрослости личности, таким образом, становится зрелость, при этом критерием зрелости не может считаться взрослость. Критериями социально-психологической зрелости, кроме перечисленных нами выше, является также, так называемая субъектность. Это понятие раскрывается как способность к рефлексии, но не только по отношению к самому себе, но также по отношению к другим. Так, Э.Эриксон выделяет такие качества, как забота, милосердие (взрослость), мудрость (старость); при этом каждый следующий этап не отменяет предыдущие, но как бы наращивает новый уровень субъектности, прежде всего как социальной зрелости личности. В.И.Слободчиков и Е.И.Исаев, раскрывая содержание социальных «новообразований» человека, описывают их этапы: персонализации (переход к юности), индивидуализации (переход к взрослости), универсализации (как переход к старости) [3]. Это означает, что мы обязаны рассматривать жизнедеятельность личности не как простое движение от прошлого к будущему, а как изменения, приводящие к развитию. Этим самым мы хотим подчеркнуть качество психического развития личности. Качество зрелости однозначно определяет качество жизни. И если в этом вопросе можно вывести некоторый критерий, то таким критерием может быть ответственность за собственную жизнь, то есть за собственные успехи и собственные ошибки. То есть, мы говорим о таких параметрах личности как интернальность и экстернальность. Интернальность мы считаем признаком психически зрелой личности. В отличие от интернальности, экстернальность можно определить как социальный инфантилизм, как

постоянная зависимость от окружения, как примитивность защитной стратегии личности. Экстернально ориентированная личность нацелена на удачу, но эти удачи она приписывает себе, между тем эти удачи привнесены социальным миром, интернально ориентированная личность склонна приписывать ошибки своей жизни себе, даже в тех случаях, если социальный мир приложил максимум усилий для их осуществления. Социальный инфантилизм, является следствием неадаптированной защитной стратегии. Явление социального инфантилизма ярко подчеркивается в ситуациях демонстрации подростковых и юношеских ценностей во взрослой жизни личности. При этом, мы хотим подчеркнуть, что состояние социального инфантилизма может быть присуще не только отдельной личности, но также и обществу. Более того, уровень зрелости конкретного общества часто программирует уровень зрелости его членов. В современной психологии социально-психическая зрелость личности диагностируется исходя из того, насколько поведение личности соответствует социальным нормам и предписаниям. Для выяснения, таким образом уровня социально-психологической зрелости личности достаточно протестировать ее на уровень ее адаптации к социальному миру. **Таким образом, для определения того, насколько зрелой является личность необходимо поставить в фокус экспериментальной работы два измерения: во-первых, выяснить закономерности действия защитной стратегии личности и во-вторых, определить уровень ее социально-психологической адаптации.** В подобном экспериментальном подходе мы получим вполне объективную корреляцию. В качестве дополнительного показателя определения уровня социаль-психологической зрелости может быть использовано измерение уровня тревожности личности. Таким образом, мы выводим три уровня определения соотношения между уровнем защитной стратегии личности и уровнем ее социально-психологической зрелости. Во-первых, мы определяем качество и содержание защитных механизмов трех поколений - детей, родителей и родителей последних. Исследуя закономерности функционирования защитных механизмов трех поколений, мы тем самым становимся способными определить уровень социальной преемственности функционирования защитных стратегий. В психологии понятие «психологическая зрелость» не имеет однозначного понимания и употребления. Большинство исследователей, обращаясь к анализу этого понятия, исходят из своих концептуальных позиций, оставаясь в границах условной компетентности. По большому счету, эта ситуация является, мягко говоря, универсальной. В качестве критериев

психологической зрелости выдвигаются различные характеристики и свойства личности. Это может быть и способность личности к рефлексии, и ее готовность аккуратно выполнять предписанные ей социальные роли. Кроме того, часто, говоря о зрелости, подразумевают способность личности достигать поставленной цели в соответствующем возрасте. Это уже означает, что личность подвержена проигрывать социальный сценарий в своем стремлении самоактуализации. В обществе каждому возрасту приписывается определенный уровень достижений. И если личность соответствует этим социальным ожиданиям, то она считается зрелой. По сути, это самый скользкий критерий зрелости, который устраивает всех членов общества. Сообразно этому критерию и оценивается уровень развития личности. Между тем, большинство творческих личностей своим жизненным примером, доказывают прямо противоположное. Общество вводит конкретные возрастные критерии, определяющие и программирующие жизнедеятельность личности. Однако, психологическая зрелость личности не может быть обусловлена требованиями к определенным возрастным периодам. Парадокс понимания понятия «зрелость» заключается в том, что большинство перечисленных характеристик реально отражают смысл этого понятия и вместе с тем, отражают какие-то отдельные стороны этого понятия. Практически каждый критерий, являясь, по сути, верным, одновременно является односторонним. В качестве критерия психологической зрелости в социальной психологии выдвигается понятие адаптации к социальной среде. Согласно этому критерию, личность считается психологически зрелой, если она хорошо адаптирована к социальной среде, если она не конфликтна, если разделяет социальные нормы поведения и принимает социальные ценности. Бесспорно, такой показатель как адаптация может отражать уровень зрелости личности, но он скорее является не критерием зрелости личности, а результатом. Мы считаем, что понятие «зрелость» является социально-психологически целостным и ценностным понятием. Понятие «зрелость» проникает в психологию из области мирового художественного творчества. Ярким примером этого становится творчество Данте А., питающееся из истоков древней культуры. Как у древних греков понятие «возраст» является синонимом зрелости, так и сегодня мы фиксируем ту же самую идею. В древней Греции зрелость вступала в свои права в возрасте «акмэ», в 33 года. Понятие «акмэ» - это не простая фиксация возраста. Оно значительно глубже в психологическом смысле. «Древние греки называли этот возраст и соответствующее ему состояние духа

человека «акмэ», что означало вершину, высокую степень чего-нибудь, цвет, цветущую пору. То есть момент наиболее полного расцвета человеческой личности, «гождественности себе» [4, с. 33]. Психосоциальная зрелость личности может быть определена как способность осознавать реальные границы социальной реальности, прогнозировать последствия собственных действий, и брать на себя ответственность за собственную жизнь, а также за жизнь окружающих близких людей. Именно в этом смысле мы рассматриваем также феномен человеческой любви, которую мы определяем как способность нести ответственность за другого человека. Оригинальную концепцию зрелости предлагает К.Г. Юнг. Понятие «развитие», по Юнгу К., непременно связано с формированием зрелости, но при этом зрелость понимается как экзистенциальный феномен. Процесс психического развития личности сводится к постепенному отказу от инстинктивности и переходу к росту сознания. «Именно отрыв человека от инстинкта - его противопоставление себя инстинкту - создает сознание» [5, с. 53]. Формирование зрелости начинается с того момента, когда в нашу душу вкрадывается сомнение, то есть тогда, когда мы начинаем отказываться от инстинкта, когда в нас пробуждается сознание и мы становимся перед необходимостью выбора. «До тех пор, пока мы еще погружены в природу, у нас нет сознания и мы живем под защитой инстинкта, не знающего проблем. Все, что осталось в нас от природы, бежит проблем, поскольку они суть сомнения, а где властвует сомнение, там и неопределенность и возможность выбора. **А где есть возможность выбора, там инстинкт более не управляет нами и мы предаемся страху»** [5, с. 56]. Психосоциальная зрелость личности, по Юнгу, сводится не к достижению карьерных высот, а к формированию индивидуальности.

Список литературы:

1. Слободчиков В.И., Исаев Е.М. Психология развития человека. – М., 2002.
2. Толстых А. Земную жизнь пройдя до середины. В кн. Психология зрелости. – Самара: Бахрах-М, 2003.
3. Юнг К.Г. Стадии жизни. В кн. Психология зрелости. – Самара: Бахрах-М, 2003.
4. Ost L-G. Applied relaxation. In Emmelkamp PMG, et al (eds): Fresh perspectives on anxiety disorders. Annual Series of European Research in Behavior Therapy, Swets 8, Zeitlinger, Lisse, 1989.
5. Mersch PP: The behavioral and cognitive therapy for social phobia. Groningen, 1994.

К ВОПРОСУ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Алексеева Н.В.

К.э.н., доцент Международного университета природы, общества и человека «Дубна», филиал «Угреша»

E-mail: dmal-19@yandex.ru

В последнее время издано довольно много литературы, посвященной изучению конфликтных взаимодействий в различных сферах. Некоторые аспекты очевидны и не вызывают сомнений, с чем-то можно поспорить или вовсе не согласиться, какие-то составляющие не освещаются вообще. Понятие конфликта на сегодняшний день не принадлежит какой-то одной определенной области науки или практики. В литературе можно увидеть множество различных определений понятия «конфликт». Например, А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов предлагают следующее определение: «Под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями». [1] Б. И. Хасан, один из известных отечественных исследователей конфликта, предлагает следующее понимание конфликта: «Конфликт — это такая характеристика взаимодействия, в которой не могущие сосуществовать в неизменном виде действия взаимодействуют и взаимозаменяют друг друга, требуя для этого специальной организации. [2] В Большом психологическом словаре под редакцией Зинченко В.П. и Мещерякова Б.Г. конфликт определяется как «актуализированное противоречие, столкновение противоположно направленных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов». [3]

Упорядочить все определения конфликта действительно непросто, ведь, как пишет Ф. Е. Василюк, «если задаться целью найти дефиницию, которая не противоречила бы ни одному из имеющихся взглядов на конфликт, она звучала бы абсолютно бессодержательно: конфликт — это столкновение чего-то с чем-то». [4]

Не вызывает возражений тот факт, что с конфликтами мы сталкиваемся повсеместно. Это достаточно распространённая черта социальных систем. Они возникают дома, в учебных заведениях, в любых организациях.

Известно, что конфликты в организациях достаточно часто оказывают определяющее влияние на их деятельность. И хотя в

последнее время издано довольно много литературы, посвященной изучению конфликтных взаимодействий в этой сфере (А.Я. Анцупов, Н.В. Гришина, А.И. Донцов, В.В. Дружинин, А.Г. Здравомыслов, А.Я. Кибанов, А.И. Шипилов и другие), вся она, как правило, носит теоретический характер. Более того, с одной стороны, существует необходимость управления конфликтами в организациях, а, с другой стороны, существует проблема недостаточной подготовленности руководителей в связи с отсутствием у них соответствующих знаний, умений и навыков в этой области, и не существует единой достаточно эффективной методики или алгоритма, который был бы универсален, достаточно прост в использовании и мог бы применяться для разрешения возникших конфликтных ситуаций.

Несомненно, что сложность конфликта как явления внутренней жизни человека и социального взаимодействия предъявляет высокие требования к методам его изучения. Конфликтология, будучи сравнительно молодой научной дисциплиной, объективно вынуждена использовать для изучения конфликта методы, разработанные, в первую очередь, в психологии. Представляет интерес классификация методов социальной психологии, которую приводят В. Е. Кузьмин и В. Е. Семенов в монографии «Методы социальной психологии». В этой классификации вся совокупность методов упорядочивается следующим образом.

1. Методы эмпирического исследования: наблюдение, изучение документов, опрос (интервью, анкетирование), специализированные социально-психологические методы (социометрия; экспертная или групповая оценка личности и т. д.), тесты, эксперимент.

2. Методы моделирования [5]

Как существует множество точек зрения на определение конфликта, также отечественными и западными исследователями выделяется несколько подходов к управлению конфликтами, каждый из которых классифицируется по определенным основаниям: по видам деятельности; исходя из формул, которые могут быть применены в той или иной ситуации; работа без посредников, включающая различные методы; разрешение конфликта с привлечением третьих лиц; картография конфликта; метод декартовых координат, методы ведения переговоров и так далее.

В итоге, в результате изучения и обобщения литературы, посвященной рассмотрению вопросов управления конфликтами в организации и на основании анализа существующих методов изучения конфликтов, нами был предложен алгоритм по управлению конфликтами в организации, который состоит из четырех шагов и

анализируется как по содержанию деятельности, так и по способам реализации.

Шаг	Содержание деятельности	Способы реализации
1	Выявление проблемного поля. Предварительное ознакомление с ситуацией.	Наблюдение, беседа, анализ результатов деятельности, психодиагностика.
2	Определение функциональной направленности конфликта. Выявление и анализ возможных причин возникновения конфликта: общих и частных.	Наблюдение, беседа, анкетирование.
3	Выявление индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей. Интерпретация полученных результатов.	Психодиагностика, методы математико-статистического анализа, структурные методы.
4	Принятие решения.	Педагогические методы, административные методы.

Данный алгоритм был апробирован в одной из организаций г.Москвы. В процессе работы были выявлены некоторые негативные факторы, функциональная направленность конфликта, выявлены возможные причины конфликта, проведено тестирование, результаты которого были проанализированы, обсуждены и подтверждены.

Итак, на стадии предварительного ознакомления с ситуацией были выявлены следующие негативные факторы. Некоторые из них приводим ниже:

1. Происходит замена сотрудников друг с другом без предварительной договорённости с руководством, о чём становится известно по факту.
2. Наблюдается напряжённость межличностных отношений.
3. Имеет место ситуация, когда работники участка не общаются друг с другом (наблюдается ограниченность контактов).
4. Жалобы сотрудников друг на друга.
5. Критические высказывания в адрес друг друга.

6. Техническая база производства практически изношена.
7. Социальное обеспечение недостаточное.
8. Управленческий персонал редко посещает производственные участки.

Также на данном этапе была проведена диагностика социально-психологического климата с помощью экспресс-методики по изучению социально-психологического климата в коллективе. [6] В данном случае полученный климат в коллективе трактуется как противоречивый и неопределенный, что обуславливает необходимость его оптимизации как важнейшего резерва повышения эффективности групповой деятельности.

Для работы на втором этапе с целью определения функциональной направленности конфликта и проведения анализа возможных причин возникновения конфликтов как общих, так и частных, была предложена анкета для изучения различных аспектов деятельности организации, фрагмент которой представляем:

1	Плохие санитарно-гигиенические условия труда	1 2 3 4 5 6 7	Хорошие санитарно-гигиенические условия труда
2	Техника и оборудование требует постоянного ремонта или замены	1 2 3 4 5 6 7	Нормальное состояние оборудования, всегда своевременные ремонт техники и оборудования.
3	В коллективе отношения соперничества и конфронтации	1 2 3 4 5 6 7	В коллективе отношения взаимопомощи и сотрудничества.
4	Руководитель не интересуется делами коллектива	1 2 3	Руководитель интересуется делами коллектива

		4 5 6 7	
5	Дезорганизованность коллектива	1 2 3 4 5 6 7	Высокая организованность коллектива
6	Постоянные нарушения трудовой дисциплины, опоздания, пересменки, потери рабочего времени и т.д.	1 2 3 4 5 6 7	В коллективе отсутствуют нарушения трудовой дисциплины, опоздания, пересменки, потери рабочего времени и т.д.
7	Документация ведётся с нарушениями	1 2 3 4 5 6 7	Вся документация ведётся точно, без нарушений (табеля нагрузки, журналы смен)

Далее результаты были выстроены по степени убывания от положительной выраженности некоторых аспектов деятельности до отрицательной. С помощью коэффициента конкордации Кендалла была доказана согласованность ответов сотрудников по данной анкете ($W = 0,585$).

Анализируя полученные результаты, а также используя метод наблюдения, беседы, изучая документы (табеля учёта нагрузки) была выявлена функциональная направленность конфликта (фрагмент представим ниже):

1. Ухудшаются взаимоотношения между сотрудниками.
2. Происходит снижение желания работать.
3. Происходят потери рабочего времени.

4. Имеет место пассивный саботаж (если имеет место поломка автомобиля, рабочие не спешат сообщить об этом начальнику участка).

5. Неопределённый социально-психологический климат.

Также были выявлены возможные причины конфликта, некоторые из которых указываем:

1. Неудовлетворённость техническим обеспечением.

2. Ограниченность ресурсов.

3. Неудовлетворительная система межличностных взаимоотношений, как по вертикали, так и по горизонтали.

4. Неудовлетворительное положение некоторых индивидов в группе (различия в понимании целей, отсутствие наличия взаимозависимости задач).

Следующий этап работы – проведение тестирования. Здесь использовались социометрия [7], опросник Томаса [8], методика Кейрси [9].

Каждому сотруднику была представлена социокарточка с вопросом: «если бы вы самостоятельно формировали команду, кого бы вы обязательно включили в её состав?» и соответственно «кого бы вы никогда не включили в её состав?». По результатам была выстроена социоматрица, которая выявила лидеров и аутсайдеров. Например, в нашем случае сотрудник под № 7 имеет 16 положительных выборов, № 20 – 10 положительных выборов, № 15-15 отрицательных выборов, № 17 – 11 отрицательных выборов. Далее были выявлены взаимные отрицательные и взаимные положительные выборы и рассчитан индекс социометрического статуса каждого сотрудника. С целью более достоверного выделения «звезд» и «пренебрегаемых» использовался метод статистического анализа. Нашли среднее количество выборов, приходящихся на одного человека в группе. Определили оценку вероятности быть избранным в данной группе. Вычислили среднее квадратное отклонение. Подсчитали коэффициент асимметричности. По таблице значения по Сальвосу определили верхние и нижние границы.

Далее выявили типичные формы поведения в конфликтных ситуациях. Оказалось, что сотрудники, имеющие большинство отрицательных выборов, выбирают избегание или доминирование. Сотрудники, имеющие положительные выборы, - компромисс, доминирование, сотрудничество.

Далее были проанализированы результаты по методике Кейрси только для тех сотрудников, которые имеют наибольшие положительные и отрицательные выборы, и по таблице интертипных

отношений выявлен характер отношений в данном коллективе. Например, диады 7-11, 7-17 (конфликтные отношения), диада 7-15 (полная противоположность), диада 11-15 (отношения активации).

Подробный анализ полученных результатов позволил сделать определённые выводы (например, в организации существует конкуренция за дефицитные ресурсы; происходит нарушение ритма и условий деятельности вследствие опозданий, пересменок, неточностей в ведении документов; выявлены сотрудники, имеющие наибольшее число конфликтных взаимоотношений и т.д.), разработать рекомендации по управлению конфликтами, на основании которых были приняты конкретные управленческие решения. А именно:

1. Провести беседу с неформальными лидерами (№№№ 7,20,11) для разработки алгоритма оптимизации деятельности коллектива.
2. Запретить замены сотрудников друг с другом без предварительного ознакомления с этим решением непосредственно начальника участка, за нарушение данной позиции ввести санкции.
3. Пересмотреть инструкции для рабочих и оптимизировать их с учетом возможных нестандартных ситуаций (болезни, аварии).
4. Минимизировать служебные контакты между конфликтующими сторонами путём включения их в разные мини-бригады на выездах (например, между сотрудниками 20-17, 11-1).
5. Проанализировать ситуацию на возможность функционального разведения участников или перевода в другие рабочие бригады или подразделения некоторых конфликтных сотрудников (например, 7-17, 7-15).
6. 1-2 раза в течение года оценивать взаимоотношения в подразделениях с целью выявления динамики взаимоотношений и принятию своевременных мер по совершенствованию. Это позволит отследить эффективность работы по предупреждению конфликтов в организации.

Список литературы:

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – СПб.: Питер, 2008. – 552 с.
2. Большой психологический словарь / Под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. – М., 2005.
3. Гришина Н.П. Психология конфликта. – СПб., 2008.
4. Конфликтология / Под ред. В.П.Ратникова. – М., 2009.
5. Леонов Н.И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения. – СПб., 2005.
6. Платонов Ю.П. Психологические портреты персонала. – СПб., 2005.

7. Практикум по возрастной психологии / Под ред. Головей Л.А., Рыбалко Е.Ф. – СПб., 2002.
8. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. – М., 2008.
9. Штроо В.А. Методы социально-психологического исследования. – Воронеж, 2003.

ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЕННОСТИ И ЕЕ КООРДИНАТЫ В БИЗНЕС-ГРУППЕ

Алёхина Е.В.

*К.пс.н., независимый консультант
E-mail: alekhina-practice@yandex.ru*

Исторически первым определением сплоченности сегодня считается данное Фестингером: «сумма всех сил, действующих на членов группы, чтобы удержать их в ней» [1, с.268]. Можно сказать, что все последующие работы, посвященные исследованию групповой сплоченности, разрабатывали те или иные варианты ответов на вопрос о природе этих сил. Г.М. Андреева, на сегодняшний день наиболее полно и системно обобщившая представления о явлении групповой сплоченности в современной психологии, отмечает, что, несмотря на некоторую вариативность в трактовках этого понятия, во всех случаях оно опирается на понимание группы как «некоторой системы межличностных отношений, имеющих эмоциональную основу» [1, с.267]. В частности, один из основоположников ее исследования Морено предлагал оценивать групповую сплоченность по числу положительных выборов в группе к общему числу всех возможных выборов.

В качестве альтернативы Андреева рассматривает главным интегратором группы ее совместную деятельность, отмечая, что наиболее глубоко идеи исследования сплоченности на этой основе разработаны А. В. Петровским в теории деятельностного опосредования межличностных отношений в группе.

Петровский считает, что сплоченность должна трактоваться как ценностно-ориентационное единство коллектива. Ценностно-ориентационное единство, по Петровскому, это, прежде всего, сближение оценок в нравственной, деловой сфере, в подходе к целям и задачам совместной деятельности [3, с.262]. В качестве индекса сплоченности им была предложена частота совпадения мнений или позиций членов группы по отношению к значимым объектам.

В основе рассматриваемой трактовки групповой сплоченности лежит представление о четырех слоях групповых структур [3, сс. 254-264].

(А) – сама групповая предметная деятельность глубинный, ядерный слой;

(Б) – отношение каждого члена группы к групповой деятельности, к ее целям, задачам и т.п.;

(В) – межличностные отношения, опосредованные деятельностью;

(Г) – межличностные отношения, в основном эмоциональные, по отношению к которым ни цели деятельности, ни общезначимые для нее ориентации не являются детерминирующими.

Высшей стадией развития групповой сплоченности в отечественной традиции исследования малых групп признается коллективизм. Андреева выделяет следующие его основные признаки, с которыми были согласны большинство советских исследователей к началу 80х. Впрочем, в дальнейшем это направление социально-психологических исследований практически не развивалось. Таковыми являются:

- наличие социально-одобряемой цели деятельности коллектива;

- добровольность объединения;

- системность организации совместной деятельности;

- развитие личностей его членов не вопреки, а вместе с развитием коллектива.

Понятие «команда» в наш обиход пришло из американской практики управления и бизнес-образования. Соотнесем его с понятием «коллектив». Возьмем за основу признаки команды, приведенные в авторитетном американском учебнике по управлению персоналом [2, с.952]. Приведем их в порядке, данном в источнике: 1) четкость целей и их согласованность; 2) откровенность и противоборство; 3) поддержка и вера; 4) кооперация и конфликт; 5) соответствующий стиль лидерства; 6) систематический пересмотр; 7) индивидуальное развитие; 8) хорошие внутригрупповые отношения. 8) Тщательный отбор членов команды.

При некоторых терминологических разночтениях, обусловленных в первую очередь различием контекстов, в которых оформлялись представления о признаках коллектива и команды, в них можно заметить высокую степень сходства. Однако, есть одно принципиальное различие, не позволяющих рассматривать понятия «коллектив» и «команда» как идентичные.

Центральный признак коллектива - наличие социально значимой цели. То есть коллектив это такая группа, которое соотносит ее свое существование и внутреннее развитие со своим местом в более широкой социальной общности. Команда же является высокоорганизованной, сплоченной группой, ориентированной на достижение собственных целей, но индифферентной к их синергии с целями социума в целом.

Проблема сплочения бизнес-группы на тренинге командообразования.

Тренинг командообразования с начала 90х и до конца века был одним из наиболее востребованных руководителями бизнес групп. Однако в дальнейшем его популярность начала падать, сменилась разочарованием и пессимистичными оценками возможности повысить сплоченность бизнес- группы подобными методами.

В чем причина? Процедуры, используемые современными тренерами устарели и не отвечают задачам современных бизнес-групп? Перестали работать теоретические модели, на основе которых построены современные командообразующие тренинги? Тренинг – как форма работы, в принципе, неадекватна задаче фасилитации групповой сплоченности?

«Жалобы» заказчиков тренингов командообразования на протяжении всего времени их проведения остаются неизменными и могут быть сведены к нескольким типичным.

- Явные и скрытые конфликты между сотрудниками, создающие общий фон неблагоприятной атмосферы в группе;

- Отсутствие желаемого уровня ответственности сотрудников за общий результат;

- Стремление сотрудников решать все вопросы через высшие управленческие инстанции вместо того, чтобы решать их на уровне горизонтальных отношений;

- Наличие в группе неформальных лидеров, конфронтующих с руководителем;

- Текучесть кадров или угроза увольнения ключевых сотрудников.

Для решения названных проблем Заказчику предлагалось в неформальной обстановке в течение 1- 2х дней поучаствовать в командных играх, типа казаков-разбойников или веревочного курса, варьирующих по степени сложности интеллектуальных и физических заданий. Наиболее типичным эффектом от проведения подобных тренингов, который я сама переживала в роли заказчика, и о котором получала обратную связь от других заказчиков, было недовольство

руководителя на фоне удовлетворенности остальных участников. Резюме недовольства: подобные тренинги воздействуют на качество сплоченности группы не больше, чем выезд на шашлыки.

Даже поверхностный взгляд на их теоретическую основу, позволяет заметить, что они создают ситуацию, предоставляющую группе легкую возможность совместных ярких эмоциональных переживаний. Они не касаются предметной деятельности группы и тех отношений, которые складываются между сотрудниками по ее поводу. То есть способствуют сплочению лишь на уровне (Г) по Петровскому.

Более продвинутый вариант командообразующего тренинга основан на играх, моделирующих бизнес-деятельность и отношения по ее поводу. «Высадки на Луну», командное строительство домика из спичек и другие не многочисленные варианты игр, в которых мне тоже доводилось не раз участвовать, оказывает на групповые отношения существенно более глубокое действие. Однако и его я бы не оценила как вполне конструктивное, в силу создаваемого значимого, но стохастического возмущения групповой динамики. То есть воздействие вновь оказывается на слой (Г), и очень косвенно на слой (В).

На мой взгляд, для того чтобы моделирующая игра позволила группе проработать свои фактические бизнес-отношения, она должна отражать деятельность конкретного заказчика в существенных деталях. Это значит, подготовка игры требует предварительного глубокого ознакомления с внутренней структурой деятельности данного заказчика.

Известным приемом получения этой информации прямо на тренинге – является совместное рисование бизнеса в виде животного, механизма и т.п. Продуктивность применения данного метода в работе имеет серьезные ограничения, в первую очередь в связи с тем, что в подобных рисунках группа не всегда может по разным причинам выделить те проблемы, рассмотрение которых позволило бы ей выйти на новый уровень сплоченности. Эти причины заслуживают отдельного рассмотрения. Они, видимо, во многом способствовали тому, что работа с целями и содержанием деятельности бизнес-групп чаще реализуется сегодня в формате управленческого консультирования, а не тренинга.

Совместное метафорическое отражение группой бизнес деятельности в тренингах командообразования, кроме рассмотренной задачи решает еще одну: фасилитацию выработки общего видения целей, задач и т.д. В какой-то мере оно решить ее может, с

ограничениями, о которых выше говорилось при рассмотрении моделирующих игр.

Резюмируя рассмотрение проблем, возникающих при проведении командообразующих тренингов в работающих бизнесах, замечу, что задачу сплочения группы, очевидно, следовало бы переформулировать в задачу перевода сплоченности данной группы на более высокий качественный уровень. Имеющиеся сегодня теоретические модели, являясь в целом верными, тем не менее, не обеспечивают необходимой точности отражения различных качественных уровней сплоченности группы. А в ее отсутствии не решается задача разработки прицельно работающих тренинговых процедур.

Факторы, дифференцирующие групповую сплоченность.

Исходным положением является тезис о независимости и множественности факторов, дифференцирующих сплочение людей в группы. Основанием для его формулировки послужила многолетняя практика управления, консалтинга и проведения тренингов, а также развитие имеющихся в современной социальной психологии теоретических представлений. Всего я выделяю **три фактора дифференцирующих групповую сплоченность: личности людей; предметы; деятельность.**

Каждый из трех названных факторов, действует независимо от других. Мы можем обнаружить вокруг себя множество общностей, основанных только на личной приязни, причины которой не объяснимы предметными отношениями и деятельностью. Эти общности могут быть эфемерными и мимолетными, но могут сохраняться длительное время. Действие именно этого фактора изучает социометрия Морено. Если к нему не присоединяется сплачивающее действие хотя бы еще одного фактора, отношения в группе, основанные исключительно на межличностной симпатии, остаются диффузными и весьма не определенными.

Отношения между людьми начинают приобретать большую отчетливость, когда в них появляются общие предметы. Материальные, как например, общая квартира или машина, либо нематериальные: цели (путешествие в Египет), представления (например, философские воззрения), социальные роли (студенты, космонавты) и т.п. Общности людей, возникающие вокруг предметов, характеризуются личной индифферентностью ее участников. Примером подобных общностей являются, например, группы «друзей» в социальных сетях, сформированные на основе добавления их в список механическим путем. Примером, который помогает различить

группу, образованную в результате сложного действия обоих или только одного из названных факторов может служить реальный брак и брак фиктивный.

Третьим независимым системообразующим фактором группового сплочения является деятельность. «Мы с ним вместе пили кофе сегодня», «работаем на одном предприятии», «играем в футбол» и т.д. Здесь сам факт общей деятельности обладает сплачивающим характером. Моя точка зрения на роль предметной деятельности в групповой сплоченности отличается от традиционной для отечественной психологии тем, что я считаю ее не главным детерминирующим сплоченность фактором, а рядоположенным с предметным и личным факторами.

Координаты групповой сплоченности в бизнес-организациях.

Сплоченность бизнес групп, как и прочих человеческих групп, детерминируется действием трех факторов: личностным, деятельностью и предметным. Однако, специфика коллизии сплоченности в бизнес- группе связана не только с рассогласованиями между ними, но и с рассогласованием более тонкого свойства между различными типами предметов, выступающих центрами сплочения бизнес- группы. Типология этих предметов стала основой для построения системы координат сплоченности в бизнес - группе.

Три типа предметов это соответственно: бизнес процессы, социальная организация, предметы жизнеобеспечения. Три типа предметов порождают **три типа отношений: организационные, функциональные или собственно рабочие и отношения соседства.** Рассмотрим их по отдельности.

1. Организационная общность (функционеры) возникает, с момента заключения договора о сотрудничестве, определения должностной позиции, порядка оплаты труда т.п. Сплачивающий эффект социальных институтов чрезвычайно силен. Именно он побуждает людей действовать по должности, а не по существу дела. Между тем, его нельзя признать его вредным, ведь он вносит в групповую сплоченность организованность. Регуляция организационной сплоченности требует анализа системы оценки результатов труда, отношений руководства, подчинения, ответственности и полномочий в бизнес-группе. Работа с этим аспектом сплоченности в тренинговом формате чрезвычайно сложна и малоэффективна.

2. Функциональная общность (работники) является искомой доминантой каждого заказчика командообразующих мероприятий.

Она возникает вокруг реальных бизнес-процессов. При стандартном приеме на работу человек сначала жестко включается в организационную общность, и только затем начинает присоединяться к бизнес-процессу. В этом месте обычно возникают первые рассогласования между организационной и функциональной общностью. Руководители побуждают сотрудников «навалиться на дело всем миром», «незвизрая на должностные обязанности и принадлежность к разным подразделениям». Тем самым включается еще один фактор сплочения – личностный. Конфликты, болезненные для личностей столкновения неизбежны. А вслед за ними – недоверие, обиды, осторожность и равнодушие к «общему» делу.

3. Жизнеобеспечивающая общность (соседство) формируется на основе бытового взаимодействия, искоренить которое невозможно ни при каком виде труда. Живые люди не могут работать, как заведенные, все восемь часов рабочего дня. На протяжении этих часов, они едят, дышат и т.п. Они идут вместе домой, сидят за соседними столами, обмениваются шутками, историями из жизни и т.д. и т.п. Типичной проблемой, толкающей руководителей заказать командообразующие мероприятия, является то, что у руководителя по должности не хватает личной силы противостоять мощи сплоченности «офисного планктона» и направить отношения в русло рабочей общности. Привычка вместе ходить на работу подменяет привычку вместе работать. Надо заметить, что командообразующий тренинг здесь скорее противопоказан. Группа, сплоченная на около-рабочей основе, охотно посещает тренинги, дает высокую оценку их полезности, но... от этого не начинает лучше работать.

4. Деятельность, действуя как независимый фактор группового сплочения, способна хаотично перемешать организационные, функциональные и жизнеобеспечивающие отношения. Возникают эффекты «текучки», «имитации бурной деятельности». В компании все заняты, а результаты слабые. Для коррекции деструктивного влияния гиперразвития сплоченности вокруг деятельности самой по себе, командообразующий тренинг может быть чрезвычайно полезен, при условии точной ее диагностики и моделирования. Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для бизнес-групп, главным фактором сплочения должен выступать предмет труда, а не какие-то другие предметы, и тем более - деятельность.

5. Личности людей, так же как и деятельность, является системообразующим фактором более высокого уровня, чем каждый из трех типов выделенных предметов. Поэтому личные отношения по отношению к бизнес-общности могут выступать как агентом,

способствующим сплочению бизнес-группы, так и разрушающим ее фактором. Однако, «вытеснение» личных отношений, их игнорирование, или предъявление к людям требований на 100% подчинить свои личности логике бизнес процессов, также себя дискредитировали. Сегодня вектор передовых тенденций в практике управления персоналом направлен в область поиска гармонии между личными отношениями людей и бизнес-процессами. Практика же работы с межличностными отношениями в тренинговом формате содержит немало продуктивных наработок.

Это значит, что при верно диагностированной проблеме в межличностных отношениях как причины дефицита сплоченности бизнес-группы, командообразующий тренинг может быть одним из лучших решений.

Резюме.

- Многообразии сил создающих эффект группового сплочения отчетливо дифференцируется на три системообразующих фактора: личность, деятельность, предмет;

- анализ и фасилитация групповой сплоченности в бизнес-группах требует более детализованного рассмотрения, предмета, как ее основы, в координатах: организационные отношения, функциональные отношения, отношения обеспечения жизнедеятельности;

- согласованность или рассогласование этих трех типов предметных отношений в бизнес-группе зависит как от их внутренней координированности, так и от общего действия на них межличностных отношений и деятельности участников группы;

- качественная диагностика причины недостаточной сплоченности бизнес-группы и ее представление в описанной системе координат предметных отношений, позволяет существенно повысить эффективность разработки мероприятий совершенствования качества сплоченности бизнес-группы.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1980.
2. Коул Дж. Управление персоналом в современных организациях. – М., 2004.
3. Петровский А.В. Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М., 2003.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ВООБРЕЖЕНИЯ

Анищенкова А.В.

Аспирантка РГГУ, г. Москва

E-mail: zhela-nie@mail.ru

Последние десятилетия развития отечественной психологической науки отмечены подъемом интереса к проблеме «творчество и личность». В предлагаемом научном докладе феномен воображения рассматривается в качестве одного из важнейших психических процессов, входящих в любой творческий акт [4]. Так же акцентируется внимание на вопросах, связанных с социальной природой воображения.

Внутреннюю связь творчества с воображением особо выделяют и подчеркивают многие ведущие специалисты-психологи. Так, Л.С.Выготский писал: «...Все решительно, что окружает нас и что сделано рукой человека... является продуктом человеческого воображения и творчества, основанного на этом воображении» [2]. Воображение как базовый компонент творческой деятельности человека широко анализируется в работах отечественных психологов (Л.С.Выготский, А.В.Запорожец, Д.Б.Эльконин, С.Л.Рубинштейн). При этом ими подчеркивается, что воображение широко включено в творческую деятельность человека на различных этапах его жизни.

Вполне обоснованным представляется взгляд Э.В.Ильенкова на воображение как на *всеобщее свойство человеческого сознания*, поскольку именно в воображении наиболее рельефно проявляется его сущностная, созидательная и конструктивная направленность, сообщающая импульс творческого становления всему ансамблю психических функций общественного человека [3]. В трудах Э.В.Ильенкова, посвященных теме воображения и творческой фантазии, прослеживается определенная тенденция к двоякому рассмотрению способности воображения: 1) как *творческой способности субъекта*; 2) как *социально значимой силы*, обеспечивающей коммуникативную взаимосвязанность культурных форм в обществе [8].

Социальная функция воображения стремится обеспечить общественно-человеческую жизнедеятельность, тем самым предоставляет человеку возможность правильно соотносить общие, выраженные в понятиях знания с реальными ситуациями, всегда индивидуальными. Наряду с социальной возникает *коммуникативная* функция воображения, позволяющая взглянуть на общение как на творческий процесс. Необходимо различать собственно общение и

коммуникацию (последняя может иметь чисто служебный характер). Общение же - это производство индивидами их общего, что предполагающей достижение взаимной идеальной представленности взаимодействующих сторон (в отличие от коммуникации, имеющей чисто инструментальный характер) [7].

Воображения в социальном плане обеспечивает человеку возможность правильно соотносить общие, выраженные в понятиях знания с реальными ситуациями, которые всегда индивидуальны [3]. Таким образом, социально-коммуникативная функция воображения представляет собой универсальную способность человека к построению новых целостных образов действительности в коммуникативных ситуациях.

«Индивид воспринимает (оценивает) себя в соответствии с оценками других, то есть личность становится для себя тем, что она есть через то, что она представляет из себя для других в социальном мире» [5]. В частности, воображение в социальном плане выражается в способности человека смотреть на себя глазами другого человека, и даже шире – всего человечества в целом.

С этой точки зрения актуальны вопросы относительно раскрытия «стереотипов в сознании людей, используемых ими при раскрытии внутреннего мира другого человека, при восприятии и определении личностной сути этого человека». Выявлена громадная роль общности, к которой принадлежит человек, в формировании у него стереотипов, на которые он опирается в общении с другими людьми [1].

Творческий подход к процессу общения позволяет личности не «застывать на ступени стереотипного, шаблонного «психологического отклика» на людей при общении с ними, а постоянно желать и уметь вносить поправки в этот «отклик» - в свое понимание другого человека, отношение к нему, обращение с ним, учитывая индивидуальное своеобразие того, с кем сейчас приходится общаться». Действительно, «шаблоны и стереотипы» лишь вредят истинному творческому воображению. Возможно, что абстрагировавшись от стереотипного видения и восприятия собеседника, люди смогли бы найти другие грани общения.

Воображение играет значительную роль в общении каждой личности с другими людьми, и проявляется в умении - вообразить себя на месте другого, увидеть себя самого глазами другого, представить себе мысли, чувства, поведение другого при изменении цели общения, появлении в нем новых участников и т.п. [1]. Исследования подтверждают, что у лиц, достаточно интеллектуально развитых и

легко вступающих в контакт с другими людьми, воображение при взаимодействии с ними может работать недостаточно контекстно и очень не точно воссоздавать их переживания, намерения, ход мысли. Человек с неразвитым социальным воображением вообще просто-напросто *приписывает свои собственные состояния, свои намерения и мысли другим людям.*

В каждом человеке присутствует «взгляд стороннего наблюдателя», т.е. способность к абстрагированию от личного опыта, привычного культурного контекста. СКФ воображения проявляется не только в личностном контексте, - адекватном пониманию своего Я в ситуациях общения, но и в способности целостно воспринимать окружающую действительность, объективно оценивать события. Именно на эту способность указывал Ч.Миллс [6], говоря об «особом качестве ума», обозначаемым им как - *социологическое воображение*, Оно позволяет индивиду видеть влияние исторических сил на жизненный путь людей и их внутреннее состояние, различать «личные трудности» и «общественные проблемы» и самостоятельно их анализировать.

Социально-коммуникативная функция понимается как сложный комплекс явлений и процессов, обеспечивающий ориентацию индивида во внешней социальной среде, приводящий его в состояние готовности к действию. Такую ориентацию во внешней социальной среде, которая создает способность целостно воспринимать ситуацию; способность к восприятию человеком других людей, групп, социальных отношений и многих социокультурных явлений.

Благодаря ряду исследований, проведенных автором доклада, были получены экспериментальные данные. Согласно которым можно выделить условно две группы людей: высококреативные и низкокреативные. Основой для различия будет служить их отношение и реакция на проблемную коммуникативную ситуацию. Выделим различия в понимании коммуникации и общении. Под коммуникативной ситуацией следует понимать разговор людей без так называемого «творческого начала». А именно, способность человека вести коммуникацию спонтанно, не воспринимая себя глазами собеседника. И лишь общение – несущее в себе смысловую нагрузку, способно активизировать воображение людей. Работа воображения проявляется в изменениях, которые как производная возникают в себе, и другом человеке. Низкокреативные люди действуют по ходу ситуации, спонтанно. Высококреативные люди способны увидеть причинность и условность ситуации, схватить ее в целом смысловом виде, способны стать на позицию собеседника и взглянуть на себя его

глазами. И это становится возможным благодаря воображению, его социально-коммуникативной природе.

Список литературы:

1. Бодалев А.А. Личность и общение. – М.: Педагогика, 1983.
2. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: психол. очерк. 3-е изд. – М.: Просвещение, 1991.
3. Кудрявцев В.Т. Выбор и надситуативность в творческом процессе: опыт логико-психологического анализа проблемы // Психологический журнал. – 1997. – №1. – С. 16-29.
4. Кудрявцев В.Т. Творческая природа психики человека // Вопросы психологии. – 1990. – №3. – С. 113-120.
5. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. – М., 2001.
6. Миллс Ч. Социологическое воображение. – М.: Изд. Дом «Стратегия», 1998.
7. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов н/Д, 1996.
8. Себар Т.В. Продуктивное воображение в различных мировоззренческих модусах. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2002.

ПРИСУТВИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН, ПРОЯВЛЯЮЩИЙСЯ В ОТНОШЕНИЯХ «ЧЕЛОВЕК-МИР»

Барсукова С.А.

к.п.н., декан факультета психологии ПФ МОСА, г. Пенза

E-mail: sveta_barsykova@inbox.ru

Многие исследователи, размышляя сегодня о проблеме личностных и общественных кризисов, одной из причин называют отчужденность современного человека по отношению к себе и окружающему миру. Проблему отчуждения в современном гуманитарном знании напрямую связывают со неспособностью человека к переживанию такого феномена как «присутствие».

В глагольной форме русского языка «присутствовать» означает как приближение к сущему. Так в «Толковом словаре» В. Даля смысловое содержание присутствия раскрывается следующим образом: «Присутствовать – при чем, быть, находиться, быть лично, налицо, быть свидетелем чего-либо...» [2, С. 403]. Следовательно, в широком языковом контексте зафиксированы такие смысловые

значения проявления присутствия как наличие, наличность кого-либо, нахождение, существование, бытность, бытие.

Феномен присутствия изучался в философии и психологии и вызывал различные споры. Большое внимание теме присутствия уделял Хайдеггер. Присутствие – один из вариантов перевода его понятия «дазайн», которое дословно означает «вот-бытие» и «здесь-бытие», обычный же философский и обиходный его смысл – «существование», «экзистенция». Особенность взглядов М.Хайдеггера заключается в том, что он видит существование человека как целостное бытие в мире и в его понимании, присутствие – это процесс, условие, свойство, принадлежность к «той способности-быть-собой, какая в возможности всегда уже есть» [7]. Таким образом, феномен присутствия отражает, прежде всего, проявление степени приближения человека к своей сущности.

Данная тема активно обсуждалась и в рамках экзистенциально-гуманистической психотерапии. Дальнейший анализ феномена присутствия мы попытаемся провести на основе работ данных исследователей.

Вслед за М. Хайдеггером его ученик и последователь М. Босс делает акцент на том, что присутствие тесно связано с открытостью человека и полное присутствие, с его точки зрения, невозможно без полной открытости. Открытость же для Босса – довольно широкое понятие, но, прежде всего, это открытость миру для взаимодействия с ним: «Открытость человеческой экзистенции складывается из возможности постижения присутствия и значения того, что встречается, а также из возможности ответа встречающимся феноменам, способами соответствующими их значению» [5, С. 46]. В этом высказывании М. Босса заключены две важнейшие для идеи присутствия мысли: открытость и ответственность.

Более поздние и более современные взгляды на феномен присутствия высказывал Роло Мэй. Он считал, что способность быть полностью присутствующим в общении с другим чрезвычайно важна для психотерапии. «Присутствие выражается в эмпатии и чуткости, с которой вы выслушиваете человека» [6, с. 127].

Несколько с другой позиции подходит к теме присутствия К. Дюркхайм. По К. Дюркхайму, человеку присуще стремление жить в определенном образе самого себя и своего мира соответственно своей Сути и осуществить себя до конца. Соответствие формы Я ее Сути Дюркхайм называет *транспаренцией* (прозрачностью). Прозрачность означает способность слышать свою суть, а также способность допускать ее в мире как изменяющую и преобразующую силу [3].

Таким образом, по Дюркхайму присутствие означает быть прозрачным по отношению к своей сути.

Наиболее полное представление об интересующем нас феномене дает Дж. Бьюдженталь: «Присутствие – это способ бытия в ситуации, который предлагает для человека такую степень осознания и участия на какую он только способен в данное время и в данных обстоятельствах. Присутствие достигается за счет мобилизации чувствительности как внутрь (по отношению к внутреннему опыту), так и вовне (по отношению к ситуации и другим людям)» [1, С. 78]. Его представления согласуются с Хайдеггеровской установкой на присутствие как принятие последовательной взаимосвязи череды переживаний: «Присутствие означает соприкосновение с непосредственными и актуальными переживаниями». Далее автор отмечает, что чем глубже уровень присутствия, тем ближе человек к осознанию своего бытия. Глубина присутствия зависит от таких его проявлений как «доступность» и «экспрессивность». Доступность, в понимании Бьюджентала, это степень того, насколько человек допускает, чтобы происходящее в данной ситуации имело для него значение, воздействовало на него. А экспрессивность - степень, в которой человек склонен позволять другому действительно узнать себя в данной ситуации. Это включает в себя самораскрытие без маскировки каких-то субъективных переживаний. Таким образом, Дж. Бьюдженталь отождествляет слова «присутствие» и «аутентичность».

Развитие темы присутствия и аутентичности мы находим и в работах А. Лэнгли. Автор для описания феномена присутствия использует выражение «быть у себя дома». «Для этого нужны две предпосылки: чувствовать себя и занять позицию» [4, С. 98]. В трактовке способности «чувствовать себя» А. Лэнгли близок с М. Хайдеггером и Дж. Бьюдженталем. Но, с нашей точки зрения, он более точен в описании данного процесса и его условий. Автор отмечает, что важно обращать внимание на свои спонтанные ощущения, импульсы, просто на то, что с нами делают вещи и обстоятельства, трогают ли, говорят ли нам что-то. «Единственное, что мы делаем в такую минуту, «вслушиваемся» - присутствие в виде внутреннего наблюдателя и пытаемся «вчувствоваться» в себя (т.е. упражняемся в феноменологической открытости по отношению к самому себе). Очень важно находить место для своих чувств, считает Лэнгли, но не менее важно также уметь дистанцироваться от них, уметь взглянуть на них со стороны, проверяя: «Действительно ли они совпадают с реальной жизненной ситуацией? Соответствуют ли они мне, моей самой

глубокой сущности? Чувствую ли я, что так для меня – правильно?» [4, с. 102].

Анализ вышеобозначенных работ позволяет нам рассматривать присутствие как открытость в отношении к внутреннему опыту и своим переживаниям по поводу своей способности быть собой, быть в мире и быть в отношениях «Я-Ты», принимать и осознавать их, а также как нахождение аутентичной внутренней позиции по отношению к ситуации, другим людям и ответственного способа её выражения. Понимание данного феномена, на наш взгляд, дает возможные ориентиры для психотерапевтической работы и воспитания ребенка.

Список литературы:

1. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта – СПб., 2001. – 304 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 4 – М., 1955. – 673 с.
3. Дюркхайм Калфрид. О двойственном происхождении человека. – СПб., 1992. – 156 с.
4. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сборник статей. – М., 2005. – 159 с.
5. Маечек С. З.Фрейд и М.Босс. // Dasein анализ в философии и психологии. – М., 2001. – С.170–185.
6. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – М., 2001. – 256 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб., 2006. – 446 с.

ЛИДЕРСТВО КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТЫКЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИЙ

Ворсина О.Я.

*Старший преподаватель, КИСО (филиал) РГСУ, г. Курск
E-mail: jannibel@yandex.ru*

Само по себе лидерство возникло, можно сказать, на заре человечества. Оно вечно, универсально и неизбежно. Там, где встречаются хотя бы два человека, возникает проблема доминирования одного над другим, или проблема лидерства. Можно сказать, что явление это общеисторическое. Само слово «лидер», согласно Оксфордскому словарю английского языка (1933), возникло в XIII в. Понятие же «лидерство» не обнаруживается вплоть до начала XIX века.

Однако уже в начале нашего столетия проблема лидерства начинает приковывать к себе пристальное внимание. Свой вклад в разработку теории лидерства внесли Р.Пигорс, П.Друкер, Д.Кан, Р.Кац, С.Коссен и др., пытаясь дать собственное определение этому феномену и обращаясь к самым различным граням лидерства. Несмотря на видимые различия в характеристиках лидерства у разных авторов, существует между ними и некоторое сходство, что позволяет привести определения в более или менее четкую систему.

ЛИДЕР – авторитетный член организации или малой группы, личностное влияние которого позволяет ему играть существенную роль в общественных процессах и ситуациях.

ЛИДЕРСТВО – (от англ. Leader –ведущий, руководитель) – один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, т. е. объединяет, направляет действия всей группы, которая принимает и поддерживает его действия.

ЛИДЕРСТВО — отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе.

Лидером является такой член малой группы, который выдвигается в результате взаимодействия членов группы для организации группы при решении конкретной задачи в конкретной ситуации, принимая на себя определенные функции. Он демонстрирует более высокий, чем другие члены группы, уровень активности, участия, влияния на поведение других. Остальные члены группы принимают лидерство, т.е. строят с лидером такие отношения, которые предполагают, что он будет вести, а они будут ведомыми. Лидерство необходимо рассматривать как групповое явление: лидер немислим в одиночку, он всегда дан как элемент групповой структуры, а лидерство есть система отношений в этой структуре. Поэтому феномен лидерства относится к динамическим процессам малой группы. Этот процесс может быть достаточно противоречивым: мера притязаний лидера и мера готовности других членов группы принять его ведущую роль могут не совпадать. Следовательно, при определенных обстоятельствах лидерские возможности могут возрастать, а при других, напротив, снижаться. Иногда понятие лидера отождествляется с понятием «авторитет», что не вполне корректно: конечно лидер выступает как авторитет для группы, но не всякий авторитет обязательно означает лидерские возможности его носителя. Лидер должен организовать решение какой-то задачи, авторитет такой функции не выполняет, он просто может выступать как пример, как идеал, но вовсе не брать на себя решение задачи. Следует развести понятия лидерства и руководства. Понятие лидерства относится к характеристике психологических отношений, возникающих в группе «по вертикали», т.е. с точки зрения отношений доминирования —

подчинения. Понятие руководства относится к общей организации деятельности всей группы, к процессу управления ею. В русском языке, в отличие, например, от английского, для обозначения неформального лидерства чаще употребляется просто понятие лидерства, а для обозначения формального лидерства — понятие руководства. Хотя термин *leadership* буквально означает «лидерство», он предполагает синонимичное использование для обозначения и лидерства, и руководства.

Термину «руководитель» более соответствует понятие *Organizational leadership* — организационный лидер. Руководитель же — это тот, кого ставят в указанную роль ведущего и наделяют для этого системой принудительных полномочий, по преимуществу официально-правового, властного характера. В силу этого лидер и руководитель обладают качественно различными формами и степенью воздействия на группу (организацию). Эти различия, в свою очередь, непосредственно и сильно влияют на то, как конкретно может быть осуществлена ими деятельность управления как они могут реализовать свою позицию ведущего. Лидер обладает влиянием — способностью оказывать воздействие на отдельные личности и группы, направляя их на достижение каких-либо целей. Влияние, в основном, реализуется через феномен авторитета. Руководитель же обладает (либо наряду с авторитетом и влиянием, либо помимо них) властью, статусом. Это — уже не «способность влиять», а обязанность оказывать влияния. Поэтому феномен лидерства — это весьма специфическое явление, не описываемое никакими другими понятиями.

Обзор различных определений и концепций лидерства в зарубежной науке предпринимался не раз. Это пытались сделать Р.Моррис и М.Симан, С.Шартл, С.Джибб, Б.Басс и многие другие авторы. Р.Стогдилл[7] в своем «Руководстве по лидерству» объединил все определения в 11 групп: лидерство как центр групповых процессов; лидерство как проявление личностных черт; лидерство как искусство достижения согласия; лидерство как действие и поведение; лидерство как инструмент достижения цели или результата; лидерство как взаимодействие; лидерство как умение убеждать; лидерство как осуществление влияния; лидерство как отношения власти; лидерство как дифференциация ролей; лидерство как инициация или введение структуры.

Итак, приведенные выше характеристики акцентировали внимание на различных аспектах лидерства. Преследовали они различные цели: определение объекта наблюдения для эмпирических исследований в малых группах; удовлетворение формы практики;

удовлетворение целевой ориентации; обеспечение теоретического развития данной проблемы и т.д. Многие авторы старались четко сформулировать тот особый компонент, который вносит сам лидер. Каждое из этих определений приоткрывает лишь одну из граней природы лидерства. Наиболее ранние из них характеризуют лидерство как центр группового процесса и развития. Другой тип определений рассматривает его как искусство убеждающего согласия. Наконец, более поздние определения лидерства представляют этот феномен в терминах власти, роли и инициирования структуры. Именно по этому, в нашей статье мы рассмотрим и некоторые взгляды на проблему с точки зрения политической психологии.

Личность политического лидера является сложнейшим многомерным образованием и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов. Не все они в одинаковой степени «ответственны» за политическое поведение, проявляются в нем. Однако, после многочисленных исследований, проведенных в американской политической психологии, удалось выделить наиболее влиятельные личностные характеристики, которые для удобства сгруппируем в шесть блоков:

- представления политического лидера о себе самом;
- потребности и мотивы, влияющие на политическое поведение;
- система важнейших политических убеждений;
- стиль принятия политических решений;
- стиль межличностных отношений;
- устойчивость к стрессу.

Политическое поведение лидера является целенаправленным и мотивированным. Существует множество различных личностных потребностей, которые так или иначе связаны с его политической деятельностью. Однако в многочисленных исследованиях, проведенных учеными разных школ, выделены несколько основных потребностей, мотивирующих политическое поведение лидеров:

- потребность во власти;
- тесно связанная с потребностью во власти потребность в контроле над событиями и людьми;
- потребность в достижении;
- потребность в аффилиации, то есть в принадлежности к какой-то группе и получении одобрения.

Потребность во власти политического лидера имеет давнюю исследовательскую историю. К настоящему времени существуют различные концепции потребности во власти, одной из

самых старых является концепция Г. Лаосуэлла и А.Джорджа[7], понимающих потребность во власти как компенсаторную. Что очень тесно перекликается с работами в социальной психологии А. Адлера [2] по проблеме компенсации реальных или воображаемых дефектов личности.

Потребности и мотивы лидеров, влияющие на политическое поведение также отражены и в социальной и в политической психологиях, что позволяет взглянуть на проблематику лидерства многогранно.

Потребность в достижении своих целей тесно связана с системой убеждений политического лидера. Здесь очень важно знать, является ли принцип «цель оправдывает средства» приемлемым с позиции ценностных ориентиров.

Очень часто эта потребность принимает столь гипертрофированный характер, что политический лидер идет на серьезный риск. Подобный сдвиг к риску приводит к неоправданным внешнеполитическим действиям, которые подчас препятствуют достижению поставленной цели.

У многих политических лидеров потребность во власти является хорошо развитой. Однако она может иметь умеренный или гипертрофированный характер. Во многом, сам пост главы государства с присущими ему атрибутами власти уже должен удовлетворить эту потребность у лидера. Но, поскольку лидер действует от имени государства на международной арене, то он, во-первых, взаимодействует с другими лидерами, не являясь, таким образом, единственным представителем власти, каковым он стал в собственной стране, и здесь есть поле для соперничества и конкуренции. Во-вторых, действуя от имени собственного государства, он стремится утвердить его власть над другими государствами, т.е. проявляется стремление к мировому господству (Наполеон, Гитлер и др.).

Потребность во власти у политического лидера является сложной психологической характеристикой для анализа, поскольку может проявляться в его внешнеполитической деятельности по-разному, в зависимости от доминирующего образа власти, от наличия различного рода «болевых точек», комплекса неполноценности, жизненного пути и многого другого. Что еще раз подтверждает правоту наших намерений рассмотреть феномен лидерства на стыке социальной и политической психологий.

Такой глобальный интерес к проблематике лидерства, еще раз подчеркивает, что человечеству нужны лидеры и оно будет нуждаться в них всегда, а следовательно актуальность

А также, эта проблема нуждается в разнообразных мнениях, суждениях, концепциях о лидерстве, которые продвинули бы далеко вперед наши представления об этом важном феномене.

Список литературы:

1. Блондель Ж. Политическое лидерство. – М., 1992. – С. 26.
2. Блум Г. Психоаналитические теории личности. – М., 1996. – С. 25-29.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 646-648.
4. Вятр Е. Социология политических отношений. – М., 1979. – С. 115.
5. Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. – РнД., 1996.
6. Кудряшева, Е. В. Лидер: научное издание / Е. В. Кудряшева – Архангельск: Издательство Поморского международного педагогического университета, 1996. – С. 98.
7. Ольшанский Д.В. Политическая психология. – М., 2002.
8. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: МГУ, 1989. – С. 28.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА СООБЩЕНИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Георгадзе М.С.

*кандидат педагогических наук, доцент Одинцовский филиал МПСИ,
г. Одинцово*

E-mail: mikhail-georgadze@yandex.ru

Поиск эффективных научных методов познания природы массовых коммуникативных процессов обусловил возникновение особого способа, получившего название «дискуссионный анализ». В последние годы дискурс стал активно применяться в социальной психологии с целью изучения проблем функционирования средств массовой коммуникации. В то же время остается дискуссионным эмпирический инструментарий дискурс-анализа, в связи с этим задача автора статьи попытаться конкретизировать данный исследовательский арсенал.

Согласно теории дискурса информационные сообщения представляют собой социальный феномен, в рамках которого возникают контекстовые отношения посредством соглашений, переговоров или конфликтов. В процессе данных отношений, называемой борьбой дискурсов, ключевые идеи тех или иных публикаций, телепередач, радиосообщений или интернет-ресурсов занимают лидирующие позиции в социальных представлениях аудитории. С целью практического применения теории дискурса, в том числе и в социальной психологии, учеными данной области разработан инструментарий для эмпирических исследований [8]. Автор попытался конкретизировать основные составляющие этого инструментария применительно к изучению социально-психологической проблематики функционирования средств массовой коммуникации.

В первую очередь, необходимо выделить такую психологическую функцию средств массовой коммуникации как *социальную идентификацию*. Какова с позиции теории дискурса специфика трактовки данной категории? Любой журналист или редактор в своем материале заинтересован в презентации определенной точки зрения в рамках конкретной темы. За счет творческого потенциала автор добивается необходимой идентификации со стороны аудитории к используемым им категориям. Допустим надо раскрыть образ сотрудника какой-то государственной службы. За счет конструирования контекста сообщения с той или иной позиции, герой материала, порой вне зависимости от реального положения дел, может идентифицироваться в рамках информационного поля как честный, порядочный и преданный делу или как коррумпированный, безнравственный и безответственный человек. Поэтому процесс идентификации как смыслообразующий элемент выступает центральным компонентом дискурс-анализа.

Учитывая, что одно из ключевых понятий теории дискурса – борьба дискурсов (в рамках социальных общностей знания возникают в процессе социального взаимодействия, где формируется определенная истина и доказывается друг другу, что является верным, а что ошибочным) [7] *артикуляция* является также значимым компонентом инструментария дискурс-анализа. Артикуляцией называют практику установления отношений между элементами, в результате которой изменяется идентичность основных категорий. В качестве примера можно привести кардинальное изменение имиджа организации в информационном поле, создаваемом при содействии структур по связям с общественностью.

Поскольку дискурс трактуется как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области, все знаки, составляющие смысл различных авторских позиций, определяются как *моменты*, то есть так называемые конвенциональные значения (общепринятые образцы толкования явлений в той или иной социальной общности) [1]. В свою очередь, дифференциальные значения, остающиеся потенциально востребованными дискурсом называются *элементами*.

Любой тематический текст или устная речь конструируются благодаря частичной фиксации значений вокруг некоторых *узловых точек*. Узловая точка в дискурс-анализе представляет собой привилегированный знак, вокруг которого упорядочиваются и приобретают свое значение другие значения.

В медицинском дискурсе, например, «вирус гриппа» – это узловая точка, которая благодаря различиям в контексте может принимать иные потенциальные значения. Так ранее сложившиеся социальные представления в обществе о таком заболевании не вызывали излишней тревоги. Типичные контекстовые элементы вокруг этого ключевого значения включали такие категории как: «сезонное» (сезонное заболевание), «инфекция», «иммунитет», «закаливание» и др. В течение последних лет в средствах массовой коммуникации стали массированно использоваться вокруг «вируса гриппа» знаки типа: «эпидемия», «вспышка», «мутация», «атипичный», «летальный» (летальный исход) и подобные. В результате внимание аудитории на продолжительное время приковывается к проблеме «атипичной пневмонии», «птичьего», «свиного» гриппа и т.д. В связи с выстраиванием таких цепочек значений социальные представления аудитории о данном заболевании приобрели иной смысл. Как следствие у подавляющего большинства граждан сильно повысился уровень ситуационной тревожности, значительная часть высказывала сильнейшие опасения и только небольшое количество людей отнеслись к данным сообщениям равнодушно.

Дискурс образован как нечто общее (суммарное), где каждый знак зафиксирован как момент посредством установления отношений к другим знакам. Это происходит за счет стремления исключить все иные возможные значения знака, а именно – все другие возможные способы, с помощью которых знаки могут быть связаны друг с другом. Таким образом, дискурс – стремление по достижению определенного консенсуса в информационном поле. Это тонкая искусная попытка почти незаметного выстраивания знаков по отношению друг к другу с

целью создать определенную систему значений в рамках *дискурса*. Все возможности, которые исключает дискурс, называют *областью дискурсивности*.

Область дискурсивности – это потенциальная тематическая перспектива для «добавочных значений», возникающих в артикуляционной практике, то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значения. Например, научный дискурс вокруг *изменчивого знака* «психология» в отечественных центральных СМИ сконструирован так, что по непонятным причинам исключены культурно-историческая концепция, деятельностный подход, в то же время, психоанализу, нейролингвистическому программированию, организационной психологии находится место в печати и эфире. Имена выдающихся отечественных психологов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др., составляющих высокую общественно-патриотическую ценность для российского народа, остаются малоизвестны широким слоям населения. Чего не скажешь о З. Фрейде (чье наследие, безусловно, велико для мировой психологии). Такие тенденции в отечественной информационной политике искусственно ограничивают культуру общества в данной сфере, отсюда поиск заграничных чудодейственных средств психологической помощи, широкое поле шарлатанства и недостаточное внимание развитию институтов психологического обеспечения.

Теперь необходимо установить все связи между названными терминами. Итак, цель дискурса – устранить двусмысленность, превращая *элементы* в *моменты* посредством достижения социального консенсуса. Но эта цель никогда не бывает достигнута, поскольку возможности значений, которые дискурс помещает в *область дискурсивности*, могут всегда дестабилизировать конвенционные значения. Следовательно, все *моменты* остаются потенциально полисемичными. Это значит, что потенциально *моменты* всегда являются *элементами*. Определенные *артикуляции* постоянно воспроизводят или оспаривают (подвергают сомнению) существующие дискурсы, фиксируя значения своими способами. Из-за бесконечной потенциальной полисемии каждое устное или письменное сообщение является *артикуляцией* или инновацией. Несмотря на то, что это высказывание основано на более ранних фиксациях значения – то есть возникает из дискурсов, в которых знаки уже стали *моментами*, – тем не менее, оно никогда не бывает простым повторением того, что было установлено ранее [8]. Следовательно, каждое высказывание – это активная редукция

возможностей значения, оно размещает знаки в определенном отношении друг к другу одним единственным способом, исключая, тем самым, альтернативные формы организации.

Теперь можно перейти непосредственно к технологии проведения эмпирического исследования конкретных сообщений СМИ инструментарием дискурс-анализа. Сначала в высказывании идентифицируются *узловые точки* дискурса: какие знаки имеют привилегированный статус *ключевых знаков* и как они определены относительно других знаков в дискурсе? Это дает возможность понять специфику социальной идентичности в сообщении СМИ. Затем изучаются, как другие дискурсы определяют эти же знаки (*изменчивые знаки*) альтернативными способами. Исследуя конкурирующее содержание значений *изменчивых знаков*, мы можем постепенно выявить *борьбу* вокруг значения. Таким способом последовательно можно определить частичное структурирование значений *изменчивых знаков*. Какие знаки являются объектами *борьбы* за значение между конкурирующими дискурсами (являются *изменчивыми знаками*); и какие знаки имеют относительно фиксированные и не спорные значения (являются *моментами*). Изучая подобные комбинации знаков, выстраиваются цепочки эквивалентности, благодаря чему выявляются признаки конструирования определенных социальных представлений.

Обобщая терминологический аппарат инструментария эмпирического исследования сообщений средств массовой коммуникации, становится понятно, что он включает следующие элементы: основные знаки в структуре дискурса (узловые точки, ключевые знаки); понятия, касающиеся идентичности (формирование группы, идентичность и представительство); цепочки эквивалентности, относящиеся к формированию значений основных знаков (социальные представления); понятия для анализа конфликта (изменчивые знаки, антагонизм и гегемония).

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальное познание: проблемы и перспективы / Г.М. Андреева. – М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 416 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Социальная психоллингвистика. Учебн. Пособие / Сост. К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 197-237.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь: Сборник / Л.С. Выготский. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 668 с.

4. Георгадзе М.С. Аналитический обзор исследований психологических проблем функционирования средств массовой информации // Вестник университета (Государственный университет управления), № 20. – М.: ГУУ, 2009. – С. 20-23.
5. Леонтьев А.Н. Эволюция психики. Избранные психологические труды / А.Н. Леонтьев. – М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 416 с.
6. Карасик В.И. Дискурс // Социальная психолингвистика. Учебн. Пособие / Сост. К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 162-197.
7. Почебут Л.Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса / Л.Г. Почебут. – СПб.: Издательство С.-Петербур. университета, 2005. – 284 с.
8. Психологические исследования дискурса. Сборник научных трудов / Отв. ред. Н.Д. Павлова. – М.: ПЕР СЭ, 2002, - 208 с.
9. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АССЕРТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Гуляева К.Ю.

*Ст. преподаватель НГПУ, г. Новосибирск
e-mail: kapa235@yandex.ru*

Актуальность настоящей статьи определяется возникшим интересом общества к проблеме агрессивности человека и конструктивной её направленности, которая может реализовываться в ассертивности личности.

Вначале стоит остановиться на содержании понятий «агрессивность», «ассертивность», «ассертивное поведение» и «ассертивная личность».

Агрессивность – устойчивая черта личности, которая проявляется в готовности субъекта к агрессивному поведению» [4, с. 9 – 10].

Термин «ассеривность», заимствован из английского языка, где он выступает производным от глагола assert – настаивать на своем, отстаивать свои права. В обиходе российских психологов термин стал использоваться в середине 90-х годов.

Под ассертивностью понимается личностная черта, которую можно определить как автономию, независимость от внешних влияний

и оценок, способность самостоятельно регулировать собственное поведение [7, с. 9].

Федоров А.П. определяет ассертивное или уверенное поведение как поведение, при котором цель достигается активно, однако не нарушаются права других людей. Это поведение, при котором достигается взаимный баланс интересов, а используемые средства помогают принятию выгодного решения [5, с. 34].

В своем исследовании Хохлова Е.В. определяет *ассертивную личность*, как здоровую и зрелая личность, с выработанной позицией ненасилия [6].

Ассертивный человек не нарушая прав окружающих, добивается своих целей. Ассертивное поведение ориентировано на долгосрочное сотрудничество, командную работу, деловые взаимоотношения.

В современной психологии ассертивное поведение рассматривается как самый конструктивный способ межличностного взаимодействия, опирающийся на принципы гуманизма, при этом отрицается манипуляция, жестокость и агрессия по отношению к другому человеку.

Джозеф Вольпе полагал, что истинно ассертивная (ассертивность – уверенность) личность обладает четырьмя характеристиками:

Во-первых, человек свободно выражает свои мысли и чувства.

Во-вторых, он может общаться с людьми на всех уровнях (с незнакомыми людьми, с друзьями, с семьей). Это общение всегда открытое, честное, прямое и адекватное.

В-третьих, у человека есть активная ориентация к жизни. Он добивается того, чего желает. В противоположность пассивной личности, которая выжидает, что случится далее, он пытается влиять на события.

В-четвертых, его действия характеризуются самоуважением. Понимая, что ситуация не всегда бывает выигрышной такой человек принимает ограничения. Но, не смотря на это, пытается что-то сделать, чтобы не упустить шанс. Он поддерживает свое самоуважение. Отсутствие положительного социального опыта и навыков общения или неумение их реализовать приводят к неуверенности.

В. Каппони В., Т. Новак сформулировали основные десять заповедей ассертивности [2]:

Каждый человек имеет право:

1. Сам судить о своем поведении, мыслях и эмоциях и нести ответственность за последствия.

2. Не давать никаких объяснений и обоснований, оправдывающих свое поведение.
3. Сам решать, отвечает ли он и в какой мере за проблемы других людей.
4. Менять свои взгляды.
5. Совершать ошибки и отвечать за них.
6. Сказать «Я не знаю».
7. Не зависеть от доброй воли других людей.
8. Поступать нелогично.
9. Сказать другому человеку: «Я тебя не понимаю».
10. Сказать: «Меня это не волнует».

Умелое и успешное применение этих принципов предполагает использование коммуникативных приемов. В основе всех приемов - взаимное уважение, доброжелательная настойчивость, вежливая требовательность.

В психологической литературе описаны различия между внешними проявлениями неуверенности, агрессивности и асертивности:

- *Признаки неуверенности.* Человек, ведущий себя неуверенно, не умеет четко заявлять о своих желаниях и потребностях. При малейшей критике начинает оправдываться или извиняться. Неудачи ослабляют его самооценку. Иногда пытается манипулировать людьми, вызывая у них жалость.

- *Признаки агрессивности.* Агрессивный человек добивается своего в ущерб другим, он не признает их права и справедливые требования. Речь содержит множество прямых или скрытых угроз, оценок. Агрессивный человек разрушает доверие окружающих к себе. Достигая желаемого, он настраивает людей против себя.

- *Признаки асертивности.* Уверенный человек говорит четко и ясно. Он может позволить себе сказать то, что думает, искренне выразить свои переживания. Он проявляет позитивное отношение к партнеру и уважение к себе. Он умеет слушать других и способен изменить свою точку зрения под давлением аргументов. Такой человек выглядит спокойно, его речь выразительна и вразумительна, темп речи равномерный, взгляд прямой, есть контакт глаз с партнером.

Сложности с применением асертивности связаны с тем, что навыки такого поведения требуют серьезной подготовки и практики, поскольку для большинства людей более привычны другие стили взаимодействия.

На сегодняшний день разработаны разнообразные специальные программы социально-психологического тренинга, нацеленные на

развитие и упрочение асертивности. Ряд из них в большей степени следуют бихевиоральной ориентации, другие ориентированы на традиции гуманистической психологии, однако все они в той или иной степени руководствуются принципом развития способности человека быть твердым, честным и дружелюбным [1].

Например, в рассмотрении асертивного взаимодействия в терминах транзактного анализа, то получается следующая картина. Для каждого человека характерно три Эго-состояния: Родитель, Взрослый и Ребёнок.

Эго-состояние Родителя содержит установки и поведение, перенятые извне, в первую очередь от родителей. Внешне они часто выражаются в предубеждениях, критическом и заботливом поведении по отношению к другим.

Эго-состояние Взрослого не зависит от возраста личности. Оно ориентировано на восприятие текущей реальности и на получение объективной информации. Оно является организованным, хорошо приспособленным, находчивым и действует, изучая реальность, оценивая свои возможности и спокойно рассчитывая.

Эго-состояние Ребенка содержит все побуждения, которые возникают у ребенка естественным образом.

Асертивное поведение – это отношения на уровне Взрослый — Взрослый, то есть асертивный человек воспринимает и ведёт себя как взрослый плюс точно так же относится к объекту взаимодействия.

В.А. Шамиева определяет структуру асертивности, которая состоит из трех компонентов: *когнитивно-смысловые, аффективные и поведенческие* компоненты.

В когнитивно-смысловом *компоненте* асертивности заключается ориентировка и адекватная оценка ситуации, продуктивное преобразование проблемных ситуаций (гибкость мышления); определение своего Я в окружающем мире на основе осознания смыслов и ценностей своей жизни.

Аффективный компонент асертивности включает в себя принятие другого, уверенность в себе, доверие к себе.

Поведенческий компонент асертивности проявляется в независимости, ответственности, настойчивости (напористости), готовности к риску и конструктивной агрессии.

Индикаторами проявления асертивности могут быть следующие особенности [5]:

Контакт глазами: смотрит на собеседника, периодически отводя глаза.

Выражение лица: соответствует содержанию разговора.

Жесты: умеренные, соответствующие содержанию беседы.

Поза: прямая, на соответствующей дистанции.

Качество голоса (громкость и тон): адекватно громкий, адекватно экспрессивный, твердый, уверенный.

Речь: фразы произносятся отчетливо, без пауз.

Время реакции: реакция спонтанная, в соответствии с контекстом ситуации.

Противоположное ассертивному поведению - это неуверенное, пассивное поведение, в основе которого лежит стремление любой ценой избежать конфликта, что возможно только лишь при подавлении собственных желаний. Неуверенный человек не говорит другим, чего он на самом деле хочет, а пытается добиться желаемого обходным путем и позволяет другим делать за него выбор, нарушая его права.

Важно отличать ассертивное поведение от агрессивного. Их часто путают, Агрессивное поведение строится на глубокой неудовлетворенности собой. У агрессивного человека возникает стремление «опустить», унижить другого, чтобы самому временно возвыситься и «избавиться» от своих недостатков. Для этого используется целый арсенал средств - контроль, доминирование, потребность реализовать свою жажду власти. Такой человек стремится навязать свои желания другим, заставляя их делать то, что они не хотят. Как правило, агрессивных людей боятся, но не уважают. Такие люди часто подрывают свое психологическое и физическое здоровье, у них также может развиваться зависимое поведение, например, алкоголизм и др.

В завершении стоит подчеркнуть, что ассертивность – это личностная черта. Ее развитие связано с различными умениями и способностями, с такими, как уверенность в себе; внимание к окружающим, их интересам; умение взять на себя ответственность за позитивные и негативные события в собственной жизни и др.

Ассертивная личность ведет себя твердо, но корректно, умеет выразить недовольство и радость, стремится к людям, используя стратегию сотрудничества.

Список литературы:

1. Большой психологический словарь / Сост. Мещеряков Б., Зинченко В. – М.: Олма-пресс. 2004. – 672 с.
2. Каппони В., Новак Т. Как делать все по-своему, или Ассертивность - в жизнь. – СПб.: Питер, 1995. – 186 с.
3. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. -2-е изд., – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

4. Реан А.А. Психология изучения личности: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – С. 216 – 251.
5. Федоров, А.П. Когнитивно-поведенческая психотерапия. – СПб.: Питер, 2002. – 352 с.
6. Хохлова Е.В. Конструктивная агрессивность в формировании навыков асертивного поведения студентов вуза: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. - Нижний Новгород, 2008. – 22 с.
7. Шамиева В.А. Асертивность в структуре личности субъекта адаптации: Автор. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 – Хабаровск, 2009. – 20 с.

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СУБЪЕКТИВНУЮ ОЦЕНКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРЕССОРОВ

Дементьева Л.В.

*соискатель ученой степени к.пс.н., СПбГУ, г.Санкт-Петербурге
E-mail: Layla1102@list.ru*

Проблема влияния личностного развития взрослого человека, его самоактуализации на оценку стрессоров рабочей среды представляется важной и значительной как в контексте изучения особенностей развития в период взрослости, так и в контексте изучения профессионального стресса.

Самоактуализация – это многогранный и сложный феномен, включающий в себя систему ценностей и мотивацию на самосовершенствование, реализацию человеком своих способностей, талантов, и охватывающий всю систему жизнедеятельности человека, включая профессиональную сферу [5; 6; 8].

В повседневной профессиональной деятельности человек постоянно сталкивается с различными стрессорами рабочей среды – это и условия труда, высокие требования к специалистам, вопросы оплаты труда, ролевые конфликты, взаимоотношения на работе, внеорганизационные источники стресса и др. Специалисты отмечают постоянный рост уровня рабочего стресса и разрушающего влияния его последствий на здоровье человека [1; 2; 3; 7]. Рабочий стресс включен в Международную классификацию болезней. В связи с этим особую важность приобретает изучение проблемы влияния особенностей личностного развития взрослого, его самоактуализации на субъективную оценку стресс-факторов рабочей среды.

Согласно когнитивной трансактной модели стресса, в которой подчеркивается важность субъективного восприятия потенциально стрессогенных стимулов, стресс возникает только тогда, когда человек оценил, что внешнее и внутреннее требования вызывают чрезмерное напряжение сил или превосходят его ресурсы [11]. Принципиально важным положением теории Р. Лазаруса [4; 12] является – признание значимости индивидуального, неповторимого характера структуры личности каждого человека, которая обуславливает различия между людьми в отношении процессов оценки угрозы и преодоления стресса. Представляется вероятным, что особенности личностного развития, степень личностной зрелости взрослого, уровень его самоактуализации находят отражение в индивидуальных оценках потенциальных стресс-факторы рабочей среды.

В разрабатываемом учении о копинг - ресурсах R. Lazarus, S. Folkman [10], С. Хобфолл, Д. Фреда, С. Aldwin [9] и др., в концепции «модераторов взаимодействия профессиональный стрессор-переутомление» К. Карвера, М. Шейера, К. Купера, Ф. Дэйва, М. О’Драйсколла [3] и др. исследуются взаимосвязи между личностными характеристиками и процессами оценки угрозы и копинга. В ходе различных эмпирических исследований были выявлены значимые личностные детерминанты стресс-копинг- процесса – выносливость, самооффективность, самооценка, самоконтроль, чувство связи, когерентности, оптимизм, а также локус контроля, самопринятие. В последнее время предпринимаются попытки изучения самоктуализации как возможного личностного копинг-ресурса, однако мы вынуждены отметить немногочисленность этих работ и их направленность, главным образом, на изучение самоактуализации в контексте профессионального выгорания.

В проведенном нами исследовании субъективной оценки взрослыми рабочих стрессоров, влияющих на них при выполнении повседневной профессиональной деятельности, одной из задач было – изучение взаимосвязей между показателями самоактуализации и профессиональными стрессорами (субъективная оценка).

В исследовании приняли участие 188 человек, сотрудники крупной страховой компании, в возрасте от 18 до 55 лет. Для диагностики субъективной оценки взрослыми профессиональных стрессоров, нами была разработана анкета, которая включала в себя перечень из 61 профессиональных стрессоров. Респонденты оценивали не только наличие (или отсутствие) тех или иных стрессоров в их повседневной профессиональной деятельности, но и степень влияния на них актуальных профессиональных стрессоров по 10-бальной

шкале, где 1 балл присуждался стрессорам, влияние которых слабое, невыраженное, а 10 баллов - воздействие стрессора очень выражено. Промежуточные баллы выставляются соответственно выраженности влияния того или иного стрессора. Полученные в ходе анкетирования данные по каждому профессиональному стрессору легли в основу дальнейшего анализа.

Для изучения характеристик самоактуализации использовалась методика САМОАЛ Э. Шострем, в адаптации Н.Ф. Калиной. Математическая обработка полученных в ходе исследования данных проводилась с помощью статистических методов, с использованием статистического пакета SPSS. Для изучения взаимосвязей между характеристиками самоактуализации (12 переменных) и «профессиональными стрессорами» (субъективная оценка) (61 переменная) был применен метод корреляционного анализа – корреляция г- Пирсона для метрических переменных.

В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые результаты, проведенного нами исследования:

- По результатам корреляционного анализа было выявлено 15 статистически значимых корреляционных связей (корреляции г- Пирсона на $p \leq 0,01$) между показателями самоактуализации и профессиональными стрессорами (субъективная оценка). Из них – 1 прямая взаимосвязь и 14 – обратные связи (отрицательные коэффициенты корреляции г-Пирсона);

- Наибольшее количество статистически значимых отрицательных корреляционных связей (6 корреляций) – в структуре корреляционной плеяды «самоактуализация – шкала аутосимпатии». Так, аутосимпатия отрицательно коррелирует со стрессорами: «обеспокоенность последствиями возможных ошибочных действий, страх совершить ошибку» ($r = -0,254$; $p \leq 0,01$), «неблагоприятные ситуации на работе (болезнь коллеги, установки на продажу сложного продукта, ситуации проблемы выплат клиенту и др.)» ($r = -0,203$; $p \leq 0,01$), «перспектива сокращения или преждевременного выхода на пенсию» ($r = -0,205$; $p \leq 0,01$), «конфликты с коллегами» ($r = -0,209$; $p \leq 0,01$), «неблагоприятный психологический климат в рабочем коллективе» ($r =$

- 0,200; $p \leq 0,01$) и «неблагоприятная атмосфера в семье» ($r = -0,250$; $p \leq 0,01$);

- «Самоактуализация – шкала ориентация во времени» отрицательно коррелирует с показателями субъективной оценки стрессоров: «интриги» ($r = -0,266$; $p \leq 0,01$), «неблагоприятный психологический климат в рабочем коллективе» ($r = -0,223$; $p \leq 0,01$),

«неудовлетворительные перспективы продвижения по службе» ($r = -0,212$; $p \leq 0,01$);

▪ Кроме того, были выявлены статистически значимые отрицательные корреляционные связи между: «самоактуализацией – общий уровень», «автономностью» и стрессором «обеспокоенность последствиями возможных ошибочных действий, страх совершить ошибку»; между «ценностями» и стрессором «нехватка уважения (ощущение, что с твоим мнением не считаются, оно не является авторитетным, значимым)»; «гибкостью в общении» и стрессором «проблемы со здоровьем; плохое самочувствие»; «спонтанностью» и стрессором «выход на пенсию». А «самоактуализация – шкала креативности» положительно коррелирует со стрессором «отсутствие творческого вдохновения» ($r = 0,320$; $p \leq 0,01$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что самоактуализация может выступать как фактор влияния на субъективную оценку рабочих стрессоров, и, в большей степени, это влияние распространяется на оценку взрослыми стрессоров, относящихся к сфере межличностных отношений, а также на оценку стрессора «обеспокоенность последствиями возможных ошибочных действий, страх совершить ошибку». Выявленные обратные взаимосвязи между показателями самоактуализации и субъективной оценкой этих стрессоров свидетельствуют о том, что высокий уровень самоактуализации личности позволяет взрослому снизить степень фрустрированности от совершения им потенциально ошибочных действий и спокойнее и адекватнее относится к определенным сложностям в сфере межличностных взаимоотношений. Наиболее существенным фактором влияния является *аутосимпатия*. На наш взгляд, полученные в ходе исследования результаты соотносятся с представлениями гуманистической психологии, с позиций которой, аутосимпатия трактуется как основа психического здоровья, как хорошо осознаваемая позитивная Я-концепция, служащая источником устойчивой адекватной самооценки [5; 6; 8]. Вероятно, чем в большей степени сформировано позитивное отношение личности к себе, к своим возможностям, тем спокойнее воспринимается взрослым факт наличия определенных сложностей при выполнении им повседневной профессиональной деятельности. Выявленная прямая взаимосвязь между креативностью и стрессором «отсутствие творческого вдохновения», на наш взгляд, соотносится с пониманием креативности А. Маслоу [5; 6], как проявлением творческого отношения к жизни. Стрессор «отсутствие творческого вдохновения» может представляться весьма актуальным, значимым тем взрослым, для

которых творческое отношение к жизни, к их профессиональной деятельности, реализация собственного креативного потенциала в труде являются важной составляющей их личностного развития.

Обобщая результаты исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. Уровень личностного развития взрослого, его самоактуализации, в определенной мере оказывает влияние на субъективную оценку стресс-факторов рабочей среды. Высокий уровень самоактуализации в целом, а также компонентов наполняющих этот феномен, позволяет взрослому снизить степень фрустрированности от совершения им потенциально ошибочных действий и спокойнее и адекватнее относится к определенным сложностям в сфере межличностных взаимоотношений.

2. Аутосимпатия – как естественная основа психического здоровья и цельности личности является наиболее существенным фактором влияния на субъективную оценку профессиональных стрессоров, позволяющим человеку более адекватно оценивать потенциальные стресс-факторы рабочей среды.

Список литературы:

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: ПИТЕР, 2009. – 336 с.
3. Купер К., Дейв Ф., О’Драйсколл М. Организационный стресс. Теории, исследования и практическое применение. – Х.: Гуманитарный центр, 2007. – 336 с.
4. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под редакцией Л.Леви. – Л.: Медицина, 1970. – С. 178-208.
5. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. – М.: Евразия, 1997. – 430 с.
6. Маслоу А. Психология бытия. – М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997. – 304 с.
7. Никифоров Г.С. Психология профессионального здоровья: Учебное пособие / Под редакцией Г.С.Никифорова. – СПб.: Речь, 2006. – 480 с.
8. Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. – М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997. – 320 с.
9. Aldwin C. Stress, coping and development. New York, 2007. – 432 p.

10. Lazarus R., Folkman S. Coping and adaptation // W.D. Gentry (Eds.). / The handbook of behavioral medicine. New York: Guilford, 1984. – P. 282-325.
11. Lazarus R., Launier R. Stress-related transactions between person and environment. In: L.A. Pervin, M. Lewis (Eds.). Perspectives in interactional psychology. New York: Plenum Press, 1978. – P. 287-327.
12. Lazarus R. Coping theory and research: Past, present, and future // Psychosomatic Medicine, 1993. Vol. 55. – P. 234-247.

**РЕАЛЬНЫЙ МИР, ЖИЗНЕННЫЙ МИР,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР: СООТНОШЕНИЕ И РАЗВИТИЕ**
Демидова И.Ф.

*Канд. психол. наук, доцент ТИУиЭ, г. Таганрог
E-mail: idema@list.ru*

Человек, рождаясь, попадает в готовый реальный мир. Этот мир не однороден по своей структуре, он обусловлен временем, в котором живет человек, обществом, культурой, в которой он родился. В этой культуре есть свои традиции, нравственные ценности, институт семьи и брака, система воспитания и образования, мир профессий, рынок труда, также в каждом обществе своя экономическая, политическая, религиозная системы, экологическая ситуация. Все это вместе будет влиять на ребенка, пока он будет расти, формируя его жизненный мир, определяя смысл его жизни.

Жизненный мир – это intersubjective мир, конституирующийся сознанием составляющих его людей, воспринимающийся ими как само собой разумеющийся, не подлежащий сомнению, являющийся для живущих в нем миром общих значений и смыслов и определяющий жизненный путь человека. Его содержанием являются ценностные и смысложизненные ориентации человека.

В своей докторской диссертации Е.В.Некрасова [1] рассмотрела становление жизненного мира человека в детстве. Она высказала гипотезу о том, что наиболее активно становление жизненного мира происходит в кризисные периоды онтогенеза. Так, кризис раннего детства есть следствие образования предметного сознания, за которым стоит предметный мир ребенка. Предметное сознание, будучи первой ступенью в становлении жизненного мира в онтогенезе, «заключается в актуализации и становлении способности отделить «Я» от «не-Я», субъективное от объективного и строить свой предметный мир» [там

же, с.31]. Кризис трех лет приводит к формированию смыслового мира и связан с развитием речи и появлением способности обозначать словом предметы, их функции, явления и ситуации. В результате сознание становится также смысловым, что приводит к кризису семи лет. Автором показано, что смыслы, открывающиеся в «акте встречи объективного и субъективного времен, связывают объективную реальность с текущими состояниями человека, конституируют их соответствие и обеспечивают бытие жизненного мира как реальности, существующей для человека «здесь и сейчас» [там же, с.33].

Следующий этап становления жизненного мира человека в онтогенезе – кризис подросткового возраста. Формируется ценностный мир. Ребенок стремится осмыслить свою жизнь в целом, действует с идеальным образом, эмансипируясь от непосредственной ситуации; появляется рефлексия; образуется серьезное отношение к собственной жизни в целом, что привносит определенную свободу поведения в любой ситуации. Подросток становится субъектом саморазвития.

Что касается взрослого человека, то дальнейшее развитие жизненного мира зависит от возможности человека оставаться свободным, т.е. открытым для осуществления еще не реализованных возможностей, включения новой информации в собственный жизненный мир. В противном случае наблюдается ригидность образа мира и образа жизни, невозможность самореализации, утрате целей и смыслов жизнедеятельности. Развитие и усложнение системы жизненного мира возможно за счет обретения новых смыслов. Данные смыслы черпаются человеком из окружающих его «миров» - семейного, культурного, социального, профессионального и др.

Первый мир, в который попадает ребенок, это мир семьи. Его родители и другие родственники уже имеют каждый свой жизненный мир, совокупность этих миров образовала уклад семьи, в нашей типологии – традиционалистский, гедонистический или прогрессивный. Этот уклад надолго, если не навсегда определит жизненный мир ребенка. Недаром многие выдающиеся психологи и психотерапевтические практики подчеркивают роль раннего жизненного опыта ребенка в его дальнейшем развитии и самоопределении. Правда, каждый из них берет свое из этого опыта, то, что согласуется с его теоретическими взглядами и положениями, но мысль беспорна.

Следующий мир, который начинает влиять на ребенка – мир страны и культуры, в которой он живет. Этот мир влияет на него через СМИ, рекламу, пропаганду и другие компоненты массового сознания.

Приведем такой пример. Регулярно ЮНЕСКО проводятся опросы школьников по поводу их знаний и параллельно проверяется реальный их уровень. И результат остается неизменным на протяжении последних 10 лет. Самый высокий уровень знаний показывают корейские и японские школьники, оценивая при этом свои знания как средние. Выше всего свои знания оценивают американцы, занимая при этом достаточно низкие места. И это влияние идеологии.

Далее ребенок попадает в учебные заведения, и на его жизненный мир начинает влиять система образования. Она формирует не только систему знаний, но и мировоззрение, которое может быть научным и мифологическим, действенным и созерцательным. В нашу задачу не входит анализ различных образовательных систем и определение того, какая лучше, какая хуже, но приведенный выше пример со школьниками как раз и есть отражение образовательной системы.

Обучаясь в школе, ребенок знакомится с миром профессий. К сожалению, в нашей стране это знакомство неудовлетворительное. В мире существуют, наверное, десятки, если не сотни, тысяч профессий. Какие-то профессии характерны только для отдельных стран, например, погонщик слонов или оленевод, другие есть во всех странах, например, юрист или врач. Но знания о профессиональном мире даже своей страны у детей складываются стихийно, в школе рассказывают только либо о самых популярных, либо о самых востребованных профессиях, причем рассказывают весьма поверхностно. В результате выпускники школ зачастую не знают, каких качеств и способностей требует та или иная профессия, смогут ли они реализовать в ней свои потребности и ценности, согласуется ли она с тем жизненным миром, который у них уже сложился, с их личностными особенностями. Они поступают учиться в высшее или среднее специальное учебное заведение, на них начинает оказывать влияние система высшего или среднего специального образования. По окончании учебы они попадают в профессиональный мир и не всегда могут его согласовать с тем жизненным миром, который у них уже сформировался, либо начинают реализовывать этот мир в профессии, что также не всегда протекает гладко. Примером может служить коррупция, которая является проявлением гедонистического или инфантильного жизненного мира.

Но все эти годы ребенок осваивал еще один мир – мир ценностей и смыслов. Первоначально он их присваивает из окружающих миров: семейного, культурного, массового сознания. Ценности начинаются с первых родительских запретов и разрешений.

Они могут быть разные: «Нельзя быть жадным, дай поиграть мальчику с игрушкой» или «Правильно, не отдавай своего!» и т.д. Затем добавляются мультфильмы, реклама, фильмы, тиражирующие образ преуспевающего человека, добивающегося всего своим трудом, за счет удачи (американская мечта) или любой ценой (что мы наблюдаем сейчас чаще всего). Дети слышат, какие качества ценятся больше всего в обществе, как их можно развить в себе, за счет чего добиться успеха. Они формируют для себя понятие успеха, пересматривают традиционные ценности, отбирают из них те, которые способствуют этому успеху, пусть неосознанно формируют для себя смысл своей жизни.

Естественно, можно выделить и другие миры, которые окружают человека, но нас интересует соотношение четырех уже рассмотренных: ценностно-смыслового, образовательного, профессионального и жизненного. Из них первым формируется ценностно-смысловой, который постепенно становится базовой, но составной частью жизненного мира. С опорой на ценностно-смысловой мир человек выбирает профессию. За годы обучения его жизненный мир укрепляется и затем проявляется в профессиональном мире. В период от 20 до 30 лет, на наш взгляд, жизненный мир стабилизируется и становится первичным по отношению к поведению и разнообразным жизненным выборам. Его изменение возможно крайне редко, только в кризисное для личности время, когда выясняется, что жизненный мир не «срабатывает», не выполняет свою основную функцию интеграции жизни, объяснения происходящих событий, человек оказывается в растерянности перед жизненными событиями. Это ситуации экзистенциального выбора, которые описывают экзистенциальные психологи [2; 3]. Но и в этой ситуации человек может не рискнуть изменить жизненный мир, он предпочтет выработать защитные механизмы.

Что касается образовательного мира, то он является средством развития и укрепления жизненного мира, его ценностно-смысловой составляющей. При различных системах обучения проявляется тенденция к формированию того или иного типа жизненного мира, происходит влияние на его ценностно-смысловой компонент. А значит, зная этот компонент и сам жизненный мир, можно, с одной стороны, учитывать их в процессе обучения, осуществляя индивидуальный подход, а с другой стороны, развивать мир ценностей и смыслов, обогащая жизненный мир.

Список литературы:

1. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека. Автореф. дисс. ... докт. психол.наук. – Барнаул, 2005. – 47с.
2. Экзистенциальная психология. Экзистенция. Новое измерение психиатрии и психологии / Под ред. Р.Мэя. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 624 с.
3. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ РЕВНОСТИ

Дмитриева Н.В

Новосибирский государственный педагогический университет,

г.Новосибирск

E-mail: dnv2@inbox.ru

О ревность! Это ты, мой слух дразня,
Советы шепчешь злей один другому!
Послушайся советчика такого,
Так наша честь не устоит и дня.
Лопе де Вега «Собака на сене».

Описывая **психологическую структуру** ревности, разные авторы вкладывают в нее различные содержания, но большинство из них считает, что этот психологический феномен включает в себя страх потери, чувство униженности, стыд, неадекватную самооценку, являющуюся следствием чувства вины, гнев, месть, зависть[1-10].

Являясь сложной эмоцией, ревность объединяет не только чувство и ревностные мысли, но и находит выражение в различных формах поведения. Исходя из этого, мы можем назвать совокупность ревностных проявлений **эмоционально-когнитивным поведенческим комплексом**.

Особенности ревности существенно затрудняют ее точное универсальное научное определение, которое до настоящего времени отсутствует. Разные авторы используют различные дефиниции этого чувства. Общим для всех определений является наличие треугольных отношений, угрозы, отрицательные эмоциональные и когнитивные реакции и защитное поведение.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕВНОСТИ

Анализ литературы и собственных наблюдений позволяет выделить две основных причины возникновения ревности:

- Психологические особенности личности ревнивца.
- Дисфункциональные отношения в семье.

Психологические особенности личности ревнивца

С нашей точки зрения, ревность является не только эмоционально-когнитивным поведенческим комплексом, но и свойством личности. Значимыми причинами ее возникновения в этом контексте являются следующие:

1. Характерологические особенности, приводящие к заострению черт характера, неадекватность и неустойчивость самооценки, высокий порог восприимчивости к эмоциональным переживаниям, нестабильность эмоционального фона, снижение рефлексии к критике.

2. Состояния неуверенности, дискомфорта, опасения, возбуждения.

3. Страх потерять любовь, хотя ревность возможна и без любви. Незрелая форма любви.

4. Угроза потери “формативного внимания” другого человека, поддерживающего часть Я - концепции ревнующего.

5. Чувство стыда, связанного с нежеланием обнаружить свою слабость, неполноценность, страх быть покинутой/покинутым или же страх слишком близких отношений.

6. Эмоциональная зависимость (созависимость) от близкого человека при сниженном фоне душевной теплоты в отношениях.

7. Чрезмерная амбициозность, зависть, уязвленное самолюбие, обида, комплекс неполноценности, стремлением к власти, к овладению, переживание утраты своей исключительности.

8. Ревность женщин часто вызвана комплексом неуверенности в себе, неудовлетворенностью своим внешним видом, низкой самооценкой в сексуальном плане. Отсюда страх потерять привлекательность, страх старения.

9. Страх «потери лица», «позора», «унижения» в глазах знакомых и родственников.

10. Чрезмерное чувство собственности, убеждение в праве обладания другим человеком.

11. Угроза реализации невротической потребности в контроле.

12. Недоверие.

13. Пренебрежение партнером.

14. Потребность в острых ощущениях. Иногда женщины стремятся спровоцировать ревность, чтобы «получить доказательство» любви, ориентируясь на формулу «ревнует — значит любит». Мы встречались с ситуациями, когда женщины вызвали ревность с целью сделать отношения более драматичными, эмоциональными в плане получения острых ощущений.

15.Эгоизм. Мы наблюдали ревнивцев, действия которых укладываются в закономерность: чем больше они любят себя, тем больше ревнуют. Сила их ревности была прямо пропорциональна степени выраженности эгоизма.

16. Комплекс ненужности, отсутствие чувства эмоциональной безопасности.

17.Ревность как одно из проявлений у мужчин - комплекса Эдипа — ревности сына к отцу, у женщин — комплекса Электры — ревности дочери к матери.

18. Инверсия ролей и функций, возникающая под влиянием культуральных факторов и нарративов, формирующих ригидные гендерные полоролевые стереотипы.

Дисфункциональные взаимоотношения в семье как условие возникновения ревности

Существует распространенный тезис: «Семья — это судьба». Влияние отношений в семье на возникновение ревности требует отдельного рассмотрения.

Семья в контексте изучения дисгармоничности взаимоотношений ее членов является объектом пристального внимания исследователей, поскольку она играет решающую роль в успешности личностного и социального самоопределения. Функциональность семьи зависит от многих ее особенностей, важнейшими из которых являются супружеские отношения, отношения между родителями и детьми, отношения между сиблингами и стили родительского воспитания.

Выделяют три основных подхода к исследованию семейных проблем и основных параметров семейной системы: психодинамический, системный и смешанный. В одной из предыдущих монографий нами (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2000) сформулирован и обоснован четвертый - социодинамический подход, который сосредоточивает внимание на эмоциональном функционировании семьи [4]. Мы считаем, что недостаток эмпатии к актуальному состоянию партнера провоцирует возникновение ревности.

Эмоциональные связи в дисфункциональной супружеской диаде характеризуются напряженностью и высоким уровнем тревожности, следствием которых являются дистанцирование, внутриличностные и ролевые конфликты, нарушение структуры семейных подсистем, формирование вертикальных коалиций, несбалансированность сплоченности семьи, нечеткость, ригидность границ и правил.

Особенности родительского воспитания

Ревнивые люди нередко выбирают в качестве партнеров лиц, которые в наибольшей степени способны стимулировать это чувство. Об этом мы писали в одной из опубликованных ранее монографий (Короленко, Дмитриева, 2003) [5]. Почему же они так поступают? Проведенные нами исследования, касающиеся выявления механизмов возникновения таких поступков, показали важность особенностей родительского воспитания в выборе подобного партнера. Оказалось, что родители таких детей применяли к ним меры физического наказания. Эти наказания остались в памяти в подростковом и взрослом периодах жизни. Психологический анализ показывает, что у лиц с такого рода воспоминаниями детства чувство любви к родителям смешано со страхом перед наказанием, любовь смешана с болью. Затруднение или невозможность отделить любовь от боли и от наказания оказывается перенесенной травмой детства и может иметь значение в выборе партнера, который рассматривается в качестве эквивалента одного из родителей[3].

Существенную роль в воспитании ребенка играет согласованность его стилей. Чем менее согласованы воспитательные позиции родителей, тем вероятнее риск возникновения у ребенка неадекватного отношения к ревности. Несогласованность родительской позиции приводит к повышению уровня конфликтности в паре, концентрации внимания родителей на своих проблемах, «выяснению отношений», формальности в воспитании ребенка и вовлечению его в треугольник ревности.

Нами наблюдалась женщина, страдающая от приступов ревности к своему мужу, которые она сама квалифицировала как необоснованные. Их появление женщина связывала с особенностями ее характера и чрезмерной подозрительностью. Выяснилось, что в детстве она постоянно получала от родителей противоречивые наставления. Так, приходя из школы домой, она выслушивала по телефону рекомендации отца, который настаивал на немедленном выполнении домашнего задания. Мать, покормив ее обедом, считала,

что девочка сначала должна погулять, подышать свежим воздухом и отдохнуть и только после этого приступать к работе. Позиция матери была более близкой для дочери, которая предпочитала следовать ее советам. Возвращающийся вечером отец, устраивал матери и дочери скандалы, результатом которых являлось установление между последними отношений глубокой эмоциональной привязанности. Пациентка вспоминает, что они, закрывшись на кухне, могли часами обсуждать негативные черты характера отца, не обращая внимания на его переживания. Со слов женщины, отец ревновал ее к матери, пытаясь «заигрывать» с дочерью после ссор с целью получения положительных эмоций в свой адрес.

Особенности отношений в супружеской диаде и детско-родительских отношений

Когда между партнерами возникает напряжение, обусловленное самыми разнообразными причинами, часто появляется некто третий, помогающий разрядить обстановку. В процесс, происходящий между родителями, оказывается втянутым ребенок, который «расплачивается» за эту роль беспокоящими его впоследствии страхами, трудностями с учебой, поведением, психосоматикой. Появившиеся у ребенка проблемы становятся темой родительских разговоров, каналом выражения негативных эмоций и «слива» агрессии, фактически направленной друг на друга. Ребенок в такой семье становится психоклеем, удерживающим ее от распада.

Мы неоднократно встречались с примерами делегирования ребенку полномочий по устранению конфликта. С этой целью сначала один из родителей (чаще всего мать) объединяется с ребенком против второго родителя и начинает использовать его как парламентаря, игнорируя основной закон гармоничности отношений в семье, согласно которому в отношении одного уровня (супружеские) противопоказано вовлекать лиц из другого уровня (детско-родительского).

В диссертационном исследовании В.Г.Петровской (2009), выполненном под нашим научным руководством, исследовалась роль родителей в возникновении отклоняющегося поведения подростков. Автором установлено, что особую роль в формировании асоциальности играет родитель противоположного пола, особенно это касается диады «отец-дочь». Отсутствие взаимопонимания приводит к изменению психологического пространства подростка. Степень суверенности психологического пространства, в свою очередь, оказывает влияние на формирование акцентуации характера подростка

и склонность к отклоняющемуся поведению. Повышение уровня депривированности психологического пространства подростка приводит к формированию гипертимического, тревожного, дистимического и демонстративного типов акцентуации характера, которые становятся основой для формирования асоциальности. Дисфункциональность пары, а именно низкий уровень адаптации, низкий уровень удовлетворенности семейной жизнью обоих супругов, ролевая неадекватность жены влияют на формирование застревающего и дистимического типов акцентуации характера у подростков, которые становятся основой для формирования деструктивных характерологических особенностей и отклоняющегося поведения. Дисфункциональность семьи характеризуется также наличием родительской директивы «не живи», что формирует склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению.

ПСИХОТЕРАПИЯ РЕВНОСТИ

Ревность, являясь страстью, может быть крайне опасной. Не всегда легко дифференцировать так называемую «нормальную», обоснованную ревность от ревности болезненной, беспочвенной, патологической, бредовой.

В «нормальной» ревности также следует различать рациональную и иррациональную ревность [10]. Рациональная ревность возникает перед лицом действительной, реальной угрозы, иррациональная мало связана с реальностью, а строится на воображении и фантазировании, она возникает чаще у людей с развитым воображением, впечатлительных, страдающих скрытым комплексом неполноценности, перенесших психические травмы в детском возрасте.

«Нормальную» ревность можно корригировать с помощью психологических подходов, учитывающих особенности личности и ее развития, болезненная ревность не проходит без специальных психофармакологических методов лечения.

Диагноз патологической, ревности ставится тогда, когда для возникновения этого чувства, с точки зрения ревнивца, есть все основания, но проявления его ревности неуравновешаны и неадекватны. Отличается патологическая ревность от нормальной частотой и степенью выраженности проявлений.

Бред ревности, как правило, необоснован, возникает тогда, когда причин для ревности нет, и является сопутствующим симптомом других более серьезных психических нарушений (шизофрении, параноидального расстройства, алкоголизма).

Выбирая метод возможной коррекции «нормальной» или «патологической» ревности, следует определиться в том, что именно нуждается в психотерапии: структура личности ревнивца или отношения, явившиеся причиной ревности. Основной мишенью психотерапевтического вмешательства при бреде ревности становится лечение самой личности (основного психического расстройства, при нивелировании симптомов которого проходит и бред ревности). Нормальная ревность, вызывающая напряжение, корректируется посредством достижения интимности на всех четырех уровнях отношений в партнерской диаде: социальном, эмоциональном, духовном и сексуальном. Принципиальных отличий в коррекции «нормальной» и «патологической» ревности не существует.

Корректируя **особенности личности** ревнивца, мы учитываем доказанную практикой эффективность следующих направлений психотерапии:

1. Рационально-эмотивной терапии, направленной на коррекцию иррациональных оценочных моделей, норм, убеждений, представлений, умозаключений с заменой их на рациональные.

2. Психодрамы, монодрамы, гештальта, игровой терапии[9].

3. Дистанцирования от напряжения, связанного с переживанием ревности.

4. Обесценивания партнера (по принципу: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло»).

5. Устранения комплекса неполноценности и заниженной самооценки.

6. Изменения личностных установок, объяснения механизмов возникновения ревности, «захватывания» ею сознания, обучения методам психологической защиты.

Психотерапия дисфункциональных супружеских отношений направлена на:

1. Восстановление утраченного доверия и любовных интимных отношений в партнерской диаде.

2. Изменение ситуации, провоцирующей возникновение ревности, либо отношения к ней.

3. Устранение реальной причины для ревности в случае ее существования.

Если, например, речь идет о внебрачных отношениях мужа и жены, то они должны быть прекращены. Психотерапия может проводиться с каждым партнером отдельно, хотя общеизвестно, что семейная терапия обеспечивает в данном случае больший эффект. Возникшую проблему следует обсуждать совместно, чтобы четко

определить установки обеих сторон, исключить неправильное понимание, улучшить коммуникацию. Необходимо, чтобы партнеры понимали, какую угрозу для их отношений и дальнейшей судьбы несет в себе чрезмерно выраженная ревность.

4. Корректировка эмоций и повышенной эмоциональной реактивности.

5. Принятие ситуации и партнера в качестве равного себе и обладающего абсолютной ценностью исключает попытки его порабощения или ограничения свободы. Гуманистическая психотерапия, направленная на гармоничное развитие личности, является значимым противовесом ревности.

6. Установление отношений взаимной благожелательности, уважения, понимания, сотрудничества значительно снижают возможность возникновения ревности и способствуют ее смягчению. Очень важно научиться считаться с волей и автономией партнера, не рассматривать его (ее) как предмет или орудие своей деятельности, послушный управляемый механизм. Люди должны иметь чувство внутренней свободы и признавать это чувство за другими, уважать его у других [3]. Для сегодняшнего постмодернистского общества особенно характерно, что люди не хотят чувствовать себя марионетками, а сами принимают решения по всем жизненно важным вопросам. Эта особенность, с нашей точки зрения, создает благоприятный климат для уменьшения компонента ревности в жизни.

Список литературы:

1. Дмитриева Н.В. Зависть и связанные с ней виды психологических защит / Н.В.Дмитриева. – Изд-во НГПУ., Философия образования. 2009. №.2. С.234 – 242 с.
2. Кляйн, М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / М.Кляйн. – СПб.: Б.С.К., 1997. – 96с.
3. Короленко Ц.П. Личностные расстройства / Ц.П.Короленко, Н.В.Дмитриева. – СПб.: Питер, 2010. – 400с.
4. Короленко Ц.П. Мифология секса. – Н.: ИППС Советская Сибирь, 1994. – 257с.
5. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психоанализ и психиатрия: Монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2003. – 667с.
6. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире: Монография / Ц.П.Короленко, Н.В.Дмитриева. - Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – 248с.
7. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. – М.: «Академический проект», Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 460с.

8. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. Перевод с немецкого С.С. Панкова. – СПб.: Б.С.К., 2004. – 115 с., издание второе стереотипное.
9. Межеричкая Л.Д., Дмитриева Н.В. Методы психодрамы и гештальта в развитии личностной идентичности студентов вузов [Текст] / Л.Д.Межеричкая, Н.В.Дмитриева // Образование и саморазвитие. Научный журнал – Казанский государственный университет. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009 – №1 (11). – С.186-192.
10. Ellis A., Harper R. A guide to rational living – North Hollywood: Wilshire Book, 1974.

ПСИХОЛОГИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ И ИНТИМНОСТИ

Дмитриева Н.В.

*Д.псих.н., профессор, зав.каф.психологии личности и спец.психологии
НГПУ*

E-mail: dnv2@inbox.ru

Анализ результатов собственной практики психологического консультирования показал, что большинство клиентов, обратившихся к нам за помощью по поводу эмоционально-поведенческих проблем, связанных с сексуальностью, испытывают трудности при ответе на вопросы о психологической сущности таких понятий, как привязанность и интимность. Наиболее частыми интерпретациями этих феноменов является их деление на положительную и отрицательную привязанность. Первую, как правило, идентифицируют со здоровьем, заботой, теплом, родством душ, а последнюю - с созависимостью и привычкой. Выраженные трудности испытывают клиенты при ответе на вопрос, насколько близкими по психологическому наполнению являются привязанность и интимность. Большинство опрошенных, как правило, ассоциируют интимность с половыми отношениями.

В связи с существующей в литературе терминологической неопределенностью, касающейся психологического наполнения этих дефиниций, мы попытались исследовать их структуру, конкретизировать типы и описать наиболее часто встречающиеся в психотерапевтической практике варианты блокированной (ограниченной) интимности и привязанности.

По нашему мнению, привязанность – это потребность в длительных, глубоких отношениях, при которой партнеры поддерживают друг друга, помогают друг другу, зависят друг от

друга, обеспечивая при этом друг другу определенную степень свободы.

Истоки формирования привязанности идут из детства. Объектом привязанности, как известно, являются родители [2,3]. Сценарии, подаренные родителями или значимыми близкими, воспроизводятся в дальнейшей жизни.

Мы используем в практической деятельности авторскую **классификацию типов привязанности:**

1. Нормальная, здоровая, безопасная.
2. Тревожно-сопротивляющаяся, цепляющаяся.
3. Тревожно-избегающая.
4. Тревожно-дезорганизованная, хаотичная.

Тип привязанности зависит от экзистенциальной (жизненной) позиции, которая, с одной стороны, выбирается самим человеком, а, с другой, одновременно зависит и от характера взаимоотношений в семье, и от значимого окружения.

Характеристики типов привязанности в зависимости от жизненной позиции

1. Нормальный, здоровый, безопасный тип привязанности формируется при условии получения ребенком от матери или от значимого близкого всего, что необходимо для нормального развития. Если все потребности ребенка удовлетворяются, если о нем заботятся родители, если все, что он ищет, он находит, возникает модель здоровых отношений. По мере взросления окружающие воспринимаются как партнеры, страх покинутости и отверженности не формируется. Базовая жизненная позиция «Я благополучен – Вы благополучны».

2. Тревожно-сопротивляющаяся, цепляющаяся привязанность возникает в случае дробного частичного внимания матери или другой родительской фигуры. В какой-то момент, когда ребенок нуждался в удовлетворении потребности в ласке, любви, привязанности, заботе, мать испытывала временной дефицит, торопилась по своим делам, не успевала, спешила к мужу, на работу и пр.

Какие взаимоотношения между матерью и ребенком порождает данный тип привязанности? При появлении матери ребенок вцепляется в нее и старается удержать, чтобы убедиться в том, что через несколько минут она не «исчезнет», не убежит снова.

Если этот тип реагирования с желанием удержать значимую фигуру зафиксирован, во взрослой жизни он ляжет в основу зависимого, саморазрушающего поведения. Если значимый человек или объект (алкоголь, работа, или другой аддиктивный агент), обеспечивающий ощущение комфорта и благополучия, удаляются, цепляющаяся, сопротивляющаяся, зависимая личность стремится его удержать. Подобный тип привязанности является основой многих видов зависимого и созависимого поведения.

Чтобы седатировать ощущение постоянной тревоги, используются любые заместители – аддиктивные агенты. Следовательно, *стремление к седации является одним из психологических механизмов саморазрушающего поведения.*

Индивид с базовой жизненной позицией «Я не благополучен – Вы благополучны» придает объекту тревоги огромное значение. Низкая самооценка формирует установку «я хуже, чем значимый объект».

Клиенты с нормальным, здоровым, безопасным типом привязанности, как правило, справляются со своими проблемами сами и обращаются за психотерапевтической помощью крайне редко. Второй тип привязанности является частым поводом для визита к специалисту, основными задачами которого являются:

- Работа с самооценкой. Трансформация позиции «Я не благополучен – Вы благополучны» в установку «Я благополучен – Вы благополучны».
- Усиление личностной автономии.
- Формирование ассертивной позиции. Обучение умению проговаривать четкое «Нет» и четкое «Да».

3. Тревожно-избегающий, недоверчивый тип привязанности формируется либо тогда, когда мать проводит незначительное количество времени рядом с ребенком, либо формально присутствует, но проявляет безразличное, эмоционально уплощенное, дистантное отношение, не удовлетворяя его потребность в тепле и заботе. Причинами такого поведения могут быть чрезмерная поглощенность чувством к отцу ребенка, учеба, работа, ситуация потери супруга, переезд в другой город, поиск работы и др.

Ребенок воспринимается как помеха. Ему сообщается скрытое послание: «Было бы хорошо, если бы ты сам решал свои проблемы». И, хотя формальная забота вроде бы и присутствует, но крайне ограниченное внимание к нему, формальный тип отношений с наспех осуществляемой заботой формируют ощущение ненадежности, ограниченности внимания и недоверия. Уверенности в получении

внимания в дальнейшем нет. Эмоциональная отверженность порождает дефицит эмпатии. Вырастая, такие люди не будут показывать своих чувств и по механизму *проекции* будет отвергать теплоту взаимоотношений с другими. Их жизненным девизом становится утверждение «не верь, не бойся, не проси, не доверяй». При внешнем впечатлении благополучия и успешности, к их лицам «прирастает» маска напряжения, равнодушия и безразличного эмоционального отчуждения. Практика показывает, что большинство обладателей такого типа привязанности - несчастные люди с непоколебимой жесткой, ригидной установкой «Я должен быть благополучным любой ценой».

Следование родительским предписаниям «держи эмоции при себе» и «только слабый обнажает свои чувства» проявляется в запрете на демонстрацию собственных чувств. Внешне наблюдаемое эмоциональное спокойствие маскирует подавленные эмоции, которые, как правило, проявляются в ситуациях, оторванных от контекста культуры, например, за границей, в экстремальных ситуациях, в приеме аддиктивных агентов.

Поскольку для лиц с третьим типом привязанности характерна «замороженность» эмоций, (один из них в ходе беседы сказал, что чувствует себя как мясо в морозилке), в задачи психотерапевта входит простраивание зоны доверия и работа с чувствами.

Корректировать базовую жизненную позицию: «Я благополучен – Вы не благополучны» чрезвычайно трудно. Осложняют психотерапевтическое вмешательство такие личностные качества клиента, как высокомерие, снобизм, пренебрежение, ощущение собственной значимости и эксклюзивности. Неустойчивая самооценка и нарциссизм мешают обращению за помощью, поэтому они приходят к специалисту крайне редко и только при наличии очень серьезных проблем. Для таких «нарциссов» крайне важен профессиональный, социальный и финансовый статус психотерапевта. «Открытые нарциссы» сами светятся от ощущения собственной значимости и ищут «эксклюзивного» специалиста. «Закрытые нарциссы» удовлетворены ликом исключительности психотерапевта и «купаются» в созданном в их воображении образе его исключительности.

4. Тревожно-дезорганизованная, хаотичная привязанность свойственна выходцам из социально неблагополучных семей, в которых родители не обращали на детей никакого внимания. Дезорганизованный стиль воспитания проявляется, например, в том, что сегодня алкоголик - папа пьяный и добрый и поэтому любит маму.

Ребенку в этот день достается большая порция тепла. Завтра злой, агрессивный отец избивает мать и издевается над ребенком. Ощущения безопасности нет. Значимые близкие и окружение воспринимаются со знаком минус. Формирование идентификаций и положительных самоопределений, происходящее в раннем детском возрасте, затрудняется в связи с ежедневно обрушивающимися на ребенка хаотическими, беспорядочными и непонятными установками.

Базовая жизненная позиция: «Я не благополучен – Вы не благополучны».

Ощущения безнадежности, недоверия, негативизма, пессимизма, нигилизма порождают пассивное отношение к себе и жизни с позицией «А зачем что-то делать, если все вокруг плохо и у меня все равно ничего не получится?».

Деструктивный дезорганизованный тип привязанности встречается у детей из так называемых нормальных, формально сохраненных семей, в которых потребность ребенка в любви и ласке не удовлетворяется и поэтому ответной стойкой привязанности не возникает.

Частая смена нянь, гувернанток, пребывание в условиях детского дома способствуют возникновению именно такого трудноподдающегося коррекции вида привязанности.

Наиболее типичными *вариантами поведения* таких лиц являются:

- Тяга к идеальной любви и не умение выстраивать близкие отношения. Мечта о красивых, романтических взаимоотношениях существует параллельно с отсутствием знаний о том, как их построить. Одним из наиболее частых высказываний обратившихся к нам за помощью женщин с таким типом привязанности, было следующее: «Я плохая, окружающие еще хуже, все плохо, но когда-нибудь приедет принц и подарит счастье». Проблема заключалась в том, что если в редчайших случаях принц все же появлялся, реакцией на него были изумление, неожиданность, недоверие, растерянность, отвержение и не умение завязать с ним желаемые отношения.

- Минимальное проявлении эмоций со стороны окружающих порождает неадекватные ответные чувства. Одна из таких женщин рассказывала, что простой ничегонезначащей улыбки, подаренной ей шоколадки, коробки конфет или пачки сигарет было достаточно для возникновения желания полного подчинения дарителю. Мужчины паразитируют на таких женщинах, удовлетворяют за их счет многие из своих потребностей. Наиболее

типичны для таких женщин частая смена потребностей, беспорядочный секс, отсутствие умения выстраивать отношения близости, ощущение постылости, ненадежности, небезопасности жизни и саморазрушающее поведение с целью избавления от тревоги.

Практика показывает, что при такой базальной позиции тотальной безнадежности клиент «не слышит» специалиста. Он воспринимает только интонации, а не суть обращений к нему. Работа с носителем такого типа привязанности напоминает общение с аутичным пациентом.

Встреча с таким типом личности наиболее вероятна в детском доме, в комнате милиции, в доме интернате, в тюрьме.

Согласно нашим наблюдениям, одним из наиболее эффективных методов психотерапии в данном контексте является работа с телом в рамках телесно-ориентированного воздействия, поскольку принцип опоры – это то, что такие лица ищут всю жизнь. В основе психотерапии шизоидных, аутичных личностных особенностей должно лежать формирование привязанности между их обладателями и специалистом. Неэффективность воздействия связана с нежеланием посещать психотерапевта из-за страха соприкосновения с его «теплом», которое может «обжечь», поэтому при первых признаках напряжения они легко уходят от сеансов и, как правило, больше не появляются на них.

Смысл психотерапии – формирование первого типа привязанности и умения выстраивать партнерские отношения. Основная цель – трансформировать второй, третий и четвертый типы привязанности в первый.

Первоначальную *психодиагностику типа привязанности* облегчает знание следующих ориентиров:

- Лица с первым типом привязанности практически со всеми возникающими проблемами справляются без помощи специалиста. Сила их личности и количество ресурсов таковы, что возникающие у них проблемы переводятся в разряд самостоятельно решаемых задач.

- Если клиент в неприятной для себя ситуации ищет человека, который мог бы помочь ее разрешить, скорее всего, речь идет о втором типе привязанности. В ситуации стресса возрастает потребность быть к кому-то или чему-то привязанным. При этом воспроизводится механизм *регрессии*. Возникает желание стать как в детстве маленьким и найти поддержку и защиту у человека, к которому мы стремимся. В этот момент он становится для нас значимым и «большим». Воспроизведение регрессивных отношений

сопровождается поиском родительской фигуры, которая могла бы дать ощущение необходимой заботы.

- Если вышеупомянутая задача не решается, происходит «цепляние» за привычные способы реагирования (за людей, ситуацию, вещество и пр.). Происходит обесценивание окружающих и ситуации и формирование третьего типа привязанности.

- Лица с четвертым типом привязанности чаще других переживают кризис с ощущением хаоса.

Использование в практической деятельности разработанного нами *алгоритма диагностики типа привязанности* позволяет установить, что именно происходит с клиентом в ситуации стресса. Фактически определяется наиболее привычный индивидуальный способ реагирования на стресс, при котором одни проживают все его стадии с ощущением растерянности, смятения и хаоса, а другие застревают на одной из них. Вероятность вхождения в кризис, скорость его проживания и эффективность выхода зависят от внешних и внутренних ресурсов личности и типа привязанности.

Предложенная нами рабочая классификация типов привязанности и алгоритм их психодиагностики доказали свою эффективность. Понимание и осознание психологических механизмов психических процессов и состояний, переживаемых клиентом, является необходимым инструментом в работе психотерапевта.

Согласно нашим наблюдениям, в основе практически каждой проблемы лежит неудовлетворенная потребность в признании, принятии, любви, нарушение привязанности и интимности.

Анализ литературы показал, что, к сожалению, в психологической науке и практике до сих пор не существует общепринятого понятия любви и интимности [1,2,3]. В основе используемой нами индивидуальной концепции любви лежит трактовка этого феномена, представленная в древнеиндийском трактате «Ветка персика», согласно которому влечение ума порождает уважение, влечение души-дружбу, а влечение тел-желание. Более того, мы считаем, что интимность в зрелом возрасте –это прикосновение не столько половых органов, сколько любящих друг друга душ, хотя одно, как известно, не только не исключает другое. Вышеуказанные концептуальные положения позволили сформулировать *авторское определение интимности*, под которым мы понимаем зависящий от возраста и пола процесс когнитивной, эмоциональной, духовной, сексуальной близости с индивидуальным диапазоном доступности в установлении внутриличностных и межличностных границ.

Анализ наиболее часто встречающихся жалоб клиентов позволил разработать рабочую **классификацию видов блокированной интимности:**

1. Частичные взаимоотношения при невозможности установления полных, удовлетворяющих большинство потребностей отношений, выстраиваются при условии пребывания партнера в браке, или его склонности к аддиктивным реализациям (работоголизм, алкоголизм, гэмблинг и др).

Дробные отношения устанавливаются с целью получения определенной психологической выгоды, которая хоть каким-то образом уравнивает разочарование от осознания их неполноценности и ощущения недоступности партнера. *Преимуществами* частичных взаимоотношений являются:

- Возможность избегания страха поглощения (партнер в браке, он безопасен и, следовательно, не причинит вреда).
- Позитивный, волнующий, возвышенный характер эмоциональных переживаний, наполненных ощущением романтического флера (между мной и любимым - его жена, но есть ощущение счастья).
- Подпитка нарцисстически ранимой части Я у нарцисстической личности.
- Редкая возможность получения порции любви и тепла при деструктивных, дистантных отношениях с аддиктивным партнером (жена аддикта, например, алкоголика, безусловно, страдает, но периоды ее страданий сменяются редкими временными промежутками, когда муж не пьет и как в прямом, так и в переносном смысле *принимает ее*, а не алкоголь).

2. Быстрая интимность.

Не краткосрочные, мгновенно развивающиеся взаимоотношения, при которых быстрое мимолетное утреннее знакомство заканчивается вечерним сексуальным контактом, а наличие противоречия, заключающегося в том, что, с одной стороны, предъявляются жалобы на не умение завязывать стойкие отношения, а, с другой- сообщается информация о том, что, например, за неделю имели место три случая вступления в коитальные соития с малознакомыми женщинами.

Известно, что для установления длительных любовных и сексуальных взаимоотношений необходимо проживание обоими партнерами периода проб и ошибок. Одна из стадий отношений должна включать знакомство, получение информации в процессе нарратива (рассказов о жизни друг друга). Обладание знаниями о

близком человеке служит фундаментом прочных отношений и профилактирует возможные разочарования. Период сбора информации сменяется периодом тревоги по поводу возможного отделения. Фантазии о вероятном разрыве отношений – неперенный атрибут их прочности. Результат ответа на вопрос: «А сумею ли я ужиться с его/ее недостатками?» может быть как положительным, так и отрицательным. В последнем случае фантазии о разрыве отношений реализуются.

При быстрой интимности партнеры «проскакивают» этот период и быстро «ныряют» во взаимоотношения, длительность которых весьма сомнительна.

3.Цепляющиеся взаимоотношения устанавливаются в двух случаях. Во-первых, с целью реализации стремления избежать индивидуализации. Многолетний опыт работы автора в ВУЗе показывает, что законный брак как желаемая модель прочных отношений выбирается, например, студентами пятого курса непосредственно перед окончанием ВУЗа. Два одиночества с заблокированной самостоятельностью пытаются выйти в жизнь вдвоем, цепляясь друг за друга, чтобы иметь возможность защищать себя вместе.

Второй причиной цепляния за партнера является делегирование ему функции седатика. Примером служат отношения алкоголика и созависимой личности, которая успокаивается, цепляясь за действия, чувства, фетиш и др.

4.Дистанцированные взаимоотношения возникают у лиц, призванных по роду профессиональной деятельности проводить большое количество времени вне семьи (моряки, пилоты самолетов, специалисты, работающие вахтовым методом и др.), и в случае раздельного проживания партнеров (в разных квартирах, разных городах или в разных странах), сексуальная близость которых происходит только на отдыхе. Не долгие встречи на курортах, в свободные от основной работы дни дарят ощущение радости и яркого праздника. Длительное совместное времяпрепровождение порождает обоюдное напряжение и психосоматические проблемы. По образному выражению одной из наблюдаемых нами женщин в последнем случае «происходит наезд на личностные границы», т.к. навыки, умения и знания о том, как жить вместе отсутствуют.

5.Секс без эмоциональной вовлеченности - еще один вариант нарушенных дисфункциональных семейных отношений, предпочитаемый лицами, склонными к промискуитету (беспорядочные сексуальные связи) или свингерству (вторая пара в постели). В случае

договорного брака один или оба партнера удовлетворяют сексуальные потребности «на стороне».

И хотя приглашающие другую семью для сексуальных контактов свингеры, делают акцент только на физической составляющей секса и, согласно данным литературы, не испытывают никаких эмоций, с нашей точки зрения, было бы неправильно утверждать, что свингеры, затрачивающие огромное количество энергии на контрактно-договорные отношения, не переживают при этом вообще никаких чувств. Обмен чувствами происходит, но осуществляется он опосредованно через другую пару. Семья ищет психический «материал» для укрепления своих социальных, эмоциональных и сексуальных взаимоотношений вовне. Возникает созависимая «сцепка», при которой один партнер, активно настаивающий на свингерстве, впоследствии испытывает вину, а другой, пассивно соглашающийся с ним, переживает чувство обиды и протест. Возникающее у обоих партнеров эмоциональное насыщение нивелирует горечь от ощущения нарушения личностных границ. Один из пассивных участников таких встреч, обратившийся к нам за помощью, назвал свингерство «изнасилованием по договоренности, но с принуждением».

6. Эмоциональная вовлеченность без секса.

Отношения строятся на взаимном эмоциональном притяжении друг к другу, защите от взаимных сексуальных притязаний, цеплянии друг за друга и отсутствии сексуальных контактов. В сознании одного или обоих партнеров существует расщепление между фасадной идеальной, романтической частью сексуальных отношений и их грязной, недоступной, низменной составляющей. Представители такого взгляда утверждают, что их семья может жить и прекрасно обходиться без секса и их отношения и без него полны, насыщенные и интересны.

Наиболее часто такие отношения наблюдаются:

- у партнеров, предпочитающих свободные от обязательств верности друг другу отношения, основой которых служит духовная близость;

- у пожилых пар в связи с естественным угасанием потребности в сексуальных отношениях;

- при сексуальных дисфункциях.

7. Садомазохистические взаимоотношения выбирают лица, глубоко убежденные в своей эмоциональной холодности. Они находят друг друга из всего богатства выбора по внутренней убежденности в собственной неспособности полноценно переживать чувства или

уверенности в узости и незначительности диапазона имеющихся у них эмоций. Первоначально возникающее увлечение друг другом сменяется разрядкой сексуального напряжения. Ощущение эмоционального и физического напряжения от возможной близости с объектом сексуальной привязанности и характерная для таких контактов тревога увеличивают ценность разрядки. Расширение диапазона и количества возникающих эмоций совпадает с пиком физической боли. Один из наблюдаемых нами клиентов заявлял: «Я могу разрядиться от напряжения только тогда, когда секс сочетается с болью».

Работая с такими клиентами, мы, вопреки встречающимся в литературе данным, пришли к заключению, что садист и мазохист – это парные, взаимозаменяемые роли. Мазохист в сексуальных отношениях отыгрывает свою агрессию в других сферах активности и, наоборот, агрессивен, жесток, а порой брутально ведущий себя садист в отношениях, например, с женой, родственниками и коллегами проявляет спокойствие, доброжелательность, гибкость, мягкость и нежность.

8. Враждебная зависимость – вариант отношений, противоречащий известной поговорке «Милые бранятся – только тешатся». Речь идет о проявлениях жесткой обоюдной агрессии, реализуемой в постоянных конфликтах, физических баталиях и сражениях, результатом которых является не разрыв отношений, а продолжение устраивающего партнеров совместного проживания и общения. Супруги остаются вместе потому, что крайне нуждаются друг в друге.

Получаемая ими психологическая выгода заключается в потребности иметь объект для проективного отыгрывания (проекции своих отрицательных качеств на другого, например обвинения его в собственных недостатках).

Вместо того, чтобы разбираться со своей депрессией, печалью, гневом, осознанием собственного несовершенства, несостоятельности партнера, негативными чувствами и пр., проще и легче спроецировать их на объект привязанности.

В ходе беседы и сбора анамнеза мы наблюдали следующие закономерности:

- чем более отрицательными были родительские фигуры в детстве, тем большей была потребность в наличии объекта для отрицательной проекции во взрослом периоде жизни;

- чем враждебнее вели себя родители в детстве, тем в большем объеме отыгрывалось агрессивное поведение во взрослой жизни.

Многочисленные драки, побои и телесные повреждения заканчиваются в таких парах сладким примирением в виде полноценного секса. Враждебность отношений не влияет ни на количество, ни на качество секса. Более того, в таких драчливых парах импотенция и фригидность регистрируются значительно реже, по сравнению с партнерами, предпочитающими другие варианты интимности.

Конфликты, ссоры и скандалы воспринимаются через розовые очки романтизма и имеют сходство с садо-мазохистическими отношениями, в связи с созависимостью и снятием сексуального напряжения посредством сексуальных контактов.

У женщин, предпочитающих такой характер отношений, регистрируется большое количество аборт, как последствий *проективного отыгрывания партнера в виде физического повреждения.*

Поскольку такие лица не имеют в личной жизни опыта достойной, полноценной эмоциональной близости (родители не воспитали и не обучили их навыкам установления гармоничных эмоциональных отношений), психотерапия враждебной зависимости строится на создании эмоциональной близости со специалистом. Почувствовав безопасность и возможность установления доброжелательных и добросердечных отношений, клиент привносит этот новый опыт в личные взаимоотношения.

Встречаются случаи враждебной зависимости партнера из деструктивной семьи от партнера из здоровой, функциональной семьи. Согласно нашим наблюдениям, динамика и исход такого «мезальянса» зависит, прежде всего, от глубины повреждения личностной идентичности. Чем выше уровень повреждения и дезинтеграции идентичности, тем больше степень *самоповреждающего отыгрывания*, например, в аддиктивном агенте. Один из обратившихся к нам клиентов (мужчина средних лет, злоупотребляющий алкоголем и женившийся на «достойной во всех отношениях девушке из хорошей семьи») сказал, что «вместо жены он дубасит себя». Рискованное автовождение, стритрейсинг, дайвинг и другие экстремальные виды спорта, свойственные лицам с таким вариантом интимности, подтверждают наши наблюдения.

Мы считаем, что одним из видов аутоагрессии, наиболее часто встречающихся у субмиссивных (подчиняющихся, пытающихся занять во взаимоотношениях «пристройку снизу») женщин, является запрет на проявление себя, на демонстрацию негативных чувств, мыслей и паттернов поведения. В результате «бытовой аутоагрессии»

появляется скука. Женщина, в особенности не обремененная необходимостью зарабатывать деньги, начинает скучать, т.к. не может дать себе разрешение проявить себя. Мы называем такой вариант неполной блокированной интимности *аутоагрессивным проективным бытовым отыгрыванием*, проявляемым в виде «немотивированного» внезапно возникающего гнева с яростной брутальностью, когда спокойная, адекватно ведущая себя женщина вдруг начинает бить посуду, ломать мебель, набрасываться с кулаками на окружающих.

Представляет несомненный интерес проанализированный нами ранее теоретический аспект психоаналитических механизмов выбора брачного партнера [1]. С практическим аспектом индивидуальных предпочтений мы неоднократно сталкивались во время проведения тренингов, когда из всего богатства выбора (например, наличия в группе двадцати привлекательных женщин) женщина, не обращая внимания на девятнадцать участниц, выбирает двадцатую, не скрывающую а, порой явно демонстрирующую свое нежелание общаться с ним, руководствуясь принципом: «Я точно знаю, кто сыграет со мной в мои игры». Партнеры с враждебной зависимостью подходят друг другу как ключ к замку. Проводя экспериментальное исследование по изучению сексуальной идентичности, мы наблюдали две супружеские пары, сложившиеся во время обучения в школе и по истечению длительных брачных отношений выбравших свингерство как средство расширения диапазона сексуальных предпочтений. Их высказывания были практически идентичными: «Мы знаем друг друга со школы, чувствуем принадлежность друг к другу, давно знаем друг друга и можем договориться о чем угодно».

Обобщая результаты проведенного нами исследования, следует заключить, что использование в теоретической и практической работе *разработанной нами рабочей классификация типов привязанности, алгоритма их психодиагностики, характеристики типов привязанности в зависимости от жизненной позиции, авторских определений привязанности, интимности и классификации видов блокированной интимности доказало свою эффективность.*

Список литературы:

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психоанализ и психиатрия: Монография. - Новосибирск: Изд. НГПУ, 2003. - 667с.
2. Психология привязанности и ранних отношений: Тексты /Сост.и перевод с англ. М.Л.Мельниковой; Под ред.С.Ф.Сироткина. Ижевск: НИПЦ, «ERGO», 2005. 362с.

3. Bowlby J. The nature of child's tie to his mother // Int.J.Psychoanal.1958.Vol.39.P.350-373.

ТИПОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Дмитриева Н.В.

*Д.псих.н., профессор, зав.каф.психологии личности и спец.психологии
НГПУ*

E-mail: dnv2@inbox.ru

Характерной чертой постмодернизма является трансформация идентичности. Она происходит через изменение установок и мотивации как условия формирования новых когнитивно-эмотивных и поведенческих паттернов. Отдельные социальные группы наших современников выстраивают свои новые идентичности, устанавливая гармоничные взаимоотношения с самим собой и с окружающими людьми под воздействием новых психосоциокультуральных, духовных и экономических факторов[4].

Опираясь на биопсихосоциокультуральный [3] и социодинамический подходы [2], позволившие осуществить анализ влияния вышеперечисленных факторов на трансформацию гендерной идентичности в условиях постмодернизма, модель аккультурации канадского психолога Berry, J.W. [7] и концепцию трансформации Naarmann, H. [8], мы разработали **типологию формирования постмодернистской гендерной идентичности** в условиях новой культуры на основе критерия выраженности самоидентификации личности с собственной и другими вариантами гендерной идентичности. Согласно сформулированной нами авторской пресуппозиции, трансформация гендерной идентичности в условиях постмодернизма может происходить по следующим различным типам:

1. **Фрагментация** -сепарация гендерной идентичности – разобщение, расчленение, расколотость *гендерной самости* на отдельно сосуществующие в ней различные радикалы (например, появление бисексуальности).

2. **Интеграции** (андрогинная гендерная идентичность, при которой количество феминных личностных свойств равно количеству маскулинных (соотношение анимы/анимуса 50/50)).

3. **Маргинализации**-появление пограничных типов гендерной идентичности (транссексуализм).

4. **Пролиферация**-процесс разобщения, в результате которого появляется новая идентичность, но при этом старая не исчезает (формирование на базе старой гендерной идентичности новой постмодернистской). В некоторых случаях моратория или стагнации идентичности возможен незавершенный процесс перехода одного варианта в другой, как это бывает, например, в случае амбивалентной – невыраженной или флуктуирующей гендерной идентичности.

5. **Инкорпорация**-процесс объединения, при котором малая (рецессивная) идентичность сливается с доминирующей (конфликтная сливается с кризисной, образуя диссоциогенную).

Следует отметить, что при возникновении новых идентичностей важно суметь сохранить здоровую личностную идентичность. Шансов на ее сохранение больше у тех, кому удастся сделать правильный выбор в направлении обретения позитивной идентичности.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Созданная нами рабочая классификация подразделяет гендерную идентичность на три большие группы:

1. По радикалу «позитивность/негативность»

1.1. Позитивная – нормальная, здоровая гендерная идентичность, при которой собственный гендерный образ воспринимается как положительный; присуща большинству людей и характеризуется сбалансированной толерантностью по отношению к собственной и другим гендерным группам.

Для достижения позитивной гендерной идентичности необходимо наличие таких личностных свойств, как положительное самоотношение, самоуверенность, открытость, свобода от внутренних противоречий, высокая потребность в принадлежности к своей гендерной группе.

1.2. Негативная гендерная идентичность включает в себя отрицательное восприятие своего гендерного образа наряду с толерантным отношением к лицам, имеющим иной вид гендерной идентичности с высоким уровнем идентификации с представителями этой группы.

Варианты **негативной** гендерной идентичности:

- **Ущемленная** гендерная идентичность, являющаяся следствием рефлексии низкого статуса представителей своей

гендерной группы, осознания ее неравноценности в сравнении с другими. Приводит к тревоге, стрессу, утрате душевного равновесия, ощущению беспомощности, одиночества.

- **Конфликтная** гендерная идентичность как результат осознания и переживания индивидом *внутриличностного* конфликта, вызванного конфликтом идентичностей (например, половой и гендерной) и *межличностного* конфликта, как следствия дисфункциональных отношений, иррациональных когнитивно-эмоциональных представлений и стратегий поведения внутри группы. *Смешанным вариантом конфликта* может быть борьба мотивов принадлежности к социальной группе, с одной стороны, и сохранения личностной идентичности, с другой.

Стратегией выхода из конфликта может быть замещение необходимости решения внутриличностных проблем стремлением принадлежать к группе с другим видом гендерной идентичности, желание раствориться в ней, и предпочесть групповые цели и ценности индивидуальным.

- **Кризисная** гендерная идентичность - как один из новых типов постмодернистской идентичности в современном обществе возникает как следствие гетеросексизма (отрицания, принижения и стигматизации любых, не - гетеросексуальных проявлений идентичности) и характеризуется тем, что, с одной стороны, является более личностным образованием, по сравнению с социальной идентичностью, а, с другой, - занимает промежуточное место между конфликтной и диссоциогенной ее формами. Осознание и переживание кризисной ситуации опирается преимущественно на гендерную составляющую конструкта сэлф, критерием ее достижения является приобретение внутренней и внешней гармонии, основанной на постмодернистской компетентности (ее рациональных когнитивных, эмотивных, поведенческих и духовных структурных компонентов).

1.3. Гипернегативная патологическая диссоциогенная гендерная идентичность как совокупность конфликтной и кризисной личностной идентичности возникает на фоне негативного гендерного самоопределения, проявляется в отсутствии глубоких положительных самоидентификаций, вызванных эмоционально – когнитивным диссонансом, проявляющемся на поведенческом уровне. Переживание чувства неполноценности из-за своей гендерной принадлежности приводит к деформации ценностно-смысловой, волевой, мотивационной систем и утрате смысла жизни.

1.4. Гиперпозитивная – такое самоопределение и поведение человека, при котором своя гендерная идентичность приобретает приоритетное значение среди других видов идентичностей и ранжируется как доминирующая ценность и главный смысл жизни. Подобный акцент на превосходстве своего вида гендерной идентичности над другими детерминирует развитие гендерного фанатизма и нарциссизма с не критичным отношением к обладателям других видов гендерной идентичности.

II. По презентации миру мужских/женских ролей и функций

2.1. Мужчина в женском теле – гендерная идентичность женщины, предъявляющей миру мужские стратегии (мышления, эмоционального реагирования) и поведения. В психике такой женщины доминирует мужская часть с преобладанием качеств, которые считаются мужскими: активность, напористость, сила, решительность, независимость.

2.2. Женщина в женском теле.

2.3. Мужчина в мужском теле.

2.4. Женщина в мужском теле.

III. По представленности в структуре гендерной идентичности ***анимы/анимуса***

Анима рассматривается как наличие женского (субмиссивного, пассивного, неагрессивного, эмоционального) начала в психике мужчины. Анимус – активный, рациональный, агрессивный, доминирующий имидж мужчины в психике женщины. Личностная и социальная успешность женщины зависит от умения выстроить непрекращающийся диалог с анимусом и интеграцию с ним.

3.1. Сдвоенная гендерная идентичность – новый тип идентичности, характерный для определенной группы наших современников, сформировавшийся под влиянием социального контекста и жизненных ситуаций:

- **Феминно-маскулинная гендерная идентичность** – количество

феминных личностных свойств доминирует над маскулинными.

- **Маскулинно – феминная гендерная идентичность** – количество маскулинных личностных свойств доминирует над феминными.

- **Андрогинная гендерная идентичность** – количество

феминных личностных свойств равно количеству маскулинных (соотношение анимы/анимуса 50/50).

- Амбивалентная – невыраженная (флуктуирующая) гендерная идентичность.

3.2.Строенная гендерная идентичность – сложная гибридная форма микстовой идентичности, возникающая в результате комплексного взаимодействия отдельных ее видов (например, женщина с маскулинно – феминным радикалом, предпочитающая лесбианство).

У наблюдаемых нами пациентов в 50 % случаев диссоциации идентичности характеризовались появлением альтернативной личности противоположного пола, отличающейся иной ценностно-смысловой, эмоционально-мотивационной и др. сферами. Отмеченный факт является методологически важным в рамках настоящей темы, поскольку демонстрирует связь гендерного фактора и кризисной идентичности личности. Ранее мы уже обращали внимание на то, что каждой личности свойственно деление на мелкие фрагменты «тысячи маленьких «я»», которые, не будучи до конца осознаваемы, поочередно занимают «сцену» сознания индивидуума, в результате чего происходит изменение идентичности [6].

Мы считаем, что кризис идентичности следует рассматривать как определенный период, в котором происходит реструктуризация всех сфер и отношений индивида. Следовательно, кризис идентичности можно определить как процесс, в результате которого происходит формирование идентичности личности – структуры или конструкта «Я». В соответствии с психоаналитической традицией, кризисную идентичность можно рассматривать как психологическое образование, возникающее в различные переломные периоды жизни человека – кризисы идентичности, в результате которых происходит реструктуризация ценностей, деятельности и отношений. Если идентичность не достигается (кризисная идентичность продолжает свое функционирование), возникает нарушение идентичности, одной из форм которой, с нашей точки зрения, является диссоциогенная идентичность, характеризующаяся высокой подвижностью психических процессов, легкой фиксацией на различных ситуациях, повышенной внушаемостью. Поскольку мы классифицируем диссоциации на нормальные (поглощенность образом воображения), адаптивные диссоциации (отстраненность в травмирующих ситуациях) и патологические диссоциации (хроническая отстраненность), это позволяет предположить, что одним из симптомов кризисной

идентичности может выступать отстраненность личности от ситуаций, межличностных отношений [6].

Диссоциогенная идентичность, как мы уже отмечали ранее, сопровождается потерей пространственной и временной ориентации, размытостью гендерных ролей, спутанностью ценностей, идеологии, профессиональной ориентации и т.д. Указанные симптомы свидетельствуют о потере эго-идентичности, связанной с исчезновением целостности, тождественности, социальной и гендерной роли [6].

Кризис идентичности может создавать предпосылки для развития личностных расстройств и различных форм отклоняющегося поведения в случае формирования негативной идентичности. Протекание кризиса может сопровождаться чувством неполноценности, депрессивным настроением и суицидальными мыслями [5].

Описывая нормальное течение кризиса идентичности с опорой на теоретические конструкты З.Фрейда, мы выделяем в качестве основной причины возникновения кризиса столкновение внутренних устремлений с требованиями социальной реальности (Супер-Эго). При этом возможно два пути: позитивное преодоление кризиса – приобретаются навыки, способствующие социальной адаптации; негативный исход приводит к задержке или регрессу психического развития субъекта [5]. В этой связи особый интерес для нас представляет изучение факторов, влияющих на возникновение и течение кризиса идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте.

Молодежный возраст – этап развития самосознания, осознание своей принадлежности к определенной гендерной группе, в которой осуществляются идентификационные процессы, связанные с групповым членством. Подросток стремится удовлетворить свою потребность атрибутировать себя, т.е. рефлексировать и интерпретировать условия возникновения и результат своей групповой солидарности, ответить на вопросы: «Кто Я, зачем Я, почему и как...?». Формирование гендерной идентичности начинается задолго до этого периода, но система самопредставлений, ценностей, смыслов и оценок складывается в основном в подростковом и юношеском возрастах.

Факторами, влияющими на возникновение и тяжелое протекание кризиса идентичности в подростковом возрасте, могут выступать:

- утрата статуса ребенка;

- глубокое несоответствие биологических возможностей социальным требованиям;
- неуверенность в своей компетентности в новом статусе;
- резкие биологические изменения, происходящие в организме взрослеющего подростка.

Указанные факторы могут приводить к страху диссоциации – боязни утратить своё телесное и психическое единство. С целью нивелирования этого состояния подростки используют различных способы, например, «ощупывают свое тело, часто смотрятся в зеркало, записывают свои мысли и навязчивые действия». При удачном прохождении кризиса взросления синтезируется новое «взрослое Я», включающее определение подростками себя как личности [5].

Из вышесказанного следует, что в контексте научного рассмотрения изучаемого нами феномена важно учитывать не только индикаторы представленных в классификации видов идентичности, но и возможность коррекции негативной симптоматики данных психологических категорий, и необходимость формирования здоровой гендерной идентичности.

Взаимодействие консультанта и клиента в процессе психологической коррекции кризиса идентичности должно основываться на ряде принципов, которые определяют выбор психокоррекционных направлений, методов и техник [1]:

Базовые принципы психокоррекции кризиса идентичности:

1. Использование модели психотерапевтического альянса, предполагающей отношения эмпатии, терапевтической поддержки и партнёрства с акцентом на формирование у клиента чувства ответственности за успех проводимого психологического вмешательства.

2. Обеспечение индивидуальной переоценки кризисного состояния и его интеграция в общую систему ценностей и смыслов личности. Нахождение нового смысла кризиса:

- в сфере сознания;
- в сфере эмоций;
- в сфере поведения;
- в сфере межличностных, гендерных, профессиональных, семейных отношений и т.д.

3. Нормализация психозащитного поведения субъекта, переживающего кризис идентичности.

4. Ориентация на выявление реальных и потенциальных ресурсов личности.

5. Выработка ощущения «контроля над ситуацией», повышение саморегуляции и эмоциональной зрелости.

В соответствии с выделенными принципами, мы [1] предлагаем делать акцент на следующие психокоррекционные направления и методы (рис. 1.)

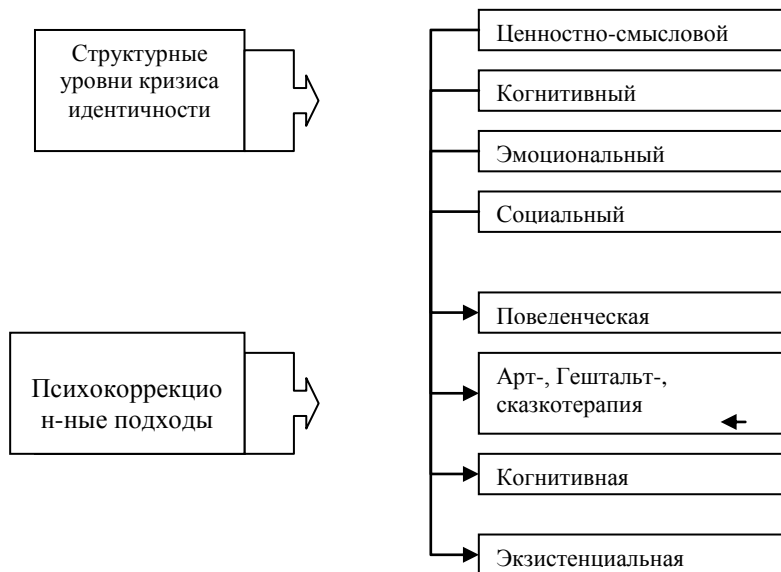

Рисунок 1. - Модель психологической коррекции кризиса идентичности личности по Н.В. Дмитриевой и Н.Н. Гунгер [1]

Таким образом, в соответствии с моделью психологической коррекции психологическое консультирование клиентов, находящихся в состоянии кризиса идентичности, должно опираться на экзистенциально-гуманистический, когнитивно-бихевиоральный подходы с использованием методов гештальт-психологии и позитивной психотерапии.

Список литературы:

1. Дмитриева Н.В., Гунгер Н.Н. Коррекция идентичности личности в период нормативного возрастного кризиса // Журнал Психотерапия. – 2008. –№12. – С. 29-33.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность. Развитие, перенасыщенность, бегство. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. 472с.

3. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психоанализ и психиатрия: Монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2003. – 667 с.
4. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология: Монография. – Новосибирск: Изд. Олсиб, 2001. – 251 с.
5. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. – М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 460 с.
6. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постсовременном мире: –Монография / Ц.П.Короленко, Н.В.Дмитриева. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – 248 с.
7. Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation / J.W. Berry // Acculturation: Theory, models, and some new findings Ed. by A.M. Padilla. – Boulder, 1980. – P. 9-25.
8. Haarmann H. Language in ethnicity: A View of Basic Ecological Relations / H. Haarmann. – Berlin, 1986.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Дмитриева Н.В.

Д.пс.н., профессор НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: dnv2@inbox.ru

Дроздова С.А.

аспирант НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: sad88@mail.ru

Теоретический анализ исследований зарубежных и отечественных работ, посвященных изучению различных аспектов рефлексии и идентичности личности [1 - 15], позволил нам разработать теоретическую модель уровневой организации рефлексии, требующую экспериментального подтверждения. В связи с тем, что в современных источниках недостаточно полно и доказательно описана взаимосвязь рефлексии и идентичности личности, основной целью экспериментальной части работы являлась разработка рабочей модели рефлексии и выявление влияния отдельных составляющих ее структуры на различные компоненты идентичности личности.

В исследовании выдвинута гипотеза, согласно которой рефлексия имеет уровневую организацию и включает в себя операциональный, функциональный и содержательный уровни, развитие которых формирует качественно новую структуру рефлексивной идентичности. Данная гипотеза определила общий ход

экспериментального исследования и подбор соответствующего психологического инструментария, в числе которого использованы стандартизированные и проективные тесты, а также методы математической статистики.

Исследование структуры рефлексии и идентичности личности сотрудников таможенных органов было проведено в 2008 году на базе Сибирского таможенного управления, Новосибирской и ряда других региональных таможен. В исследовании принимало участие 120 человек в возрасте от 20 до 54 лет. Средний возраст обследованных – 36 лет. Распределение респондентов по полу – 40% мужчин и 60% женщин.

Обследованная выборка подбиралась с учетом следующих характеристик:

1) территориальная диспозиция таможенных органов – центральный или периферийный таможенный орган (две экспериментальные группы);

2) стаж работы в таможенных органах – до одного года; от одного года до пяти лет; от пяти лет и более (три экспериментальные группы);

3) должностной статус – сотрудник, государственный служащий, работник (три экспериментальных группы);

4) национальность испытуемого – русский, бурят, чуваш (три экспериментальные группы);

5) пол испытуемых – мужской или женский (две экспериментальных группы).

В процессе исследования структурных компонентов идентичности личности нами использовались: Опросник Ш. Шварца для изучения ценностей личности; методика А. Маслоу «Иерархия потребностей»; методика И.Г. Малкиной - Пых «Шкала базовых утверждений»; тест М. Куна - Т. Макпартленда «Кто Я?» (модификация Т.В. Румянцевой); методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой, методики МИЛИ (личностная идентичность) и МИПИ (профессиональная идентичность), разработанные Л.Б. Шнейдер.

Исследование структурной организации рефлексии осуществлялось с помощью следующих методик: опросник Д. Эверсона; методика «Рефлексия человека в жизнедеятельности» А.С. Шарова; методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова, В.В. Пономаревой; методика изучения смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева; методика определения уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта.

Таким образом, на основе результатов проведенного нами теоретического исследования были выдвинуты гипотезы о компонентной структуре идентичности и уровневой структуре рефлексии. Экспериментальное исследование проводилось в течение 2007 – 2009 г.г. и включало в себя следующие этапы:

1. Экспериментальное исследование в группе с помощью батареи тестов, позволивших описать особенности идентичности сотрудников таможенных органов и выявить взаимосвязи между компонентами идентичности и уровнями рефлексии у респондентов. В результате проведения данного исследования выделены компоненты идентичности и их содержание; разработана уровневая модель рефлексии; выявлены социально-демографические факторы, влияющие на развитие рефлексии у респондентов; обоснована взаимосвязь статусов и структурных особенностей идентичности и рефлексией.

2. Формирующий эксперимент, включавший в себя разработку и апробацию в группе респондентов авторской методики развития рефлексии, включающей в себя психологическое воздействие на операциональный, функциональный и содержательный уровни рефлексии.

3. Ретестирование респондентов на завершающем этапе развития рефлексии - повторное тестирование участников программы с целью выявления изменений, как в психологическом содержании рефлексии, так и в статусах и содержании идентичности. Результатом данного этапа явилась разработка принципиально новой модели рефлексивной идентичности личности, сформированной в результате целенаправленного развития рефлексивных механизмов достижения идентичности.

В рамках формирующего эксперимента нами была разработана и реализована программа формирования идентичности личности сотрудников таможенных органов посредством оптимизации функционирования различных уровней рефлексии. Разработанная нами программа психологического воздействия была реализована в экспериментальной группе, включающей в себя 120 сотрудников таможенных органов. Работа проводилась индивидуально и в малых группах.

Анализ эффективности разработанной нами программы формирования достигнутой идентичности личности средствами рефлексии показал, что в результате использования программы психологического воздействия получили развитие мотивационно-целевая и регулятивная функции рефлексии. Эмоционально-оценочная

функция отличается существенно возросшей самооценкой респондентов, что проявляется в увеличении количества позитивных самоидентификационных характеристик, отражающих адаптивное состояние идентичности, связанное с настойчивостью в достижении цели, ответственностью, деловой направленностью, социальной смелостью, уверенностью в себе. Вместе с тем необходимо отметить, что эмоциональная насыщенность жизни как психологическая составляющая оценочной функции, в процессе психологического воздействия существенно не изменилась, что свидетельствует о необходимости дополнить предложенную программу блоком специальных техник и упражнений, позволяющих развивать у респондентов удовлетворенность жизнью «здесь и сейчас», и эмоционально принимать разнообразные жизненные события. Таким образом, в результате использования разработанной нами программы формирования идентичности личности средствами рефлексии повысился уровень социальной и профессиональной рефлексии.

С целью выявления изменений в структуре идентичности, произошедших под влиянием развития рефлексии у респондентов, проведен факторный анализ с использованием методик, направленных на изучение, как идентичности, так и рефлексии. Это позволило сформулировать авторское определение нового понятия «рефлексивная идентичность».

По результатам математической статистики выявлено пять факторов, качественный анализ которых показал, что каждый компонент идентичности включает в себя ту или иную психологическую составляющую разработанной нами уровневой модели рефлексии. Так, когнитивный компонент идентичности, помимо установок об окружающем мире и своем месте в нем, содержит в себе операции рефлексии, обеспечивающие рефлексивные процессы и позволяющие развивать другие компоненты идентичности. Личностный компонент объединил в себе ценности, цели и личностные самоидентификации. Наличие в составе этого компонента саморефлексии обеспечивает направленность рефлексивных процессов на субъект познания и позволяет развивать подсистемные элементы данного компонента в соответствии с имеющимися способностями, ресурсами и достижениями. Эмоциональный компонент идентичности под влиянием развития рефлексии приобрел качества саморегуляции, что позволяет индивиду формировать объективную самооценку и на ее основе которой реализовывать наиболее адекватное социальное поведение, осуществлять контроль и коррекцию своих действий в случае изменения условий деятельности. Социальный компонент

идентичности под воздействием развитых в формирующем эксперименте психологических составляющих рефлексии существенно расширил свое содержание. На последнем этапе эксперимента данная подструктура стала более ориентированной на конструктивное межличностное общение, доброжелательность, взаимоуважение, высокий уровень культуры. Под влиянием психологического воздействия профессиональный компонент рефлексии также изменил свое содержание: произошел сдвиг от выраженных материальных потребностей, удовлетворяемых в процессе трудовой деятельности, к сбалансированному сочетанию потребностей в профессиональном росте, власти и материальном благополучии.

Разработанная нами программа формирования достигнутой идентичности личности средствами рефлексии включала в себя психотехники, направленные на развитие операций рефлексии, рефлексивных качеств, функций и различных видов рефлексии. Программа позволила конструктивно изменить содержание операционального, функционального и содержательного уровней рефлексии. Разностороннее развитие рефлексии привело к преобразованиям компонентов в структуре идентичности, изменениям в их содержании и уровне развития. Поскольку в результате психологического воздействия в составе компонентов идентичности значимое место стало отводиться составляющим рефлексии, это позволило идентифицировать данное новообразование личности как рефлексивную идентичность.

Таким образом, в результате экспериментального исследования влияния рефлексии на формирование идентичности личности сотрудников таможенных органов, сделаны следующие выводы:

1). Идентичность личности представляет собой сложно организованную структуру, включающую в себя пять базовых компонентов:

- мотивационно-ценностный компонент является смысловым образованием идентичности, формирующим основу отношений личности с окружающим миром, с другими людьми, с самим собой;

- когнитивный компонент включает в себя систему социальных установок относительно устройства внешнего мира и отношений с окружающими людьми;

- эмоционально-оценочный компонент характеризует ценность собственного Я для личности, а также тип эмоциональной оценки собственных идентификационных характеристик;

- социальный компонент включает в себя особенности групповых ориентаций, а также те личностные характеристики, которые определяют качество межличностных отношений;

- профессиональный компонент идентичности – это совокупность личностных ориентаций и потребностей, которыми руководствуется человек в процессе профессиональной деятельности и развития.

2). Уровень развития каждого компонента зависит от статуса идентичности как целостной системы. Наиболее гармоничной и конструктивной по своему содержанию является достигнутая идентичность.

3). Статус идентичности также взаимосвязан с уровнем развития общей рефлексии. Преждевременная идентичность отличается наиболее низким уровнем развития рефлексии, тогда как статус моратория и достигнутой идентичности характеризуется высоким уровнем рефлексии.

4). Разработана структурно-функциональная уровневая модель рефлексии, включающая в себя операциональный, функциональный и содержательный уровни:

- операциональный уровень – это те рефлексивные качества и операции, с помощью которых возможна объективация субъективных процессов когнитивного и эмоционального характера. Выявлен средний и низкий уровень развития рефлексии респондентов;

- функциональный уровень рефлексии определяет то значение, которое имеет рефлексия для становления идентичности личности: осознание мотивов и целей своей деятельности и конкретных ее актов (мотивационно-целевая функция); самооценка и оценка своих действий (эмоционально-оценочная функция); регуляция своего поведения (регулятивная функция). Установлено, что ни одна из выделенных функций не реализуется у испытуемых в полном объеме;

- содержательный уровень определяет феноменологический аспект рефлексии, в рамках которого описаны ее виды: личностная, социальная, культуральная и профессиональная. Выявлено, что личностная и профессиональная рефлексия находятся у испытуемых на самом низком уровне развития; установлен средний уровень развития социальной и культуральной рефлексии.

5). Наиболее значимыми психосоциальными факторами, влияющими на

уровень развития рефлексии, являются национальные, возрастные особенности

респондентов и условия их деятельности.

6). Определено наличие взаимосвязей компонентов идентичности личности и уровней рефлексии:

- операции рефлексии в большей степени связаны с подсистемными элементами идентичности, обеспечивающими перспективное планирование внешнего и внутреннего развития личности, в совокупности рассматриваемые нами как личностные и социальные ресурсы, необходимые для формирования позитивной идентичности личности;

- функциональный уровень рефлексии взаимосвязан с подсистемными элементами компонентов идентичности, отвечающими за целеполагание, самооценку и самоконтроль. В связи с этим, целенаправленное развитие функционального уровня рефлексии позволит наполнить содержание идентичности теми феноменологическими единицами, которые отвечают за реализацию фундаментальной функции этой структуры – интеграцию мотивационной, эмоциональной и поведенческой сфер личности;

- выявлена прямая зависимость между выраженностью видов рефлексии (личностной, социальной, профессиональной и т.д.), включенных в содержательный уровень рефлексии, и сформированностью соответствующих компонентов идентичности. В связи с этим, целенаправленная работа по развитию рефлексии позволит наполнить компоненты идентичности личности конкретным содержанием.

7). Экспериментально доказана эффективность разработанной нами программы, направленной на формирование идентичности личности сотрудников таможенных органов средствами рефлексии, включающей в себя психологическое воздействие на все уровни рефлексии. Использование программы вызвало конструктивные преобразования в структуре компонентов идентичности личности и способствовало формированию качественно нового новообразования личности – рефлексивной идентичности.

8). Сформулировано авторское определение *рефлексивной идентичности*, под которым понимается динамическое личностное новообразование, включающее мотивационно-ценностный, когнитивный, эмотивно-оценочный, культурно-ценностный и профессиональный компоненты, взаимосвязанные с операциональным, функциональным и содержательным уровнями рефлексии, обеспечивающие реализацию мотивационно-целевой, эмотивно-оценочной и регулятивной функций, способствующих развитию рефлексии и становлению идентичности личности.

Список литературы:

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н.В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131 – 143.
2. Бутковская С.А. Становление гендерной идентичности в процессе профессионального самоопределения: автореф. дис. ... канд. наук: 19.00.01 / С. А. Бутковская; Дальневост. гос. ун-т путей сообщения. – Хабаровск, 2007. – 26 с.
3. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – С. 109–131.
4. Головина М.О. Рефлексивно-ценностная детерминация идентичности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / М.О. Головина; Новосибирский гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 24 с.
5. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала / А.А. Деркач. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж : НПО МОДЭК, 2004. – 752 с.
6. Деева Н.А. Рефлексивные механизмы переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Н.А. Деева; Омский гос. пед. ун-т. – Пермь, 2005. – 21 с.
7. Дмитриева Н.В. Психологическая структура, виды и функции идентичности личности // Перспективы социализации лиц с проблемами в развитии: материалы региональной научно-практической конференции / Н.В. Дмитриева, Н.Н. Гунгер – Бийский гос. пед. университет им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 143-156.
8. Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире: монография / Н.В. Дмитриева, Ц.П. Короленко. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – 248 с.
9. Короленко Ц.П. Личностные расстройства / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – СПб.: Питер, 2010. – 400 с.
10. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
11. Шефер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Б. Шефер. – Иностранная психология. Т.1. – 1993. – № 1.
12. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.

13. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография / Л.Б. Шнейдер. – М.: МОРУ, 2000. – 256 с.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Идентичность: Хрестоматия / сост. Л.Б. Шнейдер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. – С. 69 – 102.
15. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent. N.Y.: John Wiley, 1980.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОРРЕКЦИИ АДДИКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Дмитриева Н.В.

*Д.псих.н., профессор, зав кафедрой психологии личности и спец.
психологии НГПУ*

E-mail: dnv2@inbox.ru

Фридгант Д.Л.

Соискатель кафедры психологии личности и спец. психологии НГПУ

В психологии существуют четыре группы базовых средств коррекции аддиктивной идентичности личности, направленные на активизацию деятельности правого полушария головного мозга (правополушарные методы); средства, направленные на активизацию работы левого полушария (левополушарные методы); интегральные средства, направленные на гармонизацию деятельности правого и левого полушария; специальные средства.

Сочетание правополушарных и левополушарных методов обеспечивает самый простой и эффективный доступ к эмоциональной сфере личности, так как в процессе их взаимодействия наступает гармонизация работы правого и левого полушарий головного мозга, которые вне этих условий находятся в дисгармоничном состоянии. Заметим, что правополушарными принято считать те методы и приемы, которые непосредственно оказывают воздействие на правое полушарие головного мозга, на эмоционально-чувственную сферу человека [7]. Левополушарные методы имеют рациональную природу и основываются на воздействии на познавательную, вербальную и когнитивную сферы личности. К классическим правополушарным средствам достижения психо-эмоционального благополучия можно отнести психогимнастику, проективный рисунок и психодраму. Левополушарные методы включают в себя беседу, дискуссию, методы РЭТ и т.п. [5].

Музыкальная психотерапия является примером интеграции рациональных (левополушарных) и иррациональных (правополушарных) методов. Пение служит связующим звеном между правым и левым полушарием. В процессе пения происходит частичная нейтрализация следов, образованных в результате отрицательных переживаний, являющихся одной из причин возникновения аддиктивного радикала личности. В этот момент наступает гармонизация деятельности правого и левого полушарий, которые в известной степени находятся в конфликте между собой.

В.И. Петрушин (1999) - автор уникальной концепции музыкально-рациональной психотерапии указывает на возможность формирования у человека оптимистического и жизнеутверждающего мировоззрения с помощью специально созданных формул музыкального самовнушения [15]. Практика показывает, что спектр предлагаемых формул должен составляться с учетом вида аддикции. Выполнение творческих заданий в системе музыкально-рациональной психотерапии является одним из наиболее эффективных приемов оптимизации психического состояния аддиктов [3,4].

Нормализация душевного и эмоционального равновесия может быть достигнута с помощью методов арт-терапии, драматерапии и терапии творческим самовыражением (ТТС). Разработанная М.Е.Бурно (1989) ТТС направлена на обучение аддиктивной личности приемам творческого самовыражения с осознанием значимости своего труда и своей жизни в целом [1]. Этот метод является практическим выражением концепции эмоционально-стрессовой психотерапии Рожнова (1985), которая актуализирует духовный потенциал личности. Основным приемом ТТС является создание творческих произведений (сочинение рассказов, рисование и т.д.), а также творческое общение с литературой, искусством, наукой (речь идет об осознанных поисках аддиктом созвучности своих проблем фрагментам различных произведений культуры). Осознание особенностей собственной личности происходит через погружение в прошлое путем общения с предметами своего детства (рассматривание фотографий родителей, предков, изучение истории своей семьи и своего народа). Эти приемы направлены на выявление собственной идентичности, индивидуальности, ценности и “неслучайности” своего существования [18].

Эффективным методом реконструкции аддиктивного личностного радикала является арт-терапия, которая использует искусство как психотерапевтический фактор и основана на использовании художественного творчества [11,19,24]. Данный метод

все еще мало используется в лечебно-коррекционной, профилактической и реабилитационной работе с аддиктами. Согласно Копытину (2002), арт-терапевтическая практика основана на том, что наиболее важные мысли и переживания человека находят выражение в виде образов (поэтому этот вид терапии относится к классическим правополушарным средствам воздействия). Основные приемы данного метода связаны с представлением о том, что в человеке заложена способность к проецированию своих внутренних конфликтов в визуальные формы, а также со сложностью вербализации глубоких чувств и переживаний [6]. Поэтому особую ценность арт-терапия имеет в работе с теми аддиктами, у которых имеются затруднения в выражении и вербализации своих чувств и мыслей, а также сложности самих переживаний и наличия значительных внутренних барьеров для их выражения.

Эффективным методом коррекции является метод направленных фантазий В. Оклендер (2001), основанный на интеграции арт-терапевтических, психоаналитических и гештальт-терапевтических подходов. Данный метод включает в себя практику имаго- и драма-терапии. Суть его заключается не просто в рисовании и проецировании психического содержания проблемы на бумагу, выполненный рисунок может служить стимулом для дальнейшего психологического анализа и терапии. Ценностью метода направленных фантазий В. Оклендер является не только развитие воображения и активизация работы правого полушария, но и получение ценных данных об эмоциональном состоянии пациента, который проецирует на бумагу свои тревоги, страхи, фрустрации, отношения, импульсы, обиды, желания, потребности и чувства. Этот метод очень эффективен в работе с аддиктами, поскольку он сопровождается осознанием скрытых мотивов, заблокированных негативных чувств и переживаний [3,13].

В процессе использования ТТС, музыкальной и арт-терапии целесообразен акцент на групповых формах воздействия, поскольку такая форма работы развивает социальные навыки, учит взаимной поддержке и совместному решению общих проблем, дает возможность наблюдать результаты своих действий и их влияние на окружающих (развивает рефлексивность). Она позволяет осваивать новые роли и проявлять латентные качества личности, а также наблюдать, как изменение собственного поведения влияет на окружающих, повышает самооценку аддиктов и развивает навыки принятия решений.

Практика показывает, что для правополушарных (иррациональных) методов (арт-терапия, драма-терапия, музыкальная

психотерапия и др.) более эффективным является групповой режим работы, а основой для интерпретации результатов иррациональных методов служит психоаналитический подход.

Положительные результаты в коррекции аддиктивной идентичности дает применение психологических средств, воздействующих на телесный уровень. Известно, что на телесном уровне эмоции чувства проявляются в виде мимики, пантомимики, жестов и телодвижений. Нарушения выразительной моторики у аддиктов заслуживают пристального внимания потому, что неумение правильно выражать свои чувства вызывает скованность, неловкость и неадекватность мимико-жестовой речи, затрудняет общение и пр. По мнению Чистяковой М.И. [27], лица с бедным эмоциональным коллажем, возможно, и сами полностью не улавливают невербальные сообщения других, поэтому неправильно оценивают и их отношение к себе, что, с нашей точки зрения, может стать одной из причин возникновения аддикции. Отсюда значимость обучения правильному обращению с невербальной информацией.

Идеи Чехова и Станиславского в настоящее время успешно используются в телесно-двигательной терапии (в частности их знаменитый “метод вхождения в роль”), танцевальной терапии, а также в практике психо и монодрамы. Психотерапевтический смысл этой концепции состоит в “отзеркаливании” жестов, которые способствуют формированию положительного эмоционального состояния и осознанию негативных паттернов поведения [26].

Наиболее простыми и доступными средствами воздействия на телесный уровень являются методы телесно-ориентированной терапии. Эта группа методов направлена на изучение и осознание своих телесных ощущений и “зажимов”, на исследование того, как потребности, желания и чувства проявляются в различных телесных состояниях, а также на обучение способам разрешения дисфункций в этой области.

Из наиболее известных видов телесно-ориентированной психотерапии активно используется биоэнергетический анализ А. Лоуэна [10], метод Ф. Александера [3], первичная терапия Янова [4], и В.Райха [16] – автора методики уменьшения хронических зажимов и способов устранения “мышечной брони” в каждой области человеческого тела. Терапевтический эффект телесно-ориентированной терапии заключается в использовании определенных физических воздействий, с помощью которых наступает высвобождение завуалированных или заблокированных эмоций и чувств. Авторами модифицированных, не менее эффективных

способов воздействия на телесный уровень являются М.И. Чистякова [27], В.В.Петрусинский [14], и др. По нашему мнению, формирование психо-эмоционального благополучия аддикта происходит посредством развития более здоровых телесных привычек, восстановления свободы движений и уверенности в себе, утверждение образа Я, расширения самосознания, максимального развития способностей и становления здоровой идентичности. Этот эффект достигается при использовании методов телесно-двигательной терапии на фоне интеграции бихевиорального, клиент – центрированного и личностно-ориентированного подходов. Последние являются необходимыми не только для развития эмпатии, но и для обучения умению получать так необходимую аддиктам эмоциональную поддержку.

Поскольку, по мнению А. Лоуэна (1998), высвобождение негативных эмоций в процессе телесно-ориентированной терапии может приводить к сильным личностным изменениям, могущим оказаться небезопасными для психического здоровья, целесообразно использовать вновь возникающие в процессе терапии чувства для поиска обратной связи и вербальной работы над реакциями клиентов [10]. Отсюда необходимость постоянного соотнесения телесного состояния с обсуждением и интерпретацией их психического содержания. Функция интерпретации заключается в том, чтобы делать неосознанные феномены (в данном случае телесные зажимы или мышечное напряжение) осознанными. Адекватная интерпретация и анализ результатов коррекции является важной составляющей процесса, так как без нее теряется собственно терапевтический эффект проведенных упражнений.

Использование психологических средств, улучшающих адаптацию и социализацию аддикта, направлено на формирование у него таких психологических состояний, как базовое доверие к миру, позитивная самооценка, интегрированная Я-концепция и здоровая идентичность. Наиболее оптимальным и эффективным способом воздействия на вышеперечисленные параметры являются методы и приемы игровой психотерапии. Данный метод показан, в основном тем аддиктам, которые не могут свободно описывать свои чувства и выражать свои переживания, потребности и мечты в реальной жизни [5]. Методы игровой психотерапии позволяют проиграть отношения или ситуации такими, какими их хотелось бы видеть. Во время игры позиция «игрока» из пассивной формы переходит в активную, в то время как в реальной жизни такой возможности, как правило, может и не быть.

Согласно Фрэнку (1994), игра - это символический язык для самовыражения, в игре отыгрываются скрытые травмы и переживания, проявляются особенности Я - концепции. В процессе терапии представляется возможность для разыгрывания прошлых переживаний и формирования новых позитивных паттернов отношений к другим и самому себе. Таким образом, возникает возможность непрерывного открытия для себя своих возможностей и обязанностей, обновления и повышения самооценки и образа Я. В процессе игры разрешаются актуальные проблемы, конфликты и эмоциональные затруднения посредством манипулирования игровым материалом, ситуацией или терапевтом [23].

Муштакс (1994), анализируя случаи работы с лицами, страдающими различными психо-эмоциональными нарушениями, заметил, что они проходят определенные стадии терапевтического процесса: 1) Стадия диффузных негативных чувств, выраженных на разных этапах игры. 2) Стадия амбивалентных чувств, общей тревожности и враждебности. 3) Стадия прямых негативных чувств, направленных против значимых других. 4) Стадия позитивных или негативных амбивалентных чувств. 5) Стадия четких и ясных, осознаваемых и реалистических позитивных или негативных установок. При этом в игре доминируют позитивные эмоциональные установки. Прохождение через эти стадии в процессе игровой терапии позволяет выразить и отреагировать негативные переживания, а в дальнейшем сформировать позитивные установки, что будет способствовать эмоциональной стабильности и достижению здоровой идентичности [3,4,12].

Целесообразно использование интегративного подхода, объединяющего несколько нижеперечисленных направлений игровой терапии: психоаналитическое, игровая терапия отреагированием (игровая гештальт- терапия), игровая терапия построения отношений, недирективная игровая терапия или игровая терапия, центрированная на клиенте, семейная и игровая терапия со взрослыми.

Психоаналитическое направление связано с именами Зигмунда и Анны Фрейд [22], Мелани Кляйн [4] и др., которые считают, что неумение выражать негативные переживания словами, требует необходимости осознать прошлое и усилить идентичность пациента. Именно игра является тем средством, которое делает самовыражение более свободным.

Второе направление связано с появлением работ Дэвида Леви (1994), в которых развивались идеи терапии отреагирования-структурированной игровой терапии для работы с лицами,

пережившими какое-либо травмирующее событие. Автор основывал свой подход на том, что игра предоставляет возможность отреагирования накопленных и невыраженных негативных эмоций [8]. Такое направление созвучно современным методам гештальт-терапии, основанным на бихевиоральном подходе.

Джесси Тафта и Фредерик Ален (1994) авторы третьего направления в игровой терапии - терапии отношений [20]. Его философской базой послужили работы О. Ранка (1945), который перенес акцент с исследования бессознательного на развитие отношений в системе “терапевт-клиент”, поставив в центре внимания то, что происходит “здесь и теперь”, в кабинете психотерапевта [30].

Идеи недирективной игровой терапии получили дальнейшее развитие в работах К.Роджерса (1993), который расширил ее первоначальные концепции и разработал систему терапии, центрированной на клиенте [17].

Использование игровой терапии в работе с аддиктами в настоящее время привлекает особое внимание специалистов, поскольку здесь в центре внимания находится игровая деятельность, а не сам клиент, который погружается в игру и открывает в себе то, что неподвластно простой вербализации. Средствами игры человек ведет разговор с самим собой, испытывая при этом глубокие личные переживания. Непосредственное включение в игру облегчает понимание своего внутреннего мира и способствует быстрому осознанию ключевых конфликтов и проблемных зон. Метод свободного выбора предмета является поводом для размышлений как самого аддикта, так и для получения обратной связи от других членов группы.

Отечественная школа игры связана с именами Л.С. Выготского, А.Н. [2], Леонтьева [9], Д.Б. Эльконина [29] и др. В частности Д.Б. Эльконин называет игру “гигантской кладовой настоящей творческой мысли человека”[29].

Попытки систематизировать и синтезировать игры как средство формирования духовных и эмоциональных потребностей человека принадлежат С.А.Шмакову (1995), предложившему специалистам широкий и разнообразный спектр игр, который объединяет научный, национальный и культурный опыт деятельности. С этой позиции автор подразделяет игры на следующие виды:

Физические и психологические игры и тренинги: двигательные (спортивные, подвижные, моторные), экспромтные игры и развлечения, лечебные игры (игротерапия).

Интеллектуально-творческие игры: сюжетно-интеллектуальные игры, дидактические игры (учебно-предметные, обучающие и познавательные).

Социальные игры: творческие, сюжетно-ролевые (подражательные, режиссерские, игры-драматизации, игры-грёзы), деловые игры (организационно-деятельностные, организационно-коммуникативные, организационно-мыслительные, ролевые, имитационные).

Комплексные игры (коллективно-творческие, досуговые).

Терапия игрой в настоящее время выходит на качественно новый, более высокий уровень и используется значительно разнообразнее. Однако, именно работы С.А.Шмакова представляют особый интерес в коррекции аддикций, так как предоставляют психологу большие возможности для импровизации, новизны, интерпретации и реализации его профессионального творчества [25].

С нашей точки зрения, игровая терапия позволяет аддикту:

- Сформировать более позитивную Я-концепцию и здоровую идентичность.
- Развить большую степень ответственности свои действия и поступки.
- Приобрести навыки в развитии способности к самопринятию и самостоятельному принятию решений.
- Овладеть навыками контроля над собой и над ситуацией.
- Развить умение преодолевать трудности и фрустрацию.
- Улучшить самооценку и обрести веру в себя.

Эффект использования приемов и методов игровой терапии объясняется тем, что они объединяют в себе практически все существующие психологические школы и подходы. Ее методологическая основа пронизывает и гуманистическое и психоаналитическое и бихевиоральное направления. В процессе выполнения игровых упражнений реализуются элементы гештальт-, драма- и телесно- ориентированной терапии.

Однако, отнести терапию игрой к чисто правополушарным (иррациональным) либо к левополушарным (рациональным) методам не представляется возможным, поскольку она является продуктом интеграции всех существующих направлений и методов. Мы считаем, что на фоне игровой терапии намного легче использовать рациональные (левополушарные) методы психологического воздействия, которые вне этих условий применять сложно.

Для коррекции иррациональных когниций – как причины возникновения аддикции успешно применяется один из основных методов когнитивной (рациональной) психотерапии - рационально-эмотивная терапия, разработанная Альбертом Эллисом (1978), [28]. Позднее идеи автора были реализованы его последователями в лице С.Уолена (1997) и соавт. [21]. Основным принципом рационально-эмотивной терапии (РЭТ) является положение о том, что эмоции и мышление взаимосвязаны, а изменение одного компонента влечет за собой преобразование другого. Если человек изменяет способ мышления (то есть начинает думать о событии по-другому), очень вероятно, что вслед за этим изменится и его эмоциональная реакция. Специалисты по РЭТ рекомендуют отказаться от так называемых долженствований и неадекватных требований к самим себе и окружающим. Наличие этих проблем распознается по присутствию в речи таких слов-предикатов, как “следует”, “должен”, “обязан”, “необходимо”, “приходится” и т.п. Постоянное злоупотребление ими, по мнению родоначальника данного вида терапии А.Эллиса (1978), [28] является причиной многих эмоциональных и поведенческих расстройств. Поскольку РЭТ показана лицам, склонным к интроспекции и анализу своих мыслей, хорошо развитой рефлексией, а именно людям с левополушарной стратегией познания, мы считаем, что данный метод для такого типа лиц является основным, так как проникнуть в их эмоциональную сферу другими методами непросто. Поэтому использование приемов РЭТ на фоне игровых методов и технологий является целесообразным способом воздействия на эмоциональную сферу аддиктов с левополушарным складом мышления.

Анализ психологических средств формирования здоровой идентичности аддиктивной личности позволил сделать следующие выводы:

1. Главным условием коррекции аддиктивной идентичности является подбор адекватных психологических средств воздействия с учетом индивидуальных и типологических особенностей личности.

2. Каждому компоненту дезинтегрированной идентичности аддикта (когнитивному, эмотивному, телесному, поведенческому и др.) соответствует определенная группа психологических средств, правильное сочетание и подбор которых, в конечном счете, обеспечивает успешное решение поставленных задач.

Список литературы:

1. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением / М.Е.Бурно. - М.: Медицина, 1989. – 304 с.

2. Выготский Л.С. Лекции по психологии / Л.С.Выготский. - СПб.: СОЮЗ, 1997. – 144 с.
3. Дмитриева Н.В. Личностные и диссоциативные расстройства: расширение границ диагностики и терапии: Монография / Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 448 с.
4. Дмитриева Н.В., Четвериков Д.В. Психология аддиктивного поведения. Монография. Новосибирск, НГПУ, 2002. – 278с.
5. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия / Б.Д.Карвасарский. – СПб.: Питер, 1999. – 752 с.
6. Копытин А.И. Теория и практика арт-терапии / А.И.Копытин. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
7. Кораблина Е.П. Искусство исцеления души: Этюды о психологической помощи/Е.П. Кораблина, И.А. Акиндинова, А.А. Баканова, А.М.Родина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена; Изд-во «СОЮЗ», 2001. – 319 с.
8. Леви Д. Игровая терапия отреагирования // Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений. Пер. с англ. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – С.36 - 39.
9. Леонтьев А.Н. Мотивы, эмоции и личность // Психология личности. Тексты /А.Н.Леонтьев. - М., 1982. – 235 с.
10. Лоуэн А. Биоэнергетика: (Революционная терапия, которая использует язык тела для лечения проблем разума) / А.Лоуэн; пер. с англ. – СПб.: Ювента, 1998. – 382 с.
11. Лузатто П. Краткосрочная арт-терапия в “остром” психиатрическом отделении / П.Лузатто // Практикум по арт-терапии; под ред. А.И.Копытина. – СПб.: Питер, 2000. – С.116 - 123.
12. Муштакс С. Стадии процесса игровой терапии / С.Муштакс // Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений; пер. с англ. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – С.27 – 33.
13. Оклендер В. Окна в мир ребенка: Руководство по детской психотерапии / В.Оклендер; пер. с англ. – М.: Независимая фирма «КЛАСС», 2001. – 336 с.
14. Петрусинский В.В. Игры - обучение, тренинг, досуг / В.В.Петрусинский. – М.: Гуманитарный центр “ЭНРОФ”,1995. – 87 с.
15. Петрушин В.И. Музыкальная психотерапия: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. ВУЗов / В.И.Петрушин. – М.: Изд-во ВЛАДОС, 1999. – 176 с.
16. Райх В. Сексуальная революция / В.Райх; пер. с нем. В.А.Брун-Цехового; под ред. В.П.Наталенко. – СПб. – М.: Университетская книга, АСТ, 1997. – 352 с.

17. Роджерс К. О групповой психотерапии / К.Роджерс; пер. с англ. М.: Изд-во «Гиль-Эстель», 1993. – 345 с.
18. Рожнов В.Е. Эмоционально-стрессовая психотерапия // Руководство по психотерапии / В.Е.Рожнов. – Ташкент: Медицина, 1985. – 367 с.
19. Сильвер Р. Методическое руководство по применению рисуночного теста Сильвер для оценки когнитивной и эмоциональной сфер / Р.Сильвер, А.И.Копытин. – СПб.: Иматон, 2002. – 115 с.
20. Тафта Дж. Игровая терапия построения отношений / Дж. Тафта, Ф.Ален // Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений; пер. с англ. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – С.39 – 41.
21. Уолен С. Рационально-эмотивная психотерапия / С. Уолен, Р. Ди Гуссепп, Р.Уэсслер; пер. с англ. – М.: Институт Гуманитарных Знаний, 1997. – 257 с.
22. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / З.Фрейд. – М.: Изд-во Ренессанс, 1991. – 296 с.
23. Фрэнк Л. Функция игры /Л.Фрэнк // Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений; пер. с англ. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – С.18 – 21.
24. Хейдт Г. Ранние воспоминания в рисунке / Г.Хейдт // Практикум по игровой психотерапии; под ред. Х.Кэдьусон и Ч.Шефера. – СПб.: Питер, 2002. – С.342 – 348.
25. Шмаков, С.А. От игры к самовоспитанию: сборник игр-коррекций / С.А.Шмаков, Н.Я.Безбородова. – М.: Новая школа, 1995. – 80 с.
26. Чехов М. Литературное наследие. В 2-х т. Т.2. Об искусстве актера / М.Чехов; сост. Аброскина И.И., Иванова М.С., Крымова Н.А. – М.: Искусство, 1995. – 542 с.
27. Чистякова М.И. Психогимнастика / М.И.Чистякова; под ред. Буянова М.И. –М.: Просвещение, 1990. – 128 с.
28. Эллис А. Рациональность как индивидуальная философия / А.Эллис // Уолен С., Уэсслер Р. Рационально-эмотивная психотерапия; пер. с англ. – М.: Институт Гуманитарных Знаний, 1978. – С. 17 – 23.
29. Эльконин Д.Б. Психология игры / Д.Б.Эльконин. – М., 1978. – 215 с.
30. Эриксон Э. Детство и общество / Э.Эриксон; пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
31. Rank O. Will Therapy and truth and reality / O.Rank.–New York, 1945. – P.37–

ЖЕСТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА ПСИХОЛОГА КАК СРЕДСТВА ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Довженок Т.Г.

*ассистент кафедры социальной психологии МаГУ, г.Магнитогорск
E-mail: Pikitanchik@rambler.ru*

В рассмотрении вопроса о значимости жестов в формировании профессионального имиджа психолога, считаем целесообразным для начала рассмотреть понятие коммуникации и жестов. Определить понятие имидж и профессиональный имидж психолога.

Коммуникация (от лат. communication – делаю общим, связываю, общаюсь) – это: 1) путь сообщения (например, воздушная коммуникация, водная коммуникация); 2) форма связи (например, телеграф, радио, телефон); 3) акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанные на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц [8].

Понятие коммуникации, близко по значению к понятию общения. Это: а) передача информации (идей, образов, оценок, установок) от лица к лицу, от одной культурной единицы к другой; б) линия или канал, соединяющие участников обмена информацией; в) взаимодействие, с помощью которого информация передаётся и принимается; процесс передачи и приёма информации. В процессе коммуникации осуществляются: взаимное влияние людей друг на друга; обмен различными идеями, интересами, настроениями, чувствами.

Коммуникация рассматривается и как смысловой аспект социального взаимодействия. Поскольку всякое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых или косвенных отношений с другими людьми, оно включает – наряду с физическим – коммуникативный аспект. Действия, сознательно ориентированы на смысловое их восприятие другими людьми, иногда называют коммуникативными.

Психологию невербального общения жесты интересуют, прежде всего, как средство выражения и передачи информации, т. е. с точки зрения их диагностических, коммуникативных, регулятивных и выразительных функций. Преобладающей традицией изучения жестов является традиция отношения к ним как к паралингвистическим средствам. Наряду с ней существует подход к жестам как к самостоятельным коммуникативным языкам.

По мнению А. Пиза и Альберта Мерабьяна, человеческое общение всего лишь на 7 % является вербальным (слова и фразы), на 38 % вокальным (интонация, тон голоса, другие звуки) и остальные 55 % информации передаются невербальными средствами – жестами рук и ног, мимикой лица говорящего, его внешним видом и окружением[6].

Жесты в процессе общения не только сопровождают речь или заменяют ее, но и говорят об отношении человека к какому-то событию, лицу, предмету.

Люди используют жестикуляцию не только для придания речи большей выразительности, но и как самостоятельное средство общения. Монолог может состоять из кивка головы, поворота туловища, движения руки.

Жесты выполняют различные функции в общении, в том числе они свидетельствуют об интенсивности переживаний, о модальности отношений, о культурной, групповой принадлежности. Жесты, как и мимика, могут нести самостоятельную информацию о человеке, независимо от его речи или других составляющих процесса общения. Жесты, объединяясь с другими элементами экспрессии человека, создают эффект динамичности, интенсивности предъявления экспрессивного Я личности, эффект выраженности контактных процессов, динамичности и направленности поведенческих компонентов отношений личности [9].

Жест может сказать о желании человека, о его состоянии. Особенности жестикуляции человека могут послужить основанием для вывода о каком-то качестве воспринимаемого человека. По мнению П. Экмана и др., жест не только несет информацию о качестве психического состояния, но также и об интенсивности переживания человека. Поэтому жесты можно с уверенностью отнести к выразительным движениям и рассматривать их не только как проявление целенаправленной или спонтанной активности человека [2].

Роль в восприятии окружающих языка жестов и мимики оценена по достоинству. Целый ряд профессий предъявляет к человеку требования, умения управлять своими эмоциями и адекватно определять выразительные движения окружающих его людей. Понимание реакций других людей и правильное реагирование при совместной деятельности – неотъемлемая часть успешности психолога в формировании своего профессионального имиджа [1]. Имидж – это внешний образ, создаваемый субъектом, с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение у других; совокупность

свойств, приписываемых рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией и т.д. объекту с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему [5].

Профессиональный имидж психолога – это сложившийся в массовом сознании эмоционально окрашенный образ психолога, включающий в себя особенности и качества личности, необходимые психологу, как профессионалу. Это образ, выбранный в соответствии с необходимыми для данной профессии умениями и характеристиками. Профессиональный имидж психолога отличается от его обычного имиджа наличием характеристики его профессионально важных умений. В соответствии с требованиями к которым, психолог выстраивает свою модель поведения.

Невербальный язык – неотъемлемая часть имиджа специалиста. Благодаря мимике и жестам психолог легко может открывать свои истинные эмоции и намерения, несмотря на все вербальные «старания» речи. Подсознание собеседника или человека из аудитории слушателей способно считывать скрываемые чувства оратора благодаря тому, что он не умеет контролировать сознанием свою мимику и жесты. Поэтому психологу как профессионалу важно уметь осознавать, контролировать и выстраивать свое невербальное поведение.

Как известно способности невербального поведения, изучение собеседника (партнера по общению) по его жестам, мимике и позам относится к области кинетики. Большая советская энциклопедия дает следующее определение. Кинетика (от греч. kinetikós - приводящий в движение) основная часть механики, включающая динамику - учение о движении тел под действием сил и статику - учение о равновесии тел под действием сил. В психологии под кинетикой имеют в виду особый вид языка человека – кинетический язык (невербальный), который проявляет себя через жестикуляцию, положение тела в пространстве, мимику лица. Кинетический язык имеет существенное значение в формировании мнения о человеке, в формировании его профессионального имиджа.

Кинетический язык нередко вызывает негативное восприятие окружающих. В данном случае задачи психолога, который собирается сформировать свой положительный профессиональный имидж будут следующими: 1. Научиться создавать блок на пути негативной информации в подсознание собеседников; 2. Научиться презентовать подсознательные положительные сигналы. Для этого ему необходимо владеть знаниями о значениях каждого жеста, позы и мимики. Во всем мире основные коммуникационные жесты не отличаются друг от

друга. Когда люди счастливы, они улыбаются, когда они печальны – они хмурятся, когда сердятся – у них сердитый взгляд. Кивание головой почти во всем мире означает «да» или утверждение. Жест «пожимание плечами» является хорошим примером универсального жеста, который обозначает, что человек не знает или не понимает, о чем идет речь. Далее подробнее остановимся на рассмотрении основных жестов психолога.

Для психолога важно умение разбираться во многих нюансах эмоциональных проявлений и воспроизводить их. В процессе формирования профессионального имиджа специалист передает информацию не только с помощью слов, но и всем своим телом. Он располагает к себе собеседника за счет используемых им жестов. Для того чтобы понять каким имиджем должен обладать психолог, необходимо рассмотреть профессиограмму данной специальности. Она включает в себя следующие личностные особенности и профессиональные умения: внимание, стремление понять позицию других; дружелюбие, общительность; способность стать лидером; вежливость, обходительность; руководство здравым смыслом, следование предписаниям; жизнерадостность; терпеливость, упорство; большое чувство ответственности; способность выполнять работу, полную разнообразия; энтузиазм в трудовой деятельности; тщательность действий; схватывание новых идей, самостоятельность суждений; аккуратность и последовательность в работе; способность к планированию своего будущего; способность к устным высказываниям; хорошая память; способность обучать других; умение заботиться о больных; умение заботиться о посторонних [4]. Профессионально важными качествами психолога являются: коммуникабельность, эмпатия, рефлексивность, красноречие и т.д. В соответствии с такими характеристиками психолога необходим следующий набор позитивных жестов. Это улыбка, которая является средством, подаренным природой для выражения доброго и теплого отношения к собеседнику. Благодаря искренней улыбке психолог всегда может расположить к себе любого человека. Как правило, естественную улыбку можно дарить лишь от души. Такая улыбка приносит большой эффект в формировании профессионального имиджа. Улыбка ничего не стоит, но много дает. Она обогащает тех, кто ее получает, не обедняя при этом тех, кто ею одаривает. Она длится мгновение, а в памяти остается порой навсегда [7]. Склонная набок голова, в процессе общения, будет свидетельствовать о внутреннем сочувствии психолога, о его открытости, тем самым, вызовет доверительное отношение собеседника. Наклоненная голова

послужит сигналом внимательного слушания. Раскрытые руки психолога будут агитировать собеседника к искреннему и открытому разговору. Активная жестикуляция вызовет у собеседника дружелюбие и заинтересованность. Жесты могут помочь психологу быть вежливым в ситуациях, когда по той или иной причине он не может высказаться [3].

Формирование имиджа непосредственно происходит в процессе общения. Информацию человек воспринимает, слушая психолога, воспринимая его тембр голоса, интонацию, мимику и жесты. Слова передают логическую информацию, а жесты, мимика, голос дополняют ее. Невербальное общение – общение без помощи слов - часто возникает бессознательно. Оно может либо дополнять и усиливать словесное общение, либо ему противоречить и ослаблять. Невербальное общение часто является бессознательным процессом, но в настоящее время оно достаточно хорошо изучено и для достижения нужного эффекта с успехом может контролироваться. Таким образом, психологу важно научиться понимать язык невербального общения по нескольким причинам. Во-первых, словами можно передать только фактические знания, но чтобы выразить чувства, одних слов часто бывает недостаточно. Чувства, не поддающиеся словесному выражению, передаются на языке невербального общения. Во-вторых, знание этого языка показывает, насколько психолог умеет владеть собой. Таким образом, зная психологическую характеристику каждого жеста и умело пользуясь нужными жестами и мимикой в нужное время и в нужном месте, психолог может легко завоевать желаемое отношение к своему профессиональному имиджу.

Список литературы:

1. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Гроссмейстер общения. Иллюстрированный самоучитель психологического мастерства / Дерябо С. Д., Ясвин В. А. – М.: «Смысл», 2002. – 192 с.
2. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общественное и межличностное познание – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608с.
3. Михайлова В.А. Имидж в системе профессионального мастерства специалиста (педагогический аспект): Комплекс методических материалов для преподавателей и студентов вузов. – Магнитогорск: МаГУ. – 2002. – 66 с.
4. Овчарова Р.В. Технологии практического психолога образования: Учебное пособие для студентов вузов практических работников. – М.: Сфера, 2000. – 448с.

5. Осипов В. Социологический энциклопедический словарь. – И.: ИНФРА, М – НОРМА, 1998. – 488 с.
6. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам / Пиз А. – М.: Эксмо, 2006. – 272 с.
7. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. 2-е изд. / Почепцов Г.Г. - М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2004. - 576 с.4.
8. Советский энциклопедический словарь / Научно – редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.), М.С. Гиляров, Е.М. Жуков и др. – М.: Советская Энциклопедия, 1980. – 1600с. илл.
9. Шепель В.М. Имиджелогия: Секреты личного обаяния / Шепель В.М. – 2-е изд. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 382 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ АРХЕТИПОВ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МИФАХ

Каяшева О.И.

канд. психол. наук, доцент УРАО, г.Москва

E-mail: zaratustra1230@gmail.com

В структуре психики К.Г.Юнг важную роль отводил коллективному бессознательному, представленному архетипами. Архетипы – это паттерны инстинктивного поведения, содержащиеся в коллективном бессознательном, они обуславливают поведение большинства людей.

Мифы отражают архетипы коллективного бессознательного. Одни из самых древних – это мифы о Великой Богине (Великой Матери) и Великом Отце. Великая Богиня существовала еще в допатриархальную эпоху и олицетворяла женское начало, связанное с природой и плодородием [1;3]. В Древней Греции было семь основных архетипов Великих Богинь. Все семь архетипов олицетворяли разные ипостаси Великой Богини прошлого. Древнегреческие богини – это жизненные модели женщин в патриархальной культуре. Одни из моделей позволяют подстроиться к взаимодействию с сильными мужчинами, наделенными властью (Персефона, Гера), другие понять свою сущность (Гестия), раскрыть новые возможности, настойчиво и целеустремленно добиваться своей цели (Афина, Артемида), а также найти в себе богиню Деметру (архетип материнства), Афродиту (архетипы возлюбленной и творческой женщины; алхимическая богиня) [3].

Наиболее почитаемыми в Греции были шесть богов-мужчин: Зевс, Посейдон, Аполлон, Гермес, Гефест, Арес, позднее стал

популярен и Дионис. Зевс является ключевой фигурой древнегреческих мифов. Архетип Зевса встречается и в мифах о сильных и властных мужчинах у представителей различных культур. Зевс испытывает потребность в постоянных насыщенных отношениях с женщинами. Зевс олицетворяет архетип авторитарного отца. Он любит своих многочисленных детей, но требует от них подчинения и послушания [2]. Все дети Зевса, безусловно, являются значимыми фигурами, как в мире богов, так и в мире людей. Можно вспомнить мойр (богини судьбы), харит, знаменитых девять муз, Аполлона, Артемиду, Персефону, Диониса, Гермеса, Афродиту (согласно версии Гомера), героя Персея, мужественного Геракла и многих других.

Архетип отца представляют также братья Зевса – Посейдон и Гадес (Аид). Посейдон является противоположным Зевсу архетипом по ряду признаков. Посейдон эмоционален, его действия и поступки определяют сиюминутные чувства. Настроение Посейдона быстро меняется: то на море штиль, то уже налетел ветер и вздымаются громадные волны. Весьма специфичным является и образ Гадеса. Погружение в мир Гадеса – это большой риск, который может оправдаться и раскрыть громадные богатства бессознательного, помочь в достижении целостности личности, либо увести от реальности, вызвать дезадаптацию. Царство этого бога тесно связано с глубокой депрессией и околосмертными переживаниями, поскольку в мифах именно смерть (танатос) была пропуском в мир Аида, из которого почти невозможно вернуться [2].

Наше экспериментальное исследование проводилось в период с 2008 по 2009гг. среди студентов МГППУ и УРАО (всего 200 испытуемых в возрасте от 16 до 60 лет, среди них 140 женщин и 60 мужчин). Мы предлагали студентам выбрать из списка наиболее привлекательную для них пару: бога (Гадес (Аид), Арес (Марс), Аполлон, Гермес, Гефест, Дионис, Зевс, Посейдон) и богиню (Артемиды, Афина, Афродита, Гера, Деметра, Гестия (Веста), Персефона), а затем обосновать свой выбор. Приведем некоторые результаты, полученные в результате работы.

При анализе данных обращалось внимание на взаимосвязь выбора пары с возрастом и полом самих испытуемых. В возрасте от 16 до 30 лет наиболее предпочтительным оказался для испытуемых архетип Гермеса, бога-покровителя торговли, а по некоторым источникам он также покровитель воров, путешественников и «гимнастики» (38% всех выборов среди мужчин и женщин), в группах от 31 года и старше чаще выбирали Зевса (43%). Можно предположить, что подобные различия связаны с изменениями,

произошедшими в нашем обществе за последние десятилетия. Гермес, в отличие от Зевса, обладает гибкостью, хитростью, высокой адаптивностью, способностью получить выгоду, добиться своего в самых трудных нестандартных ситуациях («он всегда выйдет сухим из воды», «такой мужчина сегодня и нужен», «для него все двери открыты», «самый умный», «веселый и находчивый» и т.д.). При сопоставлении предпочтений мужчин и женщин в выборе богов и богинь мы находим некоторые совпадения. Афродита – это один из любимейших архетипов, как у мужчин, так и женщин во всех возрастных выборках (40% всех выборов у мужчин и женщин). При рассмотрении архетипа Аполлона предпочтения мужчин и женщин не совпадают. Аполлон, один из самых привлекательных образов для женщин во всех возрастных выборках, он уступает по частоте выборов Зевсу во второй возрастной выборке и Гермесу в первой. Мужчины же на первое место в своих предпочтениях ставят силу и власть, поэтому боги-отцы (Зевс и Посейдон) занимают лидирующие позиции, а также умение и профессионализм (выбор богов-сыноуев Гермеса и Гефеста). После Афродиты из женских архетипов мужчины чаще выбирали богинь Геру («жена как у меня», «красивая, хоть и ревнивая» и др.) и Афины («умная», «мудрая», «красивая», «прекрасная», «дочь Зевса», «надежная» и др.).

Выбор архетипа Гадеса (Аида) был отмечен у 12% процентов всех испытуемых в возрасте до 30 лет и у 10% в возрасте от 31 до 60 лет. Часто выбирали Гадеса люди интровертированные, рефлексивные, у трети студентов, написавших его имя, была выявлена шизоидная акцентуация характера (по тесту К.Леонгарда). Также архетип Гадеса предпочитали девушки тревожные, инфантильные и неуверенные в себе в возрасте от 16 до 21 года, т.е. по своим особенностям близким к архетипу Персефоны.

Интересен анализ выбираемых пар бога и богини. Например, пара Деметра – Дионис может быть характерна для дисгармоничных супружеских отношений. Деметра-мать, опекающая, созависимая. Дионис, безусловно, веселый, хитрый, адаптивный, но в России данный архетип соотносится с зависимым поведением. В исследовании у 10% женщин в возрасте от 31 до 60 лет были выявлены такие пары (Деметра-Дионис). В результате проведения беседы с этими женщинами, мы выяснили, что из этих 10% , у 6% женщин, мужа злоупотребляют спиртными напитками. Они объясняли свой выбор мужского архетипа следующим образом: «не хочу Диониса выбирать, а само собой получается», «он самый веселый

и интересный», «с ним нескучно», «он бог виноделия», «с чувством юмора» и др.

15% мужчин (от 16 до 60 лет) выбрали архетип Персефоны, при этом были выявлены пары Гадес-Персефона, Зевс - Персефона. Персефона изначально выступала в роли жертвы, но в дальнейшем нашла себя в роли манипулятора. Вспомним мифический сюжет о том, что одну часть года она проводит со своим супругом Гадесом, другую с любящей матерью – Деметрой, что позволяет ей искусно извлекать выгоду из подобных отношений. Персефона в то же время– это архетип дочери, а Зевс и Гадес представители архетипа отца. В супружеских отношениях мы можем довольно часто наблюдать отношения такого характера.

Таким образом, мы приходим к выводу, что древнегреческие мифы могут эффективно использоваться в психологической практике. В настоящее время они применяются в целях проективной психодиагностики, психокоррекции и психотерапии.

Список литературы:

1. Колум П. Великие мифы народов мира. – М.: Центполиграф, 2007.
2. Шинода Болен Дж. Боги в каждом мужчине. Архетипы, управляющие жизнью мужчин / Пер. с англ. – М.: София, 2008.
3. Шинода Болен Дж. Богини в каждой женщине: новая психология женщины. Архетипы богинь / Пер. с англ. – М.: София, 2008.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОДАРЕННОСТИ

Кисенова Р.Х.

Аспирант НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: kisenova_roza@mail.ru

Проблема детской одаренности и ее развития в настоящее время получает всю большую актуальность, как в психологии, так и в педагогике. Подобное внимание со стороны специалистов объясняется множеством причин, и прежде всего, признанием интеллектуального и творческого потенциала одаренных людей важнейшим «двигателем» экономического и социального развития государства. Однако их способности к высоким достижениям не всегда находят реализации в реальной жизни. Нередко одаренные дети нуждаются в специализированной психологической помощи для преодоления возникающих трудностей в поведении, общении и обучении,

многочисленные подтверждение наличия которых можно встретить как в теоретических, так и в практических разработках. Механизмы и факторы проблем, сопровождающих феномен одаренности многообразны. Привести какую-то единую классификацию их причин представляется затруднительным, так как последние широко варьируются в работах разных авторов.

Выделение причин внешнего характера (например, особенностей воспитания и обучения) в качестве основных не дает полного объяснения возникающих трудностей. Так, российские психологи зачастую отмечают, что традиционная школа с ее излишне регламентированной системой обучения не соответствует потребностям и способностям одаренных (Е.И. Щепланова, Маркелов Е.В., Юркевич В.С. и др.). Однако американские стандарты и методы обучения и воспитания принципиальным образом отличаются от российских, но факт подавления творческих способностей отмечают и американские психологи (Дж. Фримен, Л. Терман и др.). Очевидно, что трудности детерминируются не только внешними, но и внутренними факторами, обусловленными особенностями становления личности одаренного ребенка.

К числу одной из таких особенностей можно отнести неравномерность их личностного развития, которая отмечена многими специалистами, работающими в сфере одаренности. В Европе широко применим термин «диссинхрония», предложенный французским психологом Ж.-Ч. Террасье, для обозначения целостного паттерна признаков (синдрома), характерного для опережающего развития большинства одаренных детей. Американские психологи чаще прибегают к термину «асинхрония» и даже используют его для определения самой одаренности. Так, L. K. Silverman дает определение одаренности как асинхронного развития, в процессе которого опережающие познавательные способности и повышенная эмоциональная интенсивность объединяются, создавая внутренний опыт и знание, качественно отличающиеся от нормы. Автор отмечает, что асинхронность является универсальной характеристикой одаренности, в связи с чем, в любой культурной среде, одаренные дети имеют большее несоответствие между различными аспектами их развития, чем их «обычные» сверстники. Silverman говорит, что ребенок с асинхронным развитием сочетает в себе разные возраста: ему может быть 6 лет, когда он катается на велосипеде, 13 лет, когда он играет на фортепьяно, 9 лет, когда он обсуждает правила, 5 лет когда, его просят посидеть на месте. В силу таких особенностей, ребенок не может соответствовать тем нормам обучения, которые

спроектированы для определенного возраста. Несмотря на имеющийся высокий потенциал, такие дети сталкиваются с многочисленными трудностями и оказываются неконкурентноспособными в обществе. [4].

Неравномерность развития может иметь преходящий характер, исчезая с возрастом («подтягиваются» отстающие сферы или утрачиваются имеющиеся преимущества), может достигать особой остроты на одних возрастных этапах и сглаживаться на других, а также может оставаться относительно постоянной характеристикой человека в течение всей жизни, образуя уникальное сочетание силы и слабости. Диссинхрония может рассматриваться в двух взаимосвязанных аспектах: внутренний аспект отражает частичное несовпадение развития одаренности в разных сферах (познавательной, психомоторной, эмоциональной и др.); внешний, или социальный аспект выражает связи ребенка с окружающим миром и может говорить об отклонении от общепринятых норм.

Щебланова Е.И. среди основных вариантов проявления внутренней диссинхронии отмечает: 1) неравномерность интеллектуального и психомоторного развития; 2) неравномерность интеллектуального и аффективного развития; 3) дислексию одаренных детей (нарушение способности к овладению чтением); 4) дисбаланс между развитием речевого, наглядно - образного и наглядно - действенного мышления; 5) недостаточное развитие системы регуляции внимания, проявляющееся в слабости его различных характеристик или в симптомах гиперактивности и импульсивности; 6) преобладание определенного стиля мышления и познавательной деятельности. Автор отмечает, что социальные и эмоциональные последствия диссинхронии развития могут быть весьма разрушительными, если диагностика и коррекция не проводятся своевременно [3].

Богоявленской М.Е. также отмечает, что проблема дизонтогенеза в развитии одаренного ребенка требует пристального внимания вследствие долгого периода игнорирования специалистами существования данной проблемы, а также игнорирования наличия одаренности у детей, с подобными особенностями. Богоявленская дифференцирует две группы одаренности: с гармоничным и дисгармоничным типом развития. Первый предполагает гармоничное развитие познавательных, психомоторных, регуляторных, личностных и других сторон психики, этот тип развития является «счастливым» вариантом жизни ребенка. Второй тип развития отличается неравномерностью в уровне сформированности указанных выше психических процессов и нередко сопровождается сложным набором

разного рода психологических, психосоматических и даже психопатологических проблем[2].

В динамической теории одаренности, разрабатываемой Бабаевой Ю.Д. в контексте идей развития идей Выгодского Л.С., одаренность рассматривается как развивающееся свойство личности. Согласно этой теории, психологические барьеры (эмоциональные, личностные и иные), возникающие в генезисе детской одаренности, затрудняют ее проявление и развитие и/или приводят к развитию феномена диссинхронии. Преодоление диссинхронии путем использования специально разработанных методов (в частности, с помощью тренинговых методов) является необходимым условием для успешной реализации высокого потенциала одаренных детей [1].

Таким образом, психологи не считают неравномерность развития одаренных детей патологией. Она характеризует реальные условия, в которых развиваются дети, существенно опережающие своих сверстников в умственном развитии. Именно опережение отличает неравномерность развития в случае одаренности от неравномерности как результата задержанного развития. Как отмечает Silverman, нам легче понять те трудности, с которыми сталкивается семнадцатилетний человек со складом ума девятилетнего. И нам трудно признать и понять равную степень проблематичности обладания складом ума семнадцатилетнего человека девятилетним ребенком. Этот тип асинхронии не получает достаточного внимания в обществе [4]. Однако она может провоцировать те трудности, с которыми сталкиваются одаренные дети, либо тем фактором, который значительно усугубляет их. Игнорирование неравномерности развития как одного из важных аспектов одаренности, может привести к серьезным нарушениям в психическом и психологическом здоровье одаренного ребенка, а своевременные диагностика и коррекция позволит наиболее эффективно оказать помощь в преодолении проблем развития личности и одаренности.

Список литературы:

1. Бабаева Ю.Д. Роль эмоционально-личностных факторов в диагностике и развитии одаренности детей и подростков / Ю.Д. Бабаева // Одаренный ребенок. – 2004, №5. – С. 31-46.
2. Богоявленская М.Е. Природа проблем одаренных / М.Е. Богоявленская // Материалы дискуссии Международной конференции «Рабочая концепция – в практику образования» // Одаренный ребенок. – 2004, №4. – С. 74-97.
3. Щербланова Е.И. Трудности в учении одаренных детей / Е.И. Щербланова // Одаренный ребенок. – 2005, №3. – С. 8-50.

4. Silverman L. K. The moral sensitivity of gifted children and the evolution of society // Roeper Review. – 2003. - November 17(2). – P. 110-116.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛЖИ И ОБРАЗА ЛЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Комарова А.В.

К.п.н., доцент ПГУПС, г. Санкт-Петербург

E-mail: alex_komarova@mail.ru

В общественном сознании сложились противоречивые отношения к соотношению лживости и честности у представителей разных полов. Так, Ф.М. Достоевский писал: «В нашей женщине все более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва, да и всегда в русской женщине все это было выше, чем у мужчин. Это несомненно, несмотря на все даже теперешние уклонения. Женщина меньше лжет, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти нет нелгущих...» [2, с.148]. А известнейший мыслитель Н.А. Бердяев придерживался иной точки зрения: «...Женщина лживее мужчин, ложь есть самозащита, выработанная историческим бесправием женщин со времен победы патриархата над матриархатом» [1].

Одним из первых психологических исследований, указывающим на гендерные различия лжи и обмана, было исследование В. Штерна (1904). Им было установлено различие между мальчиками и девочками при развитии у них правильности и точности в высказываниях в период от 7 до 14 лет. До 10 лет у девочек слабо развивается правильность и точность в высказываниях, а с 10 лет развивается быстро и хорошо. У мальчиков до 10 лет точность и верность в высказываниях растет очень сильно, а затем слабо. Также было отмечено, что девочки в своих рассказах предпочитают «личные», а мальчики «внеличные» категории, а точность высказываний о цветах у девочек ниже, чем у мальчиков. В. Штерн объяснил, что предпочтение личного перед внеличным является следствием заторможенности развития девочек, отсутствием критичности. В.В. Зеньковский, анализируя результаты исследования В. Штерна, указывает на более глубокие особенности в духовной жизни девочек [3].

Современные психологические исследованиями Б. Де Пауло и ее коллег (1996), представленные О. Фраем, установили, что мужчинам и женщинам свойственны различные типы лжи. Мужчины

чаще прибегают к самоориентированной лжи, женщины – ко лжи ориентированной на других, особенно при общении с другими женщинами.

Ими было установлено также, что женщины, по сравнению с мужчинами, выражают больше позитивных чувств, находят и преувеличивают достоинства человека или результат его труда в ситуации, способной затронуть чувства собеседника, доставить ему неприятность [9]. В результате, как женщины, так и мужчины более положительно отзываются о разговорах с женщинами, чем с мужчинами (DePaulo, 1993).

К. Саарни (Saarni, 1984) продемонстрировал факт, что женщины используют ложь, ориентированную на других уже в раннем детстве [8].

Исследования Б. Де Пауло, О Фрайя и других установили, что мужчины и женщины ведут себя по – разному, когда лгут. Женщины чувствуют себя более дискомфортно, чем мужчины. Они сильнее переживают чувство вины, тревоги, страха, чем мужчины. В ситуации, когда они были обмануты, как отмечают сами женщины, они были более озлобленными, чем мужчины. А также ложь оказала более негативное воздействие на взаимоотношение с лжецом для женщин, чем для мужчин. Они чаще вспоминали о таких случаях [9].

Так В.В. Знаков (1993) отмечает, что у женщин первоисточником лжи может выступать «маленькая неправда», обеспечивающая естественную потребность наилучшим образом представить себя в глазах собеседника. Затем в результате срабатывания защитных механизмов, переходит в привычку, когда сознательный обман и даже ложь становятся компонентом нравственного сознания личности [6, с.75]. У мужчин ложь чаще бывает ситуативной, они, по мнению В.В. Знакова, точнее могут описать ситуации, в которых лгут и отчетливее осознают, с какой целью это делают, следовательно, критичнее женщин относятся к собственной честности, что может приводить к занижению самооценки [6, с.76].

Исследования В.В. Знакова (1997) направлены также на выявление половых различий в понимании лжи и обмана. Женщины, как показывает его исследование, считают более вредной в общении ложь, а мужчины – обман. «Описывая сущность обмана, мужчины обычно дают оценку суждений, не соответствующих объективной реальности ведущих к реальным материальным потерям. Женщины подчеркивают, что в общении наиболее сильное эмоциональное впечатление вызывает не искажение фактов, а ложь, с целью сокрытия

или представления в неверном свете подлинных мыслей и чувств» [5].

Мужчины, как показало исследование В.В. Знакова, рационально осмысливают различия лжи, неправды и обмана, принимают решение об их допустимости в зависимости от конкретной ситуации. «Основанное на знании понимание как бы защищает их от необходимости не только повторного осмысления, но и сильных эмоциональных переживаний в тех случаях, когда они решились на ложь или обман» [7, с.204-205]. Для женщин при определении сущности неправды, лжи и обмана, как пишет В.В. Знаков, является не объективность достоверного знания, а вера в правильность понимания проблемы. «У испытуемых женской части выборки внутренняя детерминация искажения истины как нравственного или аморального поступка обусловлена, прежде всего, ценностными переживаниями». В.В. Знаков делает вывод, что женщины понимают обсуждаемые феномены так или иначе не по тому, что попали в конкретную ситуацию морального выбора, а потому, что эгоцентрическое или добродетельное понимание лжи соответствует ее нравственным переживаниям и психологическим особенностям личности [7].

Рассматривая макиавеллизм и феномен вранья, В.В. Знаков (1999) указывает, что женщины приписывают честности более высокий ранг в субъективной иерархии ценностей, чем мужчины. «Однако если уж они лгут, то в отличие от мужчин, предпочитают не эгоцентрическую, инструментальную ложь, а добродетельную «ложь во спасение». У женщин, в среднем, показатели макиавеллизма ниже чем, у мужчин, соответственно, они понимают вранье в межличностном общении, основываясь на необходимости поддержки и психологической близости с партнером, а мужчины с позиции сохранения компетентности и возможности управления ходом развития коммуникативного процесса» [4].

Эти данные согласуются с данными зарубежных исследований, которые показывают, что мужчин в общении отличает ориентация на себя, доминирование и контроль над партнерами, а женщин – ориентация других, заинтересованность в собеседники и желание быть с ним.

Также В.В. Знаков отмечает, что в медицинской практике в ситуации, когда больному необходимо сообщить неблагоприятный диагноз, врачи - женщины с большей вероятностью соглашаются, что правда должна быть сказана, и не склонны соглашаться с ложью.

П.И. Юнацкевич и В.А. Кулганов (1999) рассматривают различия мужской и женской лжи в браке и близких отношениях. Они отмечают, что женщины лгут чаще, а мужчины систематически.

«Когда женщина обманывает мужа, она действует обдуманно. Мужчины обманывают из глупости, соблазна, импульсивности» [11, с.26]. Также указывают, что мужчины и женщины часто лгут в семейных отношениях из-за нежелания обострять сложную семейную ситуацию, из-за дефицита уверенности в себе и общественного признания, страх потери партнера.

Результаты эмпирического исследования лживости у студентов в женской и мужской выборке, полученные И.А. Церковной (2005), свидетельствуют о том, что у женщин лживое отрицание и демонстрация активности, эмоций, независимости – социально ориентированы. «Мужчины проявляют лживость в высказываниях собственного мнения, при демонстрации положительных и отрицательных эмоций, что позволяет им избегать зависимости, неудачи, сохранить самооценку» [10, с.14].

И.А. Церковной также выявлено, что в мужской выборке, в отличие от женской, наблюдается одновременно лживое отрицание субъектного и социально значимого результата, происходящее на «фоне неудачной лживой попытки скрыть свою некомпетентность, представить себя в лучшем свете» [10, с.15]. Женщины лживо отрицают эгоцентрическую мотивацию, зависимость от других людей или внешних обстоятельств, пассивность, необязательность, а также скрывают личную заинтересованность в достижении социально значимого результата.

Данным исследователем делается вывод, что у женщин лживость более дифференцирована, чем у мужчин. Мужская лож более существенна в субъектности, женская - при достижении общественно значимого результата.

Нами было проведено исследование (А.В. Комарова, В.Л. Ситников, 2006 - 2008), направленное на выявление гендерной специфики образов лживого человека в сознании учащихся разного возраста. В исследовании приняли участие учащиеся средних общеобразовательных школ и вузов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: учащиеся 2-4 класса (143 человека, из них: 73 девочки и 70 мальчиков); учащиеся 7-9 класса (309 человек, из них: 155 девочек и 154 мальчика) и студенты 1-4 курса дневного отделения психологических и педагогических специальностей (122 человека, из них: 64 девушки и 58 юношей).

Для изучения образов лживого в сознании школьников и студентов была использована методика В.Л.Ситникова «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)».

На основе выполненного анализа образов лживого человека в

сознании учащихся разного возраста дифференцированных по гендерному признаку было выявлено, что мальчики младшего школьного возраста описывают лживого человека конкретно, в реальных социальных ситуациях. Мальчики, учащиеся в средней школе и юноши – студенты выражают к лживому человеку больше личностное отношение, характеризуя вне конкретных социальных ситуаций. У мальчиков, учащихся в средней школе, отражение лжеца ограничивается выражением эмоционально – личностного отношения, а у юношей – студентов кроме эмоционально личностного отношения оно носит осознанный и осмысленный характер.

Девочки младшего школьного возраста склонны наделять лжеца внешними признаками и социальными качествами, направленными во вне. Старшие девочки и девушки выражают к лжецу эмоционально-личностное отношение, наделяют его более сложными по содержанию личностными качествами. Образ лживого человека, сложившийся у девочек, учащихся в средней школе, практически не отличается от образа студенток, у которых он становится менее эмоционально окрашенным и больше отражает особенности поведения личности (уровень достоверности 99%).

Мальчики младшего школьного возраста чаще наделяют лживого человека интеллектуальными, деятельностными характеристиками, а девочки телесными, волевыми, конвенциональными (уровень достоверности 99%). Образ лживого человека у мальчиков эгоцентричен и отражает характеристики значимые, прежде всего, для него самого, а девочки в аналогичных образах отражают, как правило, социально значимые человеческие качества.

Мальчики, и девочки, учащиеся в средней школе, различают оба образа (лживого и правдивого человека) по волевым характеристикам, но у девочек этими качествами больше наделен правдивый человек, а у мальчиков – лживый. Интеллектуальными качествами в восприятии подростков обоюго пола наделен больше правдивый человек.

Лживый человек у мальчиков наделяется большим количеством поведенческих характеристик, чем правдивый человек, а у девочек наоборот. Большим социальным интеллектом характеризуется образ лживого человека по сравнению с образом правдивого человека у девочек, а у мальчиков наоборот (все различия на уровне достоверности 99%). Такое наделение образов характеристиками, связано с тем, что мальчики больше ориентируются на самих себя, на желаемые для себя качества, а девочки на самопрезентацию.

Структуры лживого человека в сознании юношей и девушек – студентов отражают гендерные стереотипы, девушки наделяют образ большей эмоциональностью, а юношей - активностью. Достоверных различий по гендерному признаку в образах лживого человека выявлено не было.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Самопознание. / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
2. Достоевский, Ф.М. Нечто о вранье / Ф.М. Достоевский // Собр. Соч.: в 15 т. – СПб.: Наука, 1994. – Т.12.
3. Зеньковский В.В. Психология детства. / В.В. Зеньковский. – Екатеринбург: Деловая книга, 1995. – 346 с.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм и феномен вранья. / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 1999. - №6. – С. 59-69.
5. Знаков В.В. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана. / В.В. Знаков // Психологический журнал, 1997. – Том 18. – №1. – С. 38-49.
6. Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. / В.В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН, 1993. – 116 с.
7. Знаков В.В. Психология понимания правды. / В.В. Знаков. - СПб.: Алетейя, 1999. – 287 с.
8. Исследуем ложь: Теории, практика обнаружения: [Пер. с англ.] / Под ред. Майкла Льюиса, Кэролин Саарни. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 282 с.
9. Фрай О. Детекция лжи и обмана. / О. Фрай. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.- 320 с.
10. Церковная И.А. Многомерно-функциональное исследование лживости как индивидуально-психологической особенности личности. /И.А. Церковная. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 20с.
11. Юнацкевич П.И., Кулганов, В.А. Психология обмана. Учебное пособие для честного человека. / П.И. Юнацкевич, В.А. Кулганов. – СПб.: Атон, 1999. – 320 с.

ГЕНДЕРНАЯ ФЛЮИДНОСТЬ

Короленко Ц.П.

*доктор мед.наук, профессор Новосибирского государственного
медицинского университета*

Дмитриева Н.В.

*доктор мед.наук, профессор Новосибирского государственного
педагогического университета*

Гендерная (сексуальная) флюидность (изменчивость) становится все более часто встречающимся феноменом в постсовременном обществе, являясь одним из его значимых структурных элементов. Сексуальная флюидность проявляется периодически возникающей сменой гендерной идентичности у одного и того же индивидуума. Гендерная флюидность встречается у обоих полов, но наиболее детально она описана у женщин, обладающих лесбийскими характеристиками. Для описания данного феномена используются различные термины, обозначающие женщин с изменяющимися паттернами гендерного поведения, к числу которых относятся, например, “гетерофлексibilität (heteroflexibility”, “has-bian”. “Itsbian until graduation”. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы нашли отражение в кинофильмах, демонстрирующих женщин лесбиянок, вступающих в сексуальные связи с мужчинами (“Kissing Jessica Stern”, “Chasing Amy”).

Рост случаев гендерной флюидности опровергает претендующее на аксиому положение о том, что предрасположенность к преимущественно гетеросексуальной или гомосексуальной гендерной идентификации формируется в раннем периоде жизни и в дальнейшем остается постоянной [4,13].

Историография вопроса отражает постепенную динамику отношения к гендерной флюидности в постмодернистском мире. Регистрируемые в начале случаи влюбленности гетеросексуальных женщин в женщин или лесбиянок, вступающих в любовные отношения с мужчинами, рассматривались как исключительно редкие и “нетипичные”. Несмотря на то, что в дальнейшем сексуальная флюидность лишается ореола исключительности, она до сих пор остается малоизученным и не до конца исследованным феноменом. В связи с этим Rahman и Wilson (2003) отмечают, что гендерная, в частности, женская сексуальная ориентация “до настоящего времени плохо понимаема” [14].

Diamond (2008) на основании многочисленных наблюдений приходит к выводу, что флюидность является одной из

фундаментальных характеристик женской сексуальной ориентации. Автор полагает, что серьезное внимание исследователей к феномену гендерной изменчивости неизбежно приведет к “серьезным научным и социальным последствиям”[7].

Weinberg et al. (1994), исследуя гетеросексуальных, гомосексуальных, лесбийских и бисексуальных лиц, обнаружили, что сексуальные предпочтения не всегда являются постоянно фиксированной особенностью личности. Авторы пришли к заключению, что однозначные определения сексуальной ориентации не учитывают возможности ее изменений в различных ситуациях и периодах жизненного цикла. Weinberg et al. считают, что гендерная изменчивость является общей характеристикой сексуальности, которая в условиях специфических культуральных влияний определяет вероятность смены гендерных идентификаций [18].

Kitzinger, Wilkinson (1995) подчеркивают влияние социокультуральных воздействий на возникновение внезапной смены сексуальных предпочтений у гетеросексуальных женщин, которые проявляли лесбийские тенденции под воздействием таких факторов, как смена работы, новые жизненные ситуации, давление социальной среды [10].

Shuster (1987), Cass (1990) указывают на возможность изменений сексуальной идентичности [5, 15].

Результаты социологических исследований Whisman (1996) демонстрируют, что мужчины, по сравнению с женщинами, рассматривают свою сексуальную идентичность как более природное и фиксированное личностное образование [19].

В то же время Hyde и Durik (2000) считают, что более выраженная гендерная флюидность женщин обусловлена социальными и культуральными факторами и является артефактом женской сексуальной социализации [9].

Tolman и Diamond (2001), Baumeister и Twenge (2000, 2002) полагают, что данный факт связан с исторически сложившимся длительным контролем и подавлением женской сексуальности в традиционной культуре, что привело к “спутанности осознания своих сексуальных чувств и идентичностей и более чем скромным возможностям выражать эти чувства и экспериментировать с ними” [2, 3, 17].

Diamond (2008) высказывает предположение, что “вариабельность женской сексуальности может быть манифестацией репрессии сексуальности; изменения в переживании сексуальных чувств и проявлениях поведения могут быть обусловлены

меняющимся характером осознания женщинами своей “истинной” сексуальной природы”[7].

С точки зрения Diamond, женщины являются более сексуально флюидными по своей природе, поэтому делать акцент на влиянии на динамику этого феномена только лишь культуральных факторов было бы неправильно. Автор формулирует концепцию базальной сексуальной флюидности женщин, которая в условиях постсовременного мира получает статус наибольшего благоприятствования в контексте своих проявлений. Развивая эту идею, Diamond подчеркивает, что термин «флюидность» ни в коем случае не означает бисексуальности всех женщин. Женщины могут иметь как различную сексуальную ориентацию, так и различные степени выраженности сексуальной флюидности. Одни женщины, согласно автору, характеризуются относительным постоянством сексуальных ориентаций в течение всей жизни, а другие трансформацией этих ориентаций [7].

Гендерную флюидность следует рассматривать как “дополнительный компонент женской сексуальности, которая существует и проявляется параллельно с сексуальной ориентацией, влияя на то, как привязанности, фантазии, поведение и аффекты переживаются и выражаются в жизни” [7].

Преимущественно гетеросексуальный мужчина может в какой-то период времени испытать гомосексуальное влечение, преимущественно гетеросексуальная женщина способна испытать лесбийское влечение, точно также как преимущественно лесбийская женщина может в какой-то ситуации увлечься мужчиной, а преимущественно гомосексуальный мужчина почувствовать сексуальное влечение к женщине. Несмотря на возможность периодически возникающих изменений, общая базальная сексуальная ориентация при этом остается прежней.

Периодические наблюдаемые изменения сексуальной ориентации обычно не связаны с волевыми установками. Они возникают внезапно, неожиданно, спонтанно и, как правило, находятся вне зоны волевого контроля. По наблюдениям Diamond, такие индивидуумы, на сознательном уровне часто сопротивляются подобным изменениям, но их попытки, как правило, оказываются безрезультатными.

Cass (1990) считает, что сексуальные реакции человека в целом характеризуются значительной флексибельностью (гибкостью) и в принципе каждый индивидуум способен испытать эротические желания, противоположные базальной сексуальной ориентации [5].

Аналогичной точки зрения придерживаются Murray (2000), Garland et al. (2005) и др. [8, 12].

Данные о росте случаев сексуальной флюидности в постсовременном мире по существу бросают вызов традиционным представлениям о том, что развитие сексуальной идентичности является прямолинейным процессом, приводящим в результате к формированию четко определяемой идентификации индивидуума как гетеросексуального, гомосексуального, лесбиянки, бисексуального субъекта. Согласно Diamond (2008), большинство женщин в течение жизни меняют свою сексуальную идентичность. Многие из наблюдаемых автором женщин выражали активный протест против слишком примитивного их «обозначения с помощью простой этикетки» лесбиянства, бисексуальности или гетеросексуальности, в связи со сложностью их сексуальных переживаний и нежеланием ограничивать возможности своего выбора в будущем [7].

Согласно наблюдениям Davis (1999) и др., женщины, проявляющие лесбийскую ориентацию в более поздние (по сравнению с подростковым) периоды, как правило оказывались не аутентичными (не истинными) лесбиянками. Их лесбийские сексуальные предпочтения возникали под влиянием ситуационных факторов. Эти привязанности носили временный характер и сменялись восстановлением базальной гетеросексуальности [6].

К такой категории, получившей название “лесбиянки до получения аттестата зрелости” (lesbian until graduation), в настоящее время относят женщин, которые идентифицируют себя как лесбиянок только в период пребывания в женских коллективах колледжей.

В то же время, по мнению Diamond, существование феномена сексуальной флюидности у женщин и его более широкая представленность, по сравнению с мужчинами означает большую чувствительность женщин к межличностным и ситуационным факторам, влияющим на их сексуальность, хотя эта особенность выражена у разных женщин в различной степени. Ситуационные влияния взаимодействуют с другими предрасполагающими факторами, которые могут как ускорять, так и замедлять проявления данного феномена [7].

McIntosh в 1968г. констатировал, что, если у женщин с возрастом в ряде случаев происходит расширение диапазона сексуальной ориентации, то для мужчин характерна обратная тенденция [11]. Полученные автором данные нашли подтверждение в исследованиях Diamond (2008), который утверждает, что женщины обладают способностью к сексуальной флюидности, наряду с

различными видами сексуальной ориентации. Естественно, что преобладающей сексуальной ориентацией является гетеросексуальность [7].

Тем не менее, встречаются женщины, испытывающие сексуальное влечение к обоим полам, и сексуально ориентированные исключительно на женщин. Сенситивность к внешним воздействиям и ситуационным факторам может значительно влиять на характер эротических чувств. Таким образом, несмотря на то, что причинами флюидности являются различные факторы, она проявляется в одних ситуациях гетеросексуальными, а в других - лесбийскими влечениями. Трансформация сексуальных влечений, связанных с флюидностью, может быть как кратковременной, так и долговременной, в зависимости от особенностей и силы увлечения конкретными лицами.

Проявления сексуальной флюидности наблюдались нами в процессе исследования лиц с пограничным личностным расстройством и пограничной личностной организацией. Они устанавливались у 16-ти женщин с диффузной идентичностью. Большинство из наблюдаемых женщин считали себя гетеросексуальными, во время наблюдения состояли в браке или в неоформленных сексуальных отношениях с мужчинами. Несмотря на это, пациентки неоднократно (от одного до трех раз) вступали в лесбийские отношения с женщинами, к которым испытывали большую эмоциональную привязанность, основанную на глубоком взаимопонимании. Лесбийские связи (в 9 случаях) впервые возникали до замужества и в дальнейшем (в 6 случаях) повторялись в период пребывания в браке. Несмотря на наличие лесбийских отношений, женщины не считали себя лесбиянками или однозначно бисексуальными, акцентируя внимание на значимости в структуре лесбийских отношений не только сексуального, но и других компонентов. Наибольшее значение для них имело наличие “утонченного взаимопонимания” при контактах с женщинами, достичь которого в общении с мужчинами было невозможно. Выявлялись трудности в вербализации переживаний.

В этом контексте нами регистрировались, в частности, следующие высказывания пациенток: “Это невозможно описать словами”; “Я не знаю слов, которыми можно бы ло бы выразить возникающие чувства”; “Я чувствую, о чем думает и что переживает другая женщина. Я каким-то образом ввожу часть ее чувств и мыслей в свою психику и часть моего «я» начинает жить ее жизнью. Я ощущаю, что и она тоже чувствует, что происходит со мной”.

Кратковременные эпизоды и более длительные лесбийские отношения во всех наблюдаемых случаях оценивались женщинами

положительно, в основном как возможность расширения спектра эмоциональной жизни, реализации скрытых в бессознательной сфере потенциальных возможностей.

Лесбийская влюбленность у женщин данной группы обычно начиналась не с сексуального влечения к другой женщине, а с увлечения ею как личностью. Возникало притяжение к персональным, а не гендерным особенностям. Сексуальное влечение возникало уже в дальнейшем на фоне сформировавшихся неформальных дружеских отношений.

Другая группа женщин (9) идентифицировала себя в качестве лесбиянок и объясняла свои периодически возникающие гетеросексуальные контакты любопытством, стремлением к экспериментированию “в сексуальном пространстве” или желанием забеременеть, родить ребенка и воспитывать его в лесбийской семье.

Женщины этой группы утверждали, что у них отсутствовало какое-либо романтическое влечение к мужчинам. Возникающие сексуальные желания были кратковременными, быстро удовлетворялись, сопровождалась чувством пресыщенности, отрицательной самооценкой и ощущением «победы материального, грубого физиологического начала над духовным».

В одном случае мы наблюдали у женщины с исходной лесбийской ориентацией внезапное возникновение страстного гетеросексуального желания, которое в дальнейшем в процессе развития постоянных сексуальных контактов (переезд к любовнику и установление неформальных брачных отношений с совместным ведением хозяйства) сменилось длительным периодом влюбленности преимущественно персонального романтического характера. Переход на романтический тип отношений сопровождался значительным ослаблением сексуального влечения и постепенным его угасанием.

Это единичное наблюдение представляет, с нашей точки зрения, определенный интерес, так как демонстрирует принципиальную возможность двусторонней направленности смены сексуального желания и романтической любви. Повидимому, более типичной для женщин с лесбийской идентичностью является смена первично возникающей романтической влюбленности, основанной на симпатиях к объекту внимания преимущественно как к личности, на появляющееся вторично сексуальное желание. Тем не менее, не исключается и другая динамика, при которой романтическая гетеросексуальная любовь формируется на фоне возникшего гетеросексуального влечения и его реализации.

Мы разделяем позицию Tenno, D. (1979), которая отмечала, что проблема дифференциации состояний влюбленности к личности и к гендеру требует специального изучения. В исследовании автора выявлено, что 61% женщин и 36% мужчин переживали влюбленность безо всякой потребности в сексуальных контактах [16].

Bartels и Zeki (2000) установили, что за романтическую или дружескую любовь и сексуальное желание отвечают принципиально различные мозговые структуры [1].

Анализ литературы и наблюдений из собственной практики позволил сформулировать авторское определение *гендерной флюидности*, под которой понимается кратковременная или длительная трансформация сексуальной идентичности, возникающая под влиянием биопсихосоциокультуральных факторов и позволяющая утверждать, что что женская или мужская сексуальная ориентация не являются единственным фактором, определяющим сексуальные предпочтения личности.

Список литературы:

1. Bartels A., Zeki, S. The Neural Basis of Romantic Love. Neuroreport For Rapid Communication of Neuroscience Research, 2000. – p.11, 3829 – 3834.
2. Baumeister R. Gender Differences in Erotic Plasticity: The Female Sex Drive as Socially Flexible and Responsive. Psychological Bulletin, 2000. – p.126, 247-374.
3. Baumeister R., Twenge, J. Cultural Suppression of Female Sexuality. Review of General Psychology, 2002 – p. 6, 166-203.
4. Blackwood E., Werinbga, S. Sapphic Shadows: Challenging the Silence in the Study of Sexuality. In I.Garnets and D.Kimmel (Eds.) Psychological Perspectives on Lesbian, Gay, and Bisexual Experiences, 2nd Ed. Columbia University Press, New York, 2003.
5. Cass V. The Implication of Homosexual Identity Formation for the Kinsey Model and Scale of Sexual Preference. In D. McWhirter, S.Sanders, and J.Reinish (Eds.) Homosexuality/Heterosexuality Concepts of Sexual Orientation. Oxford University Press, New York, 1990. – p. 239-266.
6. Davis A. Confessions of a LUG. Flagpole Magazine Online, October 25, 1999.
7. Diamond Sezual Fluidity. Understanding Women's Love and Desire. Harvard University Press. London, 2008.
8. Garland J., Morgan, R., Beer, A. Impact of Time in Prison and Security Level on inmates; Sexual Attitude, Behavior, and Identity. Psychological Services, 2005. – p. 2, 151-162.

9. Hyde J., Durik, A. Gender Differences in Erotic Plasticity- Evolutionary or Sociocultural Forces? Comment on Baumeister. *Psychological Bulletin*, 2000. – p. 126, 375-370.
10. Kitinger C., Wilkinson, S. Transitions From Heterosexuality To Lesbianism: The Discursive Production of Lesbian Identities. *Developmental Psychology*, 1995. – p. 31, 95-104.
11. McIntosh M. The Homosexual Role. *Social Problems*, 1968. – p. 16, 182-192.
12. Murray S. *Homosexualities*. University of Chicago Press. Chicago, 2000.
13. Mustansky B., Dupree, M. et al. A Genomewide Scan of Male Sexual Orientation. *Human Genetics*, 2005. – p. 114, 272-278.
14. Rahman Q., Wilson, G. Born Gay? The Psychobiology of Human Sexual Orientation. *Personality and Individual Differences*, 2003. – p. 34, 1337-1382.
15. Shuster R. Sexuality as a Continuum: The Bisexual Identity In IL, Urbana (Ed.) *Lesbian Psychologies: Explorations and Challenges*. University of Illinois Press, 1987.
16. Tenov D. *Love and Limerance: the Experience of Being in Love*. Stein and Day. New York, 1979.
17. Tolman D. Diamond, L. Desegregating Sexuality Research: Combining Cultural and Biological Perspectives on Gender and Desire. *Annual Review of Sex Research*, 2001. – p. 12, 33-74.
18. Weinberg M., Williams, C., Pryor, D. *Dual Attraction: Understanding Bisexuality*. Oxford University Press. New York, 1994.
19. Whisman V. *Queer By Choice: Lesbians, Gay Men, and the Politics of Identity*. Routledge. New York, 1996.

**ПОНЯТИЕ ВОЛИ КАК ВЕДУЩЕГО ПСИХИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ КОНЦА
XIX НАЧАЛА XX ВЕКА**

*Курносова М.Г.
ВГИПУ, Н. Новгород*

Интенсивная разработка представлений о воли в конце XIX начале XX века отмечена бурным развитием естественнонаучных и психологических знаний. Эти представления можно разделить на три направления, которые в современной психологии представлены как мотивационный и регуляционных подходы и подход «свободного выбора». К основными представителям этих направлений в конце

XIX начале XX века можно отнести таких отечественных ученых, как Л.С. Выготский, С.С. Корсаков, П.И. Ковалевский, И.М. Сеченов, А.У. Фрезе, В.Ф. Чиж и др.

В рамках мотивационного подхода, представления о природе свободы воли сводятся либо к начальному моменту мотивации действия (желание, стремление, аффект), или к признанию свободы как тесно связанной с мотивацией; подчеркивается побудительная функция воли, т.е. акцентируется мотивационная ее составляющая. Основными функциями воли при этом являются: выбор мотивов и целей, мобилизация физических и психических возможностей при преодолении препятствий в достижении поставленных целей, связь воли с целостной личностью.

Так, С.С. Корсаков отмечая, специфически личностный характер деятельности человека и связь воли с целостной личностью, писал: «Воля в смысле наиболее употребительном - есть выражение потребности данной личности и должна выражать свойства именно этой личности, как целостного и психического организма» [3, с. 244].

Воля тесно связана с сознанием и вниманием. Волевой процесс всегда сознателен: он может быть отслежен, проанализирован, вызван произвольно, он есть средство управления, но он и управляем сознанием. Внимание необходимо для реализации волевого усилия: лишь то, что находится в сфере внимания человека, может быть подвержено воздействию волевого усилия.

Согласно С.С. Корсакову, именно воля в форме активного произвольного внимания есть фактор, который обеспечивает и актуальное поле сознания, и весь процесс познавательной деятельности.

Во всех вариантах мотивационного подхода особое значение придавалось расстройствам и отклонениям в волевой сфере. С.С. Корсаков подчеркивал, что «...гармония интенсивности различных специальных чувств у душевнобольных резко расстраивается, а в зависимости от этого, конечно, расстраивается и проявление деятельности душевнобольных и их отношение к окружающим лицам. В громадном большинстве случаев является преобладание чувств низших над чувствами высшими, вследствие чего нравственный облик личности ... падает» [2, с. 95]. Он выдвигает и здесь на первый план связь с расстройствами функционирования всей психики, всей личности, с нарушением их функционирования, их устойчивости и сбалансированности.

Проблема воли, как основы нашего «я», централизующей силы, придающей целостность и индивидуальность психики и каждому

отдельно психическому акту занимает центральное место и в психологических воззрениях и в патопсихологии В.Ф. Чижа. Он утверждал: «Суть нашего «я» (как психического так и физического) есть воля. Не понимая, не отдавая себе ясного отчета о сущности воли, нельзя понимать душевной болезни в наиболее неясных ее проявлениях... Воля создает единство личности, а, следовательно, - и единство поступков» [4, с. 189].

В волевой сфере и поведении человека наиболее ярко проявляются психические расстройства. Автор характеризовал волю, как деятельность, воспринимаемую сознанием и проявляющуюся как во внутреннем состоянии, так и во внешнем движении. Воля является основой, ядром индивидуальности, «именно воля выделяет каждого из нас в особую индивидуальность, отличает нас от других, хотя бы и похожих во всех отношениях, индивидуальностей, имеющих те же мысли, те же знания. Тем сильнее воля, тем более выражена индивидуальность; для того, чтобы обезличить человека, надо подавить в нем волю; чем меньше воли, тем меньше индивидуальности; чем больше воля, тем ярче, сильнее, полнее индивидуальность» [5, с. 39].

Из истории психологии известно, что понятие «воля» было введено как объяснительное понятие о зарождении действия, которое основывается не только на желаниях человека, но и на умственном решении о ее осуществлении. Так, отечественный ученый А.У. Фрезе отмечал, что воля и действие, т.е. произвольное движение, неотделимы друг от друга, что любой волевой акт есть не что иное, как действие или удержание от действия. Согласно Фрезе, все душевные явления, не воплощенные в действия, есть «субъективные акты, ибо о них знает только один, имеющий их. Единственный способ проявления – мышечное сокращение у человека – мимика лица, речь, деятельность». В действии (движении) он видел не что-то самостоятельное, изолированное, а завершающий момент целенаправленного акта сознания: сиюминутного или прошлого, закрепленного в привычке. Он предугадывает в данном вопросе некоторые исходные положения не только И.П. Павлова, но и Н.А. Бернштейна.

Воля формируется и развивается под воздействием контроля за поведением человека со стороны общества и лишь затем интериоризуется, т.е. становится чисто внутренним психическим процессом – самоконтролем личности. Становление воли связано с переходом от внешних способов действия к внутренним. Об этом еще в начале прошлого века писал И.Г. Оршанский. Он показал

зависимость волевого выбора от реальной ситуации, воспитания, убеждения, индивидуальности личности, сформированной жизненным опытом; объяснял возникновение идей о свободе воли сложной мотивацией всякого волевого решения, многообразием человеческих личностей, трудностью учесть все особенности взаимодействия данной ситуации с характером данного человека. В относительной свободе воли он видел возможность следовать своим убеждениям и стремлениям, несмотря на давление обстоятельств, и умение критически оценивать и учитывать реальную ситуацию.

Особое внимание проблеме изучения воли уделял отечественный ученый П.И. Ковалевский. Психические процессы рассматривались им как взаимодействие (нередко остроконфликтное) разума и эмоций, связанное с волей, без которой эти процессы не могут завершиться. «Воля не есть самостоятельная способность, а вполне вытекающая из вышеупомянутой борьбы между мышлением и самочувствием. Воля есть диагональ между этими двумя душевными силами: мышлением и чувством или страстью... в одних случаях она приближается в сторону одного, в других в сторону другого, смотря по напряженности того или другого деятеля», - утверждал Ковалевский [1, с. 39]. Т.о. он определял душевные болезни как расстройства мышления и самочувствия.

Общая позиция отечественных ученых заключалась в том, что воля проявляется и как процесс, и как действие, и как состояние, но непременно выполняет присущую ей функцию регуляции деятельности и поведения. Волевые проявления реализуются через волевое действие, волевое усилие и характерную напряженность, которая мобилизует и регулирует активность личности. Волевое усилие является также основой состояния волевой активности, которая составляет временную характеристику психической деятельности человека.

Итак, история развития представлений о свободе воли свидетельствует о неоднозначности и многоплановости понимания этого понятия.

Воля рассматривалась, как процесс осознанного воздействия человека на свою психическую сферу с целью выполнения необходимого действия в соответствии с поставленной целью, преодолевая физиологические и (или) психологические трудности (препятствия). В психической деятельности она реализует две взаимосвязанные функции: активизирующую и тормозящую, что позволяет направлять деятельность человека как на достижение чего-то, так и на отказ от того, что ему не нужно.

Благодаря воле человек может по собственной инициативе, исходя из осознанной необходимости, выполнять действия в соответствии с заданным планом. Воля обеспечивает самодетерминацию и саморегуляцию деятельности и протекания различных психических процессов.

Волевое действие всегда целенаправленно, посредством этого действия человек стремится к достижению стоящей перед ним цели по заданному плану, подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своим замыслом. Действующий субъект, направляя усилие на достижение цели, может оценить результат действия, сопоставляя его с целью, на которую оно было направлено. Эффективность волевого усилия оценивается человеком через успешное или неуспешное достижение поставленной цели.

Таким образом, отечественные ученые не стояли в стороне от проблемы свободы и в разные периоды XIX-XX века, а обращались к ее изучению. Анализ научных поисков отечественных исследователей обнаруживает различия в их взглядах на природу воли. Вместе с тем установленные ими способы воспитания воли помогают современной психологии продвигаться в таких сложных вопросах, как формирование личности с развитой волей.

Список литературы:

1. Ковалевский П.И. Психиатрия. Общая психопатология. – Харьков, 1892.
2. Корсаков С.С. Избранные произведения. – М., 1954.
3. Корсаков С.С. По вопросу о свободе воли (возражение на реферат Н.Я. Грота на заседании 5.03.1887 г.) – Труды Московского психологического общества. М., 1889, 3.
4. Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. – СПб., 1902.
5. Чиж В.Ф. Методология диагноза / В.Ф. Чиж. – СПб., 1913.

СИСТЕМА КОМПЛЕКСНОГО ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Лифинцева А.А.

Канд. псих. наук, доцент РГУ им. И.Канта, г. Калининград

E-mail: allif1980@rambler.ru

По данным разных авторов [1;3] встречаемость психосоматических расстройств у детей и подростков составляет от 30 до 68% от числа обращающихся в детские поликлиники. Рост количества психосоматических заболеваний среди детского и подросткового населения нацеливает современных исследователей на изучение причин возникновения заболевания и поиск путей профилактики и лечения не только медикаментозными средствами, но и в большинстве случаев, с помощью психотерапии и специальной психологической коррекции. Однако, можно обнаружить ряд проблем, сложившихся в настоящий момент в этом направлении в психологической науке.

Во-первых, на данный момент в современной медицинской и психологической науке достоверно установлено, что ключевую роль в прогнозе и течении психосоматических расстройств играют психологические факторы, которые рассматриваются в контексте психосоматического соотношения в болезни. Несмотря на это, роль психологических факторов в профилактике, лечении и реабилитации детей и подростков с психосоматическими заболеваниями, мало учитывается в деятельности медицинских и образовательных учреждений. При этом, многие клинические, биологические и психологические исследования указывают на то, что психологические факторы могут влиять не только на заболеваемость и симптоматику психосоматических расстройств у детей и подростков, но и, опосредованно, могут привести к патологическим изменениям личности [4].

Во-вторых, вектор внимания врачей соответствующего профиля сосредоточен, в большей степени на медикаментозной терапии, поиске методов ранней диагностики заболевания, а новые психотерапевтические подходы и средства психологической коррекции, несмотря на их значительную эффективность, остаются вне помощи детям и подросткам с психосоматической патологией.

В-третьих, существует достаточно высокий уровень ригидности специалистов медицинских, образовательных и социальных учреждений, который проявляется в нежелании изменять устоявшиеся

взгляды в представлении психосоматических расстройств. Такая ригидность взглядов препятствует внедрению и разработке современных методов терапии психосоматических расстройств у детей и подростков в аспекте биопсихосоциальной концепции, направленной на предупреждение и лечение этого заболевания.

Таким образом, возникла необходимость в научном обосновании и разработке системы комплексного психосоциального сопровождения детей и подростков с психосоматической патологией.

Организация специализированного центра для детей и подростков с психосоматической патологией, на наш взгляд, не является целесообразной по нескольким причинам. Во-первых, организация и содержание такого центра требует огромных экономических затрат, что не вполне возможно в современных экономических условиях. Во-вторых, постоянное посещение детьми и подростками с психосоматической патологией специализированного центра, так или иначе, будет вести к формированию у них представлений о собственной «инвалидизации». И, последнее, деятельность специализированного центра может препятствовать успешному взаимодействию специалистов различного уровня (образования, здравоохранения, социальных учреждений). В связи с этим, мы говорим о системе комплексного психосоциального сопровождения детей и подростков с психосоматической патологией на уровне взаимодействия специалистов учреждений здравоохранения, образования и социальной защиты, что гарантирует широкие возможности для реабилитации, повышения качества жизни детей и подростков с психосоматической патологией и профилактики психосоматических расстройств. При этом, ни в коей мере, нельзя преуменьшать значимость медицинского вмешательства и медикаментозного лечения. Более того, на определенных этапах развития заболевания именно эта составляющая системы комплексного психосоциального сопровождения детей и подростков с психосоматической патологией может быть ведущей [2].

Система психосоциального сопровождения детей и подростков должна быть реализована на основе разнообразных принципов, к которым относятся комплексность, этапность, индивидуальность, мультидисциплинарный подход и преемственность. Комплексность – сочетание различных медикаментозных, физических, психолого-педагогических, социальных, психотерапевтических методов, а также специальных программ, направленных на стимуляцию развития различных функций организма, повышения качества жизни и адаптивности детей и подростков с психосоматическими

заболеваниями. Этапность – каждый последующий этап комплексного психосоциального сопровождения должен учитывать результаты предыдущего. Индивидуальность – программа должна составляться с учетом всех особенностей детей и подростков с психосоматической патологией. Мультидисциплинарный подход – в разработке и осуществлении индивидуального плана психосоциального сопровождения должны принимать участие специалисты различных специальностей, как медицинских (врач соответствующего профиля), так и немедицинских (психологи, педагоги, социальные работники и др.). Преемственность – необходимо четкое взаимодействие между различными подразделениями здравоохранения, социальной защиты, образования.

Система комплексного психосоциального сопровождения будет осуществляться: на уровне учреждений здравоохранения (амбулаторная и стационарная службы, медико-профилактические центры), учреждений образования (дошкольные и школьные образовательные учреждения, психолого-педагогические центры и центры реабилитации), учреждения социальной системы (социальные центры, медико-социальные центры).

Особое внимание в системе комплексного психосоциального сопровождения детей и подростков с психосоматической патологией должно быть уделено взаимодействию специалистов учреждений различного уровня, так как именно оно (взаимодействие) является одним из условий повышения качества жизни детей и подростков с психосоматической патологией и профилактики психосоматических расстройств.

Основными направлениями деятельности специалистов внутри каждого элемента системы комплексного психосоциального сопровождения являются диагностика (психологическая, неврологическая, нейропсихологическая, социальная, оценка мероприятий, проводимых в учреждении); психотерапия и психокоррекция (использование различных терапевтических концепций и средств психологической коррекции), сотрудничество и координация (с соответствующими учреждениями), консультирование и просвещение (консультирование родителей, детей и подростков, специалистов, работа с общественностью через средства массовой информации, консультирование учреждений), обучение и повышение квалификации, научные исследования.

Список литературы:

1. Андропов Ю.Ф., Бельмер С.В. Соматизация психических расстройств в детском возрасте. М.:Медпрактика, 2005. – 444с.

2. Галактионова А.В. Подходы к реабилитации пациентов с психосоматическими заболеваниями. URL:http://www.help-patient.ru/psychological_help/psychologists/.../003.pdf (дата обращения 28.09.09).
3. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс: Психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. – СПб: Речь, 2005. – 400с.
4. Русякова Е.Е. Психологические особенности личности подростков, страдающих бронхиальной астмой и методы психологической коррекции: автореф. дис. ... к.псх.н. – СПб, 2004. – 22с.

ВОСПИТАНИЕ ЭТИЧЕСКИ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Маланичева А.В.

Канд. пед. наук, АлтГПА, г. Барнаул

E-mail: milamav@mail.ru

Система образования является стратегически важной сферой человеческой деятельности, значимость которой неуклонно возрастает по мере продвижения общества по пути прогресса. Образование в вузе не должно сводиться исключительно к передаче знаний. Оно должно выполнять и функции формирования личностных качеств студентов: критическое отношение к себе, формирование ценностных ориентации, гибкого мышления, установок на диалог и сотрудничество, т.к. в вузе молодые люди проходят важнейший этап социализации, гражданственности, осознавая общественно-значимые ценности.

Будущий специалист – выпускник педагогического вуза должен обладать следующими личностными качествами необходимыми для эффективной профессиональной педагогической деятельности:

1. познавательная самостоятельность;
2. творческая направленность (активность);
3. профессиональная устремленность;
4. нравственность;
5. гуманизм.

Принципами, ориентирующими образование на развитие социально активной, образованной, нравственной, этической, гуманной личности в современных условиях, для всех участников образовательно-воспитательного процесса в педагогическом вузе должны быть:

- демократизм, предполагающий реализацию системы образования и социализации личности, основанной на взаимодействии, на педагогике сотрудничества преподавателя и студента;

- гуманизм к субъектам образовательного процесса;

- уважение к общечеловеческим, нравственным ценностям, правам и свободам граждан, корректность, терпимость, соблюдение этических норм;

- профессионализм, организованность, ответственность, дисциплина и самодисциплина, компетентность, овладение необходимыми знаниями, умениями и навыками в избранной специальности;

- рационализм, конструктивность, светскость внутривузовской жизни, активность (участие в делах вуза, самодеятельности, спортивных мероприятиях и др.).

Воспитание и развитие у студентов педагогического вуза нравственности и высокой этической культуры российского профессионала-специалиста является самой важной задачей в процессе становления личности. Воспитание личности в образовательном процессе педагогического вуза включает в себя следующие компоненты: нравственные, этические, моральные и физические.

Обратимся к этическому компоненту воспитания личности как одному из основополагающих.

В качестве критериев этического воспитания в системе образования выступают: уровень знаний и убежденности в необходимости выполнения норм морали, сформированность моральных качеств личности, умения и навыки соответствующего поведения в жизненных различных ситуациях. В целом, это можно определить как уровень нравственной культуры личности.

В результате этического воспитания у студентов должны быть сформированы такие качества личности как высокая нравственность, эстетический вкус, высокие моральные, коллективистские, волевые и физические качества, нравственно-психологическая и физическая готовность к высокопроизводительному труду и защите Родины.

Воспитание личности будущего специалиста – учителя общеобразовательного учреждения является наряду с обучением важнейшей функцией системы профессионального педагогического образования.

Ведущая роль в воспитании студентов принадлежит преподавательскому составу вуза. Преподаватель в России всегда был воспитателем, но сегодня воспитание может и должно быть понято не

как одновременная передача опыта и оценочных суждений от старшего поколения к младшему, но и как взаимодействие и сотрудничество преподавателей и студентов в сфере их совместной учебной и внеучебной деятельности.

К важнейшим условиям реализации программы этического воспитания в педагогическом вузе можно отнести следующие:

педагогические: ориентация на конкретный конечный результат воспитательных усилий, опора на творческую активность студенческих коллективов, стремление субъектов воспитания к повышению эффективности воспитательного процесса; и организационные: эффективное использование гибкой системы стимулирования, поощрений и порицаний в воспитательном процессе, сочетания задач воспитательного воздействия с решением проблем социальной заботы о молодежи, включение показателей участия преподавательского состава в воспитании студентов в оценку их деятельности в период аттестации, оптимальное планирование воспитательной работы с учётом всех структур и подразделений вуза.

Программа воспитания должна постоянно обновляться и обогащаться. Для этого необходимо постоянно изучать, обобщать положительный опыт воспитательной работы со студентами и распространять его среди кураторов и всех подразделений вуза.

Мы предлагаем реализовать программу воспитания этически зрелой личности студента в три этапа:

1 этап – организация научно-методической работы по этическому воспитанию личности студента на уровне организации и внедрения в образовательный процесс педагогического вуза курса «Педагогическая этика».

2 этап – осуществление программы воспитания этической личности студента по основным направлениям: «История развития этической мысли», «Этическая культура общения» и собственно «Педагогическая этика взаимоотношений».

3 этап – разработка диагностических методик изучения личности студента до и после изучения курса «Педагогическая этика».

В ходе реализации данной концепции и программы воспитания этически зрелой личности мы ожидаем получить следующие результаты:

- выработка субъектной позиции личности;
- стимулирование этической рефлексии;
- высокий уровень этической подготовки будущих учителей.

Список литературы:

1. Кулюткин Ю.Н. Творческое мышление в профессиональной деятельности учителя / Ю.Н. Кулюткин. // Вопросы психологии. – 1986. – №2. – С. 21-30.
2. Низамов Р.А. Дидактические основы активизации учебной деятельности студентов / Р.А. Низамов. – Казань, 1975. – 202 с.
3. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М., 1961. – 563 с.
4. Ястребова Е.Б. Развитие познавательной самостоятельности студентов младших курсов: автореф. дис... канд. пед. наук / Е.Б. Ястребова. – М., 1984. –16 с.

Материалы международной заочной
научно-практической конференции

**«ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ПСИХОЛОГИИ»**

Часть I.

1 февраля 2010 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 16.02.10. Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 550 экз. Заказ 27.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.